

МАРГАРИТА ЛОГВИНОВА

Девушка
На фотозрафии
футболиста Березинна

ЧАСТЬ 2

12+

Маргарита Игоревна Логвинова Девушка на фотографии футболиста Березина. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29609969

SelfPub; 2019

Аннотация

Команда в кризисе, результаты падают. Никто, даже профессор, не в силах понять, в чем истинная причина происходящего. Сможет ли ассистентка психолога разобраться в ситуации или окончательно запутается в паутине чужих жизней и судеб? Каким бы ни был исход, это будет увлекательное путешествие...

Содержание

ЧАСТЬ 2. Бумеранг	4
Кривое зеркало	5
Одна проигранная встреча	21
Хорошая команда	33
Лифт	48
Холодная голова и горячее сердце	67
Вера	86
Спасибо	107
«Чудовища»	130
Кактусы и бутерброд с колбасой	149
Люди и книги	198
Даже сильные бывают слабыми	206
Любовь и прочие эксперименты	235
Гореть	251
Эпилог	266

ЧАСТЬ 2. Бумеранг

Все возвращается.

.

Кривое зеркало

Отчего в этом году нас так ненавидит весна? Во всяком случае, она очень припозднилась, заглянув лишь в последних числах марта. Но зато теперь, когда снег почти сошел, можно, весело потряхивая сумочкой, нестись на всех порах в любом направлении, будучи полностью уверенной в том, что не поскользнешься на очередной льдине или что сосулька не найдет твоей несчастной головы, на которую и без того любят падать всякого рода неприятности. И чего у меня такое отличное настроение? Почему я улыбаюсь прохожим? Потому что солнце светит так ярко, потому что ветер теплый-претеплый... Да мало ли почему?! Одним словом, весна! А весну я просто обожаю!

Хотя разум периодически подсказывает мне, что особенно радоваться нечему: Матвей Горин все-таки ушел, а Николай Степанович долго потом меня отсчитывал, что предвзрительно я не договорилась с ним о направлении беседы. Как будто он сам бы посоветовал ему другое! Мол, нужно было удерживать Матвея, потому что президент клуба не имел большого желания его продавать. Ну и что теперь — человеку мучиться? Конечно, он начальник и все такое... Эх, выгонят меня когда-нибудь с моей философией! Ну, ничего: главное, дотянуть до получения диплома, а там не страшно.

Но даже это не беда: ушел, да ушел. Как сказал бы профессор, у футболистов доля такая: уходить, приходить, снова уходить. Вот только после перерыва игра у наших совсем разладилась: за трех первых турах два поражения и одна ничья. И это при том, что Березин, наш лидер, весь сезон играет как никогда здорово. Тренер весь на нервах, в команде настроение ниже плинтуса. Что-то там происходит, в чем мы с Николаем Степановичем разобраться не смогли — не наша компетенция. Если бы у кого-нибудь одного проблема случилась, помогли бы, а тут целое наваждение. И президент... на него весна вообще дурно влияет. Удумал какие-то нововведения учинять! Как бы не решил оптимизировать число сотрудников — я на своих птичьих правах первый кандидат на вылет.

Я не ездила с командой на сборы — пресловутая экономия! Но с другой стороны, хоть как-то дела в порядок привела, а их накопилось немало. Все-таки трудно блестяще учиться и хотя бы сносно работать! Или наоборот.

Как же быстро пролетела зима! Я ее не люблю, поэтому считаю, что мне повезло. А когда подопечных своих увидела спустя почти три месяца, то так обрадовалась! Сама не знала за собой такого: с трудом привязываюсь к людям, а тут... Кирилл — с ним мы созванивались, да и Наташа рассказывала много; Егор — он таки женился, только вид у него при этом был, будто человек объелся лимона. Не нравится — не женись. Зачем девушке мозги пудрить? Мне на месте Агнии

было бы очень неприятно, но она вроде бы не заметила.

Березин... Это вообще отдельная история! На следующий день после нашего «свидания» он явился в кабинет и подпер плечом косяк двери, молча уставясь на меня. Дмитрий, как это за ним водится, являлся скоплением металлических безделушек, модельных дырок, футболки цвета фуксии с веселым принтом, и, конечно, присутствовал белый хаер — без него никуда! Руки в карманах, на губах играет полулукавая улыбка, одной ногой, согнутой в колене, упирается в дверной косяк, непроницаемые глаза смотрят прямо на меня.

— Хорошо ты вчера меня! — начал он вместо приветствия.

— Да, неплохо, — подтвердила я. — Только ногу опустите, а то казенное имущество, сами понимаете!

— Так мы снова на вы! Отлично. Так меня еще никто не отшивал.

— Что ж, все когда-нибудь бывает впервые! Тем более, с вашей стороны это была только игра. Не так ли? — Березин кивнул. — А все игры имеют обыкновение заканчиваться.

— Ага, только эта завершилась больно резко: еще минуту назад вы говорили: «Какой прекрасный вечер», а мгновение спустя исчезли. Но вы правы: это всего лишь игра. Да, все, что я вам там наговорил... не берите в голову: на что не пойдешь, чтобы выиграть!

— Вы правы, мне тоже пришлось вам польстить, — я старалась как можно глубже закопаться в бумаги. Надо с этим кончать, нам работать еще вместе.

– Вы еще скажите, что у вас губы свело от натянутой улыбки и что пожалели, что согласились прийти, — Дмитрий отделился от стены и подошел к моему столу.

– А вы, что были безумно счастливы, когда удавалось избавиться на время от моего общества, — привстала и я.

Мы посмотрели друг на друга: я колюче, он насмешливо-безразлично. Наконец, мы отвели глаза.

– Вы бы побереглись: играть не так-то просто, этому учатся годами, — заключил Березин, отстраняясь от моего стола.

– И вы поаккуратнее. Сами знаете: есть травмы, которые очень долго не заживают.

В высшей степени странный разговор, но он был необходим. В какое-то мгновение я поняла, что все неправильно, что так не должно быть. Подходящих слов найти не удалось, вот и пришлось уйти по-английски. Было и еще что-то, о чем говорить не хотелось.

Что касается остальных ребят, то они все вернулись изрядно посмуглевшими, даже Цыпа и Диего, которые и так от рождения обладали насыщенно шоколадным цветом кожи.

А день все-таки прекрасный! На выходные собираюсь домой, чтобы помочь подготовиться к Пасхе. Совсем домой. Потому что там минимальный шанс встретиться с Димкой. Хотя теперь мне все равно! Вот уже и база далеко позади, несколько шагов до остановки осталось. Я замедлила шаг, чтобы еще раз насладиться наступающим вечером. Вдруг

кто-то сказал сзади:

– Стой!

По-моему, знакомый голос. Только лучше подготовиться к худшему, я даже баллончик газовый купила, чтобы защищаться от всякого рода неприятностей. Заветная емкость уже притаилась в руке, когда я развернулась в сторону голоса. В последний момент рука опустилась и я, отвернувшись, пошла дальше.

– Короче, будем делать вид, что не знакомы? — предложил Стрелок, поравнявшись со мной.

– Отличная идея! Вижу, нога поджила, теперь ты передвигаешься значительно быстрее, чем раньше. Пока!

Стрелок и правда физически выглядел свежее, нежели три месяца назад. Вот только лицо... Оно сохранило признаки недавнего неудовольствия, хотя постепенно прояснялось. Рассуждаем, как учил профессор: Стрелок увлекается только (насколько мне известно) одним футболом, его команда не в лучшем состоянии. Скорее всего, переживает он как раз из-за команды.

– Неужели обижаешься? — допытывался он.

– Куда мне: я же робот!

– Короче, рад встрече.

– Не могу сказать того же в твой адрес.

Стрелок сначала пожелтел и отвернулся, а потом изобразил уже знакомое мне подобие ухмылки.

– А цепочку не снимаешь! — заметил он довольно.

– Еще чего! Она моя! — безапелляционно заявила я.

Мы посмотрели друг на друга внимательно, я не удержалась и рассмеялась. Его мутного цвета глаза ответно заблестели.

– Ну и как ты, гроза всех фанатов команды соперников? Только не говори: «Нормально!». Так отвечают людям, которым не доверяют.

Мы как в старые добрые времена медленно плелись по дороге.

– Сама понимаешь: у команды застой, почти развал. Короче, настроение ни к черту. Что у них? — допытывался мой попутчик.

– Даже если бы знала, не сказала — не могу, но мне скрывать нечего: на сборах не была, мы сами с профессором головы ломаем. Какое-то у тебя лицо кислое, неужели только из-за футбола?... Можешь не отвечать, если не хочешь, — добавила я.

– Тут тоже скрывать особо нечего: исчезнуть бы куда-нибудь... Учеба, фан-клуб и вообще...

Вообще — это, видимо, семья. Надо же, он восстановился в университете? Дело идет на лад!

– Это можно.

– В каком смысле? — недоумевал Стрелок.

– Просто поверь мне и не спрашивай, куда поедем. Не волнуйся, верну тебя пару дней спустя в целости и сохранности.

– Так все-таки куда?

– Можешь ты хоть раз в жизни кому-то довериться?

Стрелок задумался, а не отказался наотрез, как предполагала я. Нет, все-таки у него другая акцентуация, не шизоидная.

– Только там, куда мы поедем, я буду звать тебя Женей, если ты не против.

Мы сошли на мягкую, по-весеннему гибкую землю, когда уже смеркалось. Я специально не просила нас встречать — хотела пройтись пешком, подышать замечательной чистоты воздухом. Мне-то хорошо, Стрелку, то есть Жене хуже — он ведь несет мою неподъемную сумку и скромную свою. Да и ему неплохо бы сменить обстановку. И почему мне стукнуло в голову привезти его домой? Сама не знаю. Смешно вспомнить: на каждой станции он порывался сойти, допытывался, что к чему, звонил куда-то, по карте в интернете отслеживал, где мы. Будто бы я его в дремучий лес на съедение волкам веду! Ну, ничего, пусть привыкает доверять людям.

– Теперь ты скажешь, куда мы приехали? Короче, это твой дом?

– Как ты догадался?

– Больно уверенно ты идешь, но смотришь по сторонам, давно уехала и приезжаешь редко?

– Уехала очень давно, а приезжаю крайне редко. Мы сначала в город переехали сразу по окончании девятого класса, чтобы к ЕГЭ хорошо подготовиться, да и папа там рабо-

ту нашел... Потом еще более дальний переезд... Вот так, — подытожила я и чуть заметно улыбнулась. — А ты чего вдруг решил затаиться?

— Да так, — попытался уйти от ответа он, — мать к отцу в санаторий уехала, и я как-то... сама понимаешь.

— Ага, — кивнула я. — А с ней поехать не судьба?

— Давай закроем тему, — отрезал он и поправил ручку сумки на плече. — Где же твой дом? Короче, не представляю даже, что в такой глуши могут люди жить.

— Могут, скоро в этом убедишься.

— Маш, но ты мне скажешь, если узнаешь, что с нашими. И обращайся, если помочь надо будет, — на ходу бросил он.

— Ладно, только уговор: если что-то узнаешь, даже слух или сплетню какую-нибудь правдоподобную, сообщишь мне. Я-то уже сделала вывод: вы про футболистов порой больше них самих знаете, мы, психологи, тут вам в подметки не годимся!

Так, переговариваясь о том, о сем, мы медленно, но верно приближались к моему дому.

— Дорогая моя, наконец-то! — сдвинула меня в своих объятиях мама. — Как ты похудела! Совсем ничего не ешь! — сетовала она.

— Мама! Я ем. И совсем не похудела! — успокаивала ее я. — Познакомься: это С... славный человек, который спас мою сумочку. Его зовут Женя, — особенно подчеркнула последнее слово, чтобы Стрелок привыкал отзываться на свое

настоящее имя, а не только на кличку.

— Валентина Ивановна, очень приятно. Маша о тебе рассказывала, благодарила очень, — расплылась в улыбке мама и посмотрела на нас поочередно, я взглядом показала, что это она делает зря. Женя даже бровью не повел, как будто все происходящее его не касалось.

Мама — довольно энергичная, живая (особенно в присутствии гостей) женщина с орехового цвета волосами, все видящими карими глазами и лапками морщинок под ними, символизирующих, что их обладательница любит посмеяться. Еще она любит меня, папу, свою профессию, причем последнюю весьма сильно, хотя в этом ни за что не признается. При этом работа ее утомляет порой, как, впрочем, и любого другого нормального человека. Она работает в отделе кадров на текстильной фабрике, поэтому трудоспособность человека определяет всегда с первого взгляда.

— Хорошо, что ты не одна, веселее будет! — как-то странно намекнула она.

— В каком смысле?

— Вероникины родители здесь по соседству дом сняли.

Я не отвечала.

— Ты забыла Веронику? Ну, она среднего роста с вьющимися волосами. Вы дружили даже какое-то время до твоего отъезда.

Куда мне ее забыть! Еще как помню. Только этого не хватало!

— Я их с Димкой на ужин пригласила, они нас до этого на шашлыки звали, — пояснила она. — Прекрасные ребята.

— Мам, зачем? Я устала, да и Женя тоже... Может, потом как-нибудь? — видимо, несмотря на весь мой пресловутый самоконтроль, которым так гордилась, притворяться равнодушной у меня выходило скверно. А тут и Женька голос подал, он все еще держал на весу сумку и осматривал наш дворик.

— Короче, хорошо. Вы про Керимова говорите? Буду рад его видеть, — довольно констатировал он.

— Вы знакомы? — удивилась мама.

— Да, встречались несколько лет назад.

— Вот удача! — восхитилась она. — Что же мы на крыльце говорим, проходите.

Я пропустила маму вперед и зло шепнула Жене:

— С чего это ты решил знакомство восстановить?

— Не волнуйся, Маш. Он не футболист — в случае чего и разукрасить могу.

— Да уж, успокоил! — покачала головой я и закрыла за собой дверь.

Пока Женька-Стрелок размещался в одной из двух наших спален, мы с мамой остались наедине в другой. Я смогла узнать все новости и подробности. Оказывается, дом сняли совсем недавно — зимой. Обычно на выходные приезжал только Димка, потом стала и Вероника ездить. Папу следовало ждать лишь утром, его дела задержали в городе.

Женю мама оценила положительно: сказала, что он жилистый, и на нем воду возить можно, если подкормить немного; некую угрюмость она охарактеризовала как серьезность, а малообщительность как деловитость — так и должно быть — мужчина говорит мало, а делает много. От такой оценки я пару раз, не удержавшись, хмыкнула.

Я вышла на улицу, спустилась с крыльца и направилась в сад. Какое же все родное! Листва уже убрана, поэтому робкая и такая ярко-зеленая травка то здесь, то там мило улыбается мне. Эти яблони, беленные до колен, березки, которые я так любила обнимать в детстве, — слышала, что это питает силы и придает уверенность; наш огород — сколько дней на нем проведено! Наш дворик... Когда-то по нему сновали туда-сюда куры, утки, индюшки. А теперь тишина. Вообще деревня стала тише, деревья ниже, а дали короче. Взрослеем, однако.

Вот только Димка... с чего они решили дом рядом с нами снимать? Да нет, это не он, а родители Вероники. Что ж, это неважно. Он давно уже ушел из моей жизни. Надо же, стоило всему успокоиться и на тебе! Хотя мне нечего волноваться, он чужой для меня человек.

Тут сзади послышался удар и чертыханье, словно кто-то споткнулся. Так и есть: Женя и ведро не смогли разойтись миром.

— Короче, это все черное вы сажаете? — поинтересовался он. — Чего ты смеешься, я что-нибудь смешное спросил?

– Нет. Просто странный вопрос. Недели через три-четыре будем картошку сажать, так что если тебе снова захочется сбежать на пару дней, то приезжай и узнаешь наверняка.

– Буду иметь в виду, — улыбнулся одними глазами Женя.

– Так это все ваше? — мой спутник обвел глазами просторный сад, уходящий вдаль огород, бугор, речушку за ним, несчастый лес на заднем плане.

– Можно сказать и так! — отозвалась я.

– Ты тут выросла?

– Ага.

– Теперь понятно, — заключил Женя и оперся спиной на мощный остов яблони.

– И что тебе понятно, хотелось бы узнать? — насмешливо поинтересовалась я, прислонившись к соседнему стволу напротив.

– Отчего ты такая полудикая — полудомашняя.

– Спасибо, так меня еще никто не характеризовал! Отчего же я «полудикая»?

– Короче, делаешь, что хочешь и как хочешь, невзирая на других.

– Допустим. Почему же «полудомашняя»?

– Ну, — замялся мой собеседник. — Я тебе потом как-нибудь скажу.

До чего ему не хотелось пояснять! Он и глаза отвел, и на часы посмотрел, и телефон два раза проверил... Не стала я допытываться у него ответа: захочет, сам потом ска-

жет. Все-таки любопытно взглянуть на себя глазами другого человека, правда, порой складывается впечатление, будто в кривое зеркало смотришься, и в нем не ты, а кто-то другой.

Вот и случилось! Сидим мы напротив друг друга в зале, таком любимом, родом из детства, за прекрасно накрытым столом (мама гостей принимает не очень часто, но если уж случилось, то будет пир на весь мир), во главе которого сама хозяйка. Рядом со мной Стрелок, с противоположной стороны — Вероника (ближе к матери), а прямо по курсу, стоит поднять глаза — Димка.

Комната довольно просторная, но вынесенный в центр стол значительно уменьшил ее. Тут мои игрушки, безделушки, книги — многое, что характеризует меня сильнее, нежели все психологические портреты, которые только возможно придумать. Главное, приглядеться.

Вероника поглядывала на меня робко, вступила в разговор с мамой, потом ко мне обратилась. Мое лицо озарилось самой милой из подвластных мне улыбок. Я отвечала, как прекрасно работать в таком известном футбольном клубе, какой у меня замечательный профессор, как я глубоко прикипела душой к команде, какие у меня друзья превосходные... Вероника кивала, уточняла, спрашивала в обратную. Мама отвлеклась от еды, подперла ладонью голову и не сводила с меня глаз. Димка в разговор не вклинивался до поры до времени, делал вид, что поглощен окорочками, салатиками. Женя тоже молчал, но ему простительно: он с таким ап-

петитом вкушал мамину стряпню, что в один момент времени я поняла, что мама в позе мыслителя созерцает не меня, а его.

— Короче, вкусно невозможно, — констатировал Женя, когда в разговоре возникла пауза.

— Женя, вы вроде бы знакомы с Димой? — намекнула мама.

— Да, хорошая гонка была, когда мы впервые встретились, приятно вспомнить.

— О своих победах всегда приятно вспоминать, — улыбнулась я.

— Знаете, — подал голос Димка, — некоторые проигрыши оставляют больше впечатлений, чем иные победы.

— Наверно, — не удержалась от колкости я, — особенно, когда хочешь проиграть.

— Как будто кто-то может нарочно стремиться проиграть! — беря бутербродик с красной рыбкой, засомневался Женя.

— Знаешь, всякое бывает! — переглянулась я со Стрелком. Димка поймал наш обмен взглядами и спросил:

— Есть один хороший вопрос: как вы считаете, может, лучше сразу сдаться, чем выйти и проиграть?

Первым вызвался отвечать Женя.

— По мне, так лучше попытаться.

— А ты как считаешь? — обратился он ко мне, и я впервые за сегодняшний вечер открыто посмотрела на него, не отво-

дя взгляд, но дать ответ не успела. — Можешь не отвечать, и так знаю: проигрывать не люблю и без борьбы не сдамся.

— А я, — попыталась проникнуть в наш в высшей степени странный разговор Вероника, — считаю, что если нет больших шансов, то рисковать не стоит. Поэтому я только приветствовала решение Димки не участвовать в гонках.

— Вот и правильно, — поддержала ее мама. — Нечего зря жизнью рисковать, вы кушайте, кушайте, — она хотела прекратить этот непонятный разговор, смысл которого оставался ей неподвластным.

— Значит, ты больше не соревнуешься? — спросила я. Даже жалко как-то, у него неплохо получалось.

— Везение закончилось, а без него никуда, — пояснил он.

— Это верно, как же ты сейчас?

— Учусь, подрабатываю в фирме, потом думаю свое дело открыть.

— Мои родители обязательно помогут, — добавила Вероника. Димка бросил на нее только им одним понятного содержания взгляд, девушка уткнулась глазами в тарелку.

— А не получится, что-нибудь еще придумаю, где наша не пропадала? — расплылся в улыбке он. Только теперь за слоем трехлетней накипи и штукатурки я разглядела прежнего Димку: остроумного, жизнерадостного, оптимистично настроенного, способного горы свернуть, до безумия влюбленного в жизнь.

Мы и дальше разговаривали, но Димка больше молчал.

А когда мы прощались, мой старый знакомый завозился в коридоре, возникла неловкая тишина, и, уже закрывая дверь, мне показалось, что я услышала: «Как же мне тебя не хватало!»

Но могу дать девяносто десять из ста относительно того, что это просто игра моего воображения.

— Ты меня обманула.

Так начал нашу беседу под звездным ночным весенним небом Женя.

— Ты говорила, что Вероника легкая, жизнерадостная, веселая, какая там еще? Общительная... ну, это правда, — согласился он. — А в остальном... не очень веселая, скорее стремится понравиться, не слишком жизнерадостная, скорее реалистичная, если и легкая, то на вес точно, а по характеру не знаю. Да и Димка. Обычный парень. Короче, я сразу подумал, что ничего особенного в день гонки в нем не заметил, а теперь убедился. А ты так расписала... короче, у меня совсем какой-то другой образ сложился.

Вот тебе и Юрьев день. А кто может быть уверен на сто процентов, что он смотрит на мир не в кривое зеркало?

Одна проигранная встреча

— Третий проигрыш в четырех матчах! Маша, подумайте только, третий! Пора срочно предпринимать меры, — заключил профессор. Он ходил в кабинете из угла в угол, размышляя о причинах такого неудачного старта после перерыва. Сегодня, сразу по завершению матча, он позвонил своей ассистентке и потребовал приехать на базу. Теперь у них проходило мини-совещание.

— Мне трудно предложить выход, потому что я не могу понять, почему так произошло, — отозвалась она.

Профессор на мгновение остановил свой пронзительный взор на девушке, потом протер очки, присел и предложил Маше:

— Я вас уже многому обучил, попробуйте сами понять причину разлада в игре, только помните, что в рассуждениях нужно идти от известного к неизвестному, от простого к сложному.

«Странный человек! У команды такие неприятности, еще две-три такие игры, и полетим мы отсюда на все четыре стороны, а он на проверку моей обученности время тратит! Что тут скажешь: педагог! Что ж, попробуем!»

— Что нам известно: игра разладилась после межсезонья. Это раз. Открытого конфликта между футболистами

нет. Это два. Игроки, у которых мы пытались выяснить, что в психологическом климате команды нарушено, ответа не дали. Это три. Физические кондиции игроков в норме, как нам сообщили доктора. Это четыре. Из всего вышесказанного сделаем вывод...

Профессор знаком остановил девушку. Хорошо, что он так поступил, потому что продолжение фразы Маша придумать никак не могла.

– Чтобы правильно сформулировать вывод, вы должны знать, что в межсезонье я практически не видел ребят: по семейным обстоятельствам был вынужден приезжать лишь на пару дней и снова уезжать.

«Интересно! И у него есть семейные обстоятельства! Хотя, ничего удивительного: ведь Женька тоже считал, что я робот».

– Это меняет дело. Наверно, в межсезонье произошло что-то, что нарушило психологический климат. Причем такое, о чем чужому человеку не говорят, даже близкому. Что-то очень серьезное, связанное с футболистами, о чем они молчат.

– Может, просто временный спад? — противоречил ей профессор.

– Возможно, но маловероятно: игроки те же, тренер тот же, а результата нет.

– Допустим, — психолог чуть отклонил голову в сторону, свободно расположился на своем любимом кресле, его гла-

за выражали внимание и что-то еще, похожее на гордость. — Может, вы проанализируете, что в игре ребят изменилось в худшую сторону?

Вопрос на засыпку, особенно, для девушки, которая к футболу относилась всегда прохладно, без особого интереса. Но не для той, что несколько часов провела в поезде рядом с человеком, ничего не признающим в мире, кроме футбола.

— Иногда складывается впечатление, что они перестали понимать друг друга: один дает передачу на ход, а другой думал, что будет в ноги; долго делят, кому штрафной пробивать; фолить больше стали. Что еще?... Хм... Короче, уверенность куда-то ушла, а вместе с ней и удача.

Психолог сначала слушал, потом начал протирать очки, затем поставил глаза в одну точку и замер. Маша решила, что профессору не понравился ее анализ, но вскоре она поняла: ее начальник придумывает очередной мудрый ход. Поэтому она не стала тревожить его задумчивость.

— Маша, вы считаете, что проблема в футболистах, а не роке, тренерах, руководстве или ком-то еще?

— Да, мне так кажется, — нерешительно произнесла девушка.

— Пусть будет по-вашему. Если есть скрытый конфликт среди футболистов, значит, они сами выдадут его причину своими словами, поведением, стоит только понаблюдать за ними хорошенько.

– Хорошо, я буду наблюдать в усиленном режиме, начиная с завтрашнего дня.

– Не пойдет, так наблюдение можно проводить целыми неделями, а у нас нет времени, поэтому приступим сегодня. Вы должны знать, что у нас есть неделя для улучшения ситуации, руководство наделило нас всеми необходимыми полномочиями. Но вы должны отчетливо представлять, что будет в том случае, если у нас ничего не выйдет. Я тоже буду наблюдать и особенно пристально — за тренером. Что-то здесь не так.

Маша, все это время сидевшая за компьютерным столом, подвигала уставшими от недостатка движения ногами, потом руками. Она уже поняла, что надо размяться, потому что остаток дня будет длинным и придется побегать.

Идея профессора, благодаря стараниям его и ассистентки, была воплощена в жизнь. На базе футболисты проходили восстановление после игры в массажной, ваннах, на специальных тренажерах. Потом они должны возвращаться домой, но профессор объявил им, что проводит обязательный сеанс психологической разгрузки в бывшей архивной. И вообще, им сегодня надо остаться с ночевкой на базе. Сказать, что футболистам не понравилось это известие — ничего не сказать, они, уставшие и разбитые разгромными 3:0 от середняка турнирной таблицы, пребывали в дурном расположении духа. Но психолог не унывал, он рассадил молодых людей на стулья, диван, шары, на подушки, специально для

этих целей разбросанные на полу. Всего испытуемых было одиннадцать: Кирилл Наваров, Егор Беговой, Дмитрий Березин, Магомед Ахмедов, Сергей Брошкин, Цыпа, Светич, Диего, Опалов, Чиж, Жоазинье. Именно такой набор футболистов оправдывался, по мнению профессора, оптимальными размерами малой группы, кроме того, в нем был представлен весь основной состав команды.

Профессор вошел последним, закрыл за собой дверь и общил:

– Вы лучше меня знаете сложившуюся ситуацию, вам с ней и разбираться. Сейчас я выйду и закрою за собой дверь, открою только через два часа. Можете заниматься, чем хотите. Советую обсудить наши проблемы...

– Подождите, — Егор немного перекатился на шаре, на котором сидел, — значит, разгружать нас не будут, а будут нагружать? Ну, спасибо, знал, не согласился бы! — заявил он с улыбкой, впрочем, как обычно.

– А я вообще ничего обсуждать не намерен! — заявил Березин, он сидел на полу, опершись спиной на стену и расположив впереди согнутые в коленях ноги.

– Это ваше дело, единственное условие — вместо «я» и «ты» говорите «мы», за каждую ошибку буду набавлять на первый раз по минуте, — заключил профессор, развернулся, покинул комнату. Все ее обитатели слышали, как снаружи скрипел ключ.

– Он что, правда, дверь закрыл? — удивился Павел. Фут-

болист встал с дивана, дернул за ручку и озадаченно вернулся на место.

— Не обязательно было проверять, и так все ясно! — констатировал Брошкин, парень двадцати семи лет с постоянно взъерошенными волосами и кипой мыслей в голове. За это его и любили, и недолюбливали: любили — за точные и креативные передачи, недолюбливали — за меткие и разумные замечания по любому поводу, а также глубокую осведомленность.

— Эй ты, философ! — подал голос Березин.

Футболист не успел говорить, потому что его прервал Егор.

— Ну, спасибо, Димка, теперь нам сидеть здесь на минуту больше!

— Откуда они узнают! — бросил нападающий.

— Это Николай Степанович не узнает? Иногда складывается впечатление, что он и так все знает! — заявил Чижик.

Маша сидела в закоулке за стеной и все видела, наушники передавали ей звуки в точности, а профессор спокойно сидел в кабинете, занимаясь своими делами.

— Опал, что будем делать? — впервые проронил пару слов Кирилл.

Капитан пожал плечами, не изменяя своему угрюмому виду, так для него не характерному.

Все выглядели озадаченными, раздраженными либо потерянными. Все, кроме Жоазинье, который делал вид, что это

просто еще одно рабочее упражнение — неприятное, но безобидное, поэтому коротал время, набирая сообщения в любимой сети. Он давно привык, что русские люди немного странные — очень уж любят придумывать себе утомительные развлечения.

— Что сказал профессор? Будем решать наши проблемы, — предложил Егор.

— Не знаю, как у тебя, а у меня проблем нет, — отрезал Березин.

— Димка, кончай с этим «ты» или мы здесь и правда до утра застрянем! — напомнил Чижик.

— Ты, ты, ты! — запел Диего, ему подпел Цыпа, создавая колоритный дуэт.

— Парни, помолчите, please! — с особым южнославянским акцентом сказал Светич. Он, два темнокожих футболиста и Чижик занимали диван.

— What is it? — спросил Цыпа. — Почему мы сидеть здесь? — Цыпа даже снял наушники, которые были практически его второй кожей.

— Это особая русская игра такая, понимаешь? Game.

— O, game! — повторил Цыпа, скривил в недоумении лицо и снова надел наушники.

— Ох уж эти психологи! — начал Егор. — Чего только не попридумают!

— Это четко, — отозвался Димка, — представляете, мне Мария посоветовала идти учиться!

– А что ты, правда?! Поступай, конечно. Иногда умным девушкам неприятно общаться с парнями без высшего образования, — изрек Брошкин.

– Кончай, Фил. Я же поступал, потом академ взял. Спасибо, что просветил, а то я же не знаю, что девушкам приятно, — ухмыльнулся Димка и почесал свой белый хаер.

Фил (он же Брошкин) снисходительно улыбнулся.

Маша смотрела за футболистами и думала, какие же они разные! И только, когда они вместе, рождается своеобразное чудо — команда. Но что-то в этом механизме нарушилось, сломалось... Но что?

Жаль, что среди них нет психолога, можно было бы перевести разговор в сферу чего-то более оптимистичного... а так...

Между тем, футболисты уже несколько минут молчали. Кто-то копался в телефоне, кто-то дремал, кто-то сидел задумавшись. Мрачноватая картина.

Вдруг Димка подскочил со словами:

– Я так больше не могу! Что мы тут сидим без дела? Давайте поиграем что ли?

– Ты издеваешься? Не маловата ли площадка? — ответил ему Чижик, отрываясь от своего телефона.

– Я не про футбол, — Димка подошел к шкафу и взял с полки карточки «Мафии», «Элиас», «Корову 006», «Иманджинариум», «Свинтуса». — Сыграем что ли? Нам еще здесь часа полтора сидеть, а то и больше!

– Можем и так посидеть, — резковато выразился Кирилл. Димка проигнорировал замечание.

Иностранцы переглянулись и пожали плечами. За те зарплаты, которые они получали, можно было и поиграть. Цыпа даже наушники снял. Он чувствовал, что в команде творится неладное, понимал: возможна ротация состава, а в его прелестном домике во Франции нужно доделать ремонт, премиальные в этом случае ох как не помешают...

– Окей! Мафия! — почти по-русски произнес Цыпа и взял из рук Димки карты.

– Весьма психологическая игра, — оценил Философ. — Я когда-то был одним из лучших в ней, — не поскромничал он.

– Тогда я тоже в игре, — поднял руку Чижик.

– А это точно не азартная игра? — заинтересовался Магомед.

Потом попросил карту и Диего. Он был очень азартен, много денег спускал в казино, приключения постоянно подстергали его, особенно, в такой непредсказуемой стране как Россия.

В итоге к игре присоединились все, кроме Жоазинье, даже Кирилл. Последним согласился играть Светич. Серб пребывал в дисфоричном настроении. Колебания настроения были для него естественны. Первоначально они вызывали у членов команды удивление и опасение из-за своей контрастности: еще недавно Светич был смешлив и разговорчив, а теперь угрюм и немногословен. Потом привыкли. Че-

ловек ко всему привыкает. Ко всему, кроме времени.

Началась игра. Еще на распределении ролей пришлось пересдавать карты, так как Магомеду попался персонаж, не принимаемый в его культуре. Ему долго внушали, что это всего лишь игра, уговоры подействовали, но отношение к персонажу не изменилось.

Как бы там ни было, команда оживилась, будто бы отбросив бремя забот, волнений. Правда, ничего, что хотя бы косвенно указало на причину разлада в игре, Маше не удалось подметить. Зато она еще раз убедилась, что Димка — сердце команды, ее мотор. Его энергия, неутомимость, жажда жизни и деятельности заражали и поддерживали. Второе, что уяснила Маша, сейчас действовать еще не поздно, как бы там ни было, они все еще хорошая команда и дорожат друг другом.

Ровно через два часа пятнадцать минут дверь повторно открылась, и вошел профессор. В это время футболисты уже осваивали «Иманджинариум». Николай Степанович поблагодарил всех за работу, помощь, пожелал всем спокойной ночи и отпустил в спальные номера, которые располагались на верхнем этаже в спальном корпусе.

– Да мы же ничего не сделали?! — прокомментировал ситуацию Егор.

– Это же «профессор»! — пожал плечами Чижик. Для него слово «психолог» всегда стояло в одном ряду со словами «маг» и «волшебник».

Футболисты распределились по номерам в привычном порядке: Егор с Кириллом, Дмитрий с Павлом, Светич с Филом (последнего не пугали особенности характера Горана), Опалов с Магомедом, Диего с Цыпой, а Жоазинье занимал номер единолично, это было прописано в его контракте. Он практически не понимал по-русски и старался поддерживать с одноклубниками исключительно рабочие отношения.

Кирилл и Егор по обычаю занимали угловой номер с видом на тренировочное поле. Темноглазого опорника очень удивило, что Егор не стал звонить жене, рассказывать, как прошел день, а обошелся только смс-кой. Как-никак, они только недавно поженились... Причем, в отличие от Кирилла, у Егора не наблюдалось особого огорчения по случаю того, что пришлось заночевать на базе.

Молодой отец же долго беседовал о житейских мелочах с любимой женой, спрашивал, как прошел день, чем занимался «Михаил Кириллович», его интересовали такие подробности, что можно было искренне подивиться и позавидовать его семейному счастью.

Егор в это время вышел на балкон. Он, оставаясь незамеченным, украдкой разглядывал семейное счастье своего партнера по игре и от нерадостных мыслей его брови нахмурились, а уголки губ опустились. «Настоящее счастье, — решил он, — в том, чтобы найти такого человека, с которым можно говорить вот так запросто обо всем на свете, человека, который бы понимал с полуслова... Вот только где его

взять?!»

С такими словами Егор сел на кровать, надел наушники и достал из сумки электронную книгу.

Дмитрий обычно коротал в подобных ситуациях время, рубившись в игры с Чижом. Но сегодня он казался чрезвычайно погруженным в собственные мысли и не мог разделить увлечения своего друга. Справедливости ради, Павел тоже не мог сконцентрироваться на игре, в конце концов, расценил затею с игрой как неудачную и бросил это неблагодарное дело. Посидев несколько минут в тишине, Чиж не выдержал и сказал:

– Еще одна проигранная встреча, и все...

Дмитрий посмотрел на друга тяжелым взглядом и сделал вид, что очень хочет спать. Он прекрасно понимал, что через три дня будет кубковый матч, на котором все решится, и на котором он вряд ли выйдет на поле.

Хорошая команда

В то время как футболисты спали (или делали вид, что спали), в кабинете психолога кипела работа. По приказу начальства Маша и профессор получили в распоряжение архив клуба и возможность запрашивать все необходимые документы. Николай Степанович опытным взглядом просматривал бумаги, откладывая интересные, на отдельный лист он записал дневные наблюдения за Дубининым. Маша изложила на другом листе свои соображения, полученные на основе их мини-эксперимента в бывшей архивной.

Николай Степанович был недоволен: что-то ускользало от внимания психологов, но что именно — он не мог сформулировать.

— Детерминизм! У всего есть своя причина! — приговаривал он, пересекая кабинет в быстром темпе от двери до балкона и обратно. — И обычно детерминизм системный! Должно быть много причин, они сложились вместе, от всего этого и такой результат. Надо их вычислить!

Маше еще не приходилось видеть профессора в таком возбуждении. Сказать по правде, первые три недели после отпуска Николай Степанович был будто не здесь, погруженный полностью в себя. Теперь он «выбрался» из своей собственной пещеры и заметил весь масштаб катастрофы, кото-

рая могла обрушиться, в том числе, и на его голову.

– Это наш просчет? Мы должны были предположить и предупредить? — уже зная ответ, обреченно интересовалась Маша.

– Как это ни прискорбно, да. Но кризисы закономерны. Они есть всегда. Нам еще повезло, что они в нашей команде довольно редкие. Некоторые клубы лихорадит так, что в них несколько раз за сезон меняются тренеры, болельщики бойкотируют матчи, команды даже снимаются с розыгрышей. Надеюсь, у нас до этого не дойдет.

Как всегда, профессор только одному ему известным образом соединял в высказывании оптимистичное и пессимистичное начало.

– Мария, вы должны понимать, что дело нешуточное, поэтому работать нужно быстро!

Маша про себя покачала головой. Разве так можно? Она бы со своей повышенной тревожностью уже после второй игры стала бы бить в колокол, а профессор очнулся только сейчас. Но спорить было некогда. Начался мозговой штурм.

Профессор и его ассистентка написали все возможные на их взгляд причины внезапного ухудшения качества игры. Полученные варианты они объединили по блокам: «тренер», «персонал», «команда», «руководство». Затем стали работать с каждым блоком отдельно. Тренера анализировал Николай Степанович:

– Я его давно знаю. Он сам не свой, подавлен чем-то. Но молчит. Потерял свою хватку, может, и правда его стоит сменить... Но не в этом суть. Разгар сезона — найти другого качественного тренера непросто. Завтра наведаемся к нему домой. Нужно застать его врасплох, тут уже все средства хороши. Насчет персонала: саботаж, работу в пользу конкурентов и прочее я практически исключаю, но, на всякий случай, запроси в отделе кадров информацию о смене места работы, несчастных случаях, подменах и пусть вышлют список тех, кто выезжал с футболистами на заграничные сборы.

Маша тщательно стенографировала каждое слово профессора. Сложные и переломные ситуации, как нам уже известно, были ее стихией. В них она подсобиралась, настраивалась, работала особенно добросовестно и напряженно, отдавала все, что могла, все силы. Именно поэтому Маша не любила допускать сложных ситуаций, стремилась пресекать их на корню: слишком дорого они ей обходились.

– Теперь «руководство»... Называйте первые ассоциации, которые приходят вам в голову!

– Управление, кабинет, деньги, работа, риск...

– Стоп! Как я мог об этом не подумать! — засиял профессор. — Мария, — изрек он, — вы гений!

Девушка тщетно пыталась понять, что такого гениального она сказала.

– Как вы не понимаете?! Конечно же, футбол — это большой бизнес! Здесь вертятся огромные деньги! Нужно сроч-

но узнать, есть ли у нашего клуба финансовые проблемы, а может быть, они предвидятся. При таком руководителе, как у нас, финансы выходят на первый план, поэтому обязательно нужно осветить это вопрос.

— Запросить документы? — предложила Маша.

— Бесполезно, сюда Кротов нас не пустит. Нужно, чтобы кто-нибудь посмотрел со стороны. Бюджет клуба, его доход, траты на трансферы и зарплаты футболистам должны отражаться где-то в официальных документах, только как их достать... — задумался профессор.

— Они должны размещаться на сайте клуба, — подняла на профессора глаза ассистентка.

— Вы превосходны, Мария! Хвалю! У вас есть знакомые, которые могли бы в короткое время собрать информацию, сопоставить ее и сформулировать результаты? — так как Маша задумалась, профессор добавил. — Только не думайте меня разочаровывать.

Это было сказано в таком тоне, что Мария тут же погрузилась еще в более глубокие раздумья. Как не странно, первым в уме Маши появился Керимов, он еще в университете подавал большие надежды, учась на экономическом. В сети прекрасно работал и Костя, он тут чувствовал себя как рыба в воде. Может, что найдет. Он да, но Димка... Как к нему обратиться? Есть еще Стрелок, тот тоже по своим околофутбольным путям, может быть, что-нибудь отыщет...

В итоге с тяжелым сердцем Маша произнесла:

– Есть такой человек, но связаться с ним я смогу только завтра.

– Если вам неудобно... — начал профессор...

– Нет, все нормально. Давайте дальше по списку.

– Теперь «команда». По-хорошему, нужно перетрясти всех, но они не хотят идти на контакт. Да и времени маловато, у них скоро игра, им нужно тренироваться. Давайте пересмотрим с вами две последние игры, чтобы узнать сильные стороны... Запомните, Мария, есть две тактики работы: устранять негативное, либо опираться на позитивное. Негативное можно устранить, когда точно знаешь, с чем борешься, когда у тебя есть для этого ресурсы, полномочия, время, когда уверен, что вместе с водой не выбросишь младенца. В остальных случаях нужно опираться на положительное. Именно поэтому мы... — сделал многозначительную паузу профессор.

– Будем искать сильные стороны, — завершила высказывание Маша.

– Совершенно верно, включайте матч. Наша задача — наблюдать за футболистами, искать «здоровое» звено, чтобы потом на него воздействовать.

Мария выполнила указание своего начальника. Однако уже на десятой минут профессор начал отвлекаться: футбольные баталии никогда не вызывали у него должного интереса, но его всегда интересовали люди... Правда, не в полночь после тяжелого дня. Маша же искренне старалась отме-

тить плюсы в работе команды, но атака была вялой, несмотря на все старания Березина. Тот открывался, но не хватало точного паса, первые несколько минут мяч вообще до форварда не доходил, опорную зону соперники проходили быстро, длинные переводы не проходили, а в коротких пасах было поразительно много брака...

— Так не пойдет, — на пятнадцатой минуте сказал профессор, тщетно стараясь подавить зевок. — Давайте посмотрим этот, как его...

— Саммари? — подсказала Маша.

— Обзор матча я имел в виду! И где только вы всего этого понахватались?! Включайте, — смиловался он, пододвигая очки на носу ближе к глазам.

Маша включила обзор. Сначала она решила, что трудно будет разобраться: все-таки здесь лишь некоторые моменты, многие важные могут быть упущены. Краткий пересказ матча сводился к следующему: потеря, контратака, вратарь отбивает; фол, стандарт, вратарь отбивает; перехват, перевод, один в два, гол в ворота нашей команды и т. д. Чаще всего показывали голкипера, и Маша уже сделала про себя вывод, но решила смолчать, чтобы узнать авторитетное мнение профессора. А Николай Степанович не произнес ни слова.

— Второй включайте, — вот и все, что он удосужился сказать.

Во втором матче было то же самое, и болельщики лучшим игроком проигравшей команды признали вратаря (голосова-

ние проводилось в прямом эфире). Профессор и ассистентка переглянулись.

— Я в принципе знал результат, мне интересно ваше мнение, — Николай Степанов сидел рядом со столом Маши на стуле для посетителей, и, чтобы не сбивать девушку с умных мыслей, кои, по его мнению, могли закрасться ей в голову, старательно протер свои очки.

— Беговой? — ответ был так очевиден и подобные задачи так не походили на те, которые привык преподносить профессор, но Маша произнесла эти слова очень робко и еле слышно.

— Почему так тихо? Иногда все гениальное просто. Очевидно, он понимает всю сложность ситуации, но не опускает руки и пытается исправить ее.

Маша в который раз подивилась проницательности своего учителя.

— Он даже приходил ко мне, хотел позаниматься, ему нужен курс развития внимания (концентрации, объема, переключения, распределения и т.д.). Но я не смогу с ним работать, — профессор будто бы даже смутился и перевел взгляд в сторону. — Но сейчас не об этом... Нам нужно подумать, как это использовать.

Маша решила, что психолог снова в своем репертуаре: устроил ей очередную проверку, как обычно темнил, в целях, известных только ему одному... Как это похоже на Николая Степановича.

– И, конечно же, у вас есть план?

– Да, — как всегда уверенно констатировал психолог.

— Егора нужно отделить от других футболистов и тщательно проработать, — он так выразительно посмотрел на ассистентку, что у нее не осталось вопросов о том, кто именно будет выполнять это поручение.

Отдельные паззлы наконец стали складываться для Маши в целостную картину: профессор реже появляется на работе, большую часть дел передает ей, занят другими делами, мыслями, то, что его раньше так беспокоило, отходит на второй план. С чем же это связано?

Тут Машу осенило:

– Нет, вы не можете уйти! Не сейчас! — девушка едва не перешла на крик.

– Мария, успокойтесь. Я от вас сейчас не уйду, просто у меня меньше времени сейчас, по семейным обстоятельствам... А вот потом, процентов на 75, когда все успокоится...

У Маши на глаза навернулись слезы: ее учитель, начальник, самый умный и проницательный из всех, кого она знала, скоро уйдет. А следом придется уйти и ей: кто будет здесь ее держать? Девушку, у которой даже диплома на руках нет!

Будто бы читая ее мысли, профессор уточнил:

– Я не уйду, пока вы не получите диплом, скажу честно, я был бы очень рад, если бы вы сменили меня на посту психолога в этом клубе...

– Что вы такое говорите... — пролепетала девушка.

– Не перебивайте меня, Мария. Возможно, что за время нашей работы я недостаточно вас хвалил. Но вы должны знать о своей удивительности, уникальности, но самое поразительное — вы ее не замечаете, при оценке других видите лучшее, доводите начатое до конца, держите удар, вы искренняя, справедливая. Каждое слово, сказанное мной сейчас, прошло проверку самым строгим судьей — временем. Понимаю, может быть всякое, но мое пожелание вы теперь знаете.

Если бы не крайние обстоятельства, не уютная атмосфера полуосвещенного кабинета, не поздний час, возможно, Мария так и не узнала бы, что думает о ней психолог на самом деле и какое будущее пророчит. Но раз профессора потянуло на откровенность, девушка решилась спросить:

– Почему вы уходите?

– Мария, меня всегда поражала ваша способность ставить нужные вопросы в нужное время. В другой день я бы не стал отвечать на него...

– Но я бы и не спросила, — улыбнулась Маша.

– Вот именно, такая чуткость, как у вас дорогого стоит...

– И все-таки? — вернула его к вопросу Маша.

– Я расскажу вам не потому, что мне не перед кем излить душу, а потому, что вы можете совершить ту же ошибку, что и я...

Вы, вероятно, не поверите, но я тоже когда-то был моло-

дым. Я тоже влюблялся и не жил на работе, как можно подумать. У меня даже была семья... Как грустно это звучит: «Была».

Я женился, когда еще был аспирантом, зарабатывал очень мало, но деньги никогда не имели для меня сколько-нибудь важного значения. Моя избранница была из хорошей семьи, с прекрасными манерами. Сначала ее привлекала моя «ученость», как она любила выражаться, я не страстный человек, во всяком случае, в плане открытого проявления чувств, это тоже она считала плюсом для сохранения верности в браке.

Чтобы у вас не сложилось предвзятого мнения, вы должны знать, что мы любили друг друга и поначалу были очень счастливы.

Но со временем все изменилось. Ей захотелось все больше внимания, которое я не мог ей дать, в наш дом пришли истерики, скандалы. Мою науку она возненавидела, считала источником всех бед, ревновала к ней. Постоянно хотела чтобы у нас в доме было все самое лучшее... Теперь-то я понимаю, что она хотела прикрыть душевную пустоту, а тогда мне казалось, что она просто завидует. А ведь я ее искренне любил, только не мог правильно выражать свои чувства, и она меня, видимо, любила тоже как-то совсем по-своему...

Вы знаете мою горячность, так вот, в молодости я был значительно терпеливее и сдержаннее. Мне казалось, она не понимает или не хочет понять. Я очень много работал, чтобы соответствовать ее прихотям, но из-за этого мы стали ви-

даться еще реже, получился замкнутый круг. У нас рос ребенок, как вы понимаете, он тоже не был в стороне от семейных распрей. Андрея я очень любил... Говорю «любил», потому что в моих глазах он все тот же мальчишка, а кем стал тот любопытный парнишка с кучей вопросов в глазах, мне увидеть не довелось.

После одного из очередных скандалов моя жена собрала вещи и уехала с ребенком в неизвестном направлении. Сказала, что хочет побыть одна, подумать. С ребенком видаться не давала, потом еще переехала, как я потом узнал, в Минск, потом еще... Ее след потерялся, спустя несколько лет я получил извещение о разводе.

Зная вас, вы спросите, почему я их не нашел? Не удержал, хотя бы ребенка? Я тоже от всего устал, нужна была передышка, потом она писала, что ребенку без меня будет лучше... Это теперь я понимаю, что без любящего отца лучше не будет в любом случае, а тогда... Я смирился, углубился в науку, написал и защитил докторскую, а тогда это было сложнее, чем теперь, возглавлял кафедру, деканат, одно время был проректором... Все наблюдал других людей, изучал их.

А потом остановился, оглянулся и осознал, что многое упустил. И в этом во многом «виноваты» вы, Маша. Да, не удивляйтесь. Я подумал, что у меня могла быть такая же внучка, как вы... Только, конечно, еще мудрее, прекраснее, добрее, если такие, конечно, бывают, — грустно улыбнулся

профессор.

– Я решил найти свою семью. Узнать, как они, что с ними стало, нужна ли им помощь. Уже несколько отпусков подряд искал их следы, в том числе прошлым летом в Минске. И вот, наконец, этой зимой я ездил в Америку, потому что до меня дошли слухи, что в 90-е семья переехала в США. Но там ее уже нет, моя жена вернулась. Одна или со своим новым мужем, которого встретила там, за океаном. Впрочем, это неважно. Я должен их найти. А для этого нужно время... Время, Мария, самый ценный ресурс, цените, берегите и его и не тратьте на тех, кто его недостоин! — профессор вздохнул.

– А еще я хочу написать книгу, не научную монографию, а книгу впечатлений, воспоминаний. Печально сознавать, что все твои мысли, идеи так при тебе и останутся...

– Николай Степанович...

– Молчите, Мария. Я все прекрасно понимаю. Это не старческая ностальгия по молодости, а может, и она: какая разница?!

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Что тут можно сделать?

– Напишите мне полное имя, фамилию, отчество вашей супруги, ребенка, все, что знаете о них. Ничего не могу обещать, но мир не без добрых людей...

Профессор с сомнением сдвинул брови и чуть заметно покачал головой.

– Сделайте это для меня. Пожалуйста.

– Ну, только ради вас, — согласился психолог. — Я оставлю бумагу на столе. У меня для вас два сообщения. Первое — насчет журнала. Вы понимаете, о чем я говорю? — Маша кивнула. — Так вот: он в вашем распоряжении. Держите ключ. Только обещайте мне не смотреть в него без особой надобности. Там мои мысли, представления, они могут сформировать у вас установки, поэтому читайте его в крайнем случае.

– Вы словно прощаетесь. Николай Степанович, скажите мне, вы ничего от меня не скрываете?

– У каждого человека есть тайны, вы же психолог, кому как не вам, это знать... Второе, Егор не спит, давайте не тратить время, попробуйте что-нибудь у него выпытать. Если не получится, сконцентрируйтесь на программе по развитию внимания.

– Может, мне побыть тут, рядом с вами?

– Нет, идите.

Девушка медленно, неохотно погасила экран компьютера, через силу ободряюще улыбнулась профессору. Когда она уже закрывала дверь, профессор сказал ей вслед:

– Мы с вами были хорошей командой!

Мария вышла из кабинета ошеломленной: на ее несчастную голову одновременно свалилось столько проблем! Нужно было привести все новости в систему, отдышаться и действовать, поэтому девушка вместо того, чтобы искать Бего-

вого, направилась в сторону удаленного диванчика, на котором она когда-то считала капли в ожидании Березина.

В полумраке коридора можно было спокойно разобраться в себе. Во-первых, с профессором что-то не так: или он правда переоценил свою жизнь и пришел в «отчаяние», как сказал бы Эрикссон, либо есть что-то серьезное, о чем он умалчал, либо это его очередной гениальный план. В последнее ассистентка психолога не верила: слишком уж расстроен он был, потерян... Но, зная профессора, этот вариант нельзя сбрасывать со счетов.

Маша не питала иллюзий насчет того, что именно она займет вакантное место психолога в успешном футбольном клубе. Но девушка решила, что до своего ухода должна помочь профессору навести в команде порядок, а потом будет видно. Николай Степанович искренне волнуется за ее счастье, боится, что она повторит его ошибки. Но как понять, какой человек принесет тебе счастье?!

«Стоп! Не думать о личном! Через три дня кубковая игра, полуфинал, нельзя допустить проигрыша, это будет конец! Нужно разыскать Егора и поговорить! Егор... Я его недооценивала, он сильнее, чем кажется, умнее и дальновиднее...» — подумала Маша, она случайно подняла голову и посмотрела в окно: ее взору открылась лужайка перед административным корпусом. Там, на лужайке, под светом фонарей в трапециевидных колпаках под старину человек читал книгу. Егор. «Все-таки Николай Степанович — гений!»

— сделала заключение Маша.

Только теперь она поняла, что оделась слишком легко для середины апреля. Ассистентка психолога поспешно вернулась в кабинет. Стул, на котором ранее сидел Николай Степанович, был пуст. На столе лежала бумага с именами родственников профессора и записка крупными буквами: «Пусть Егор подойдет ко мне завтра!»

Девушка уже испугалась, решив, что психолог, по своему обыкновению, оставил ее одну разбираться во всех перипетиях судьбы, но она ошиблась. Ее начальник лежал на диване под Эйнштейном и тревожно спал. Маша видела, как мечется глазное яблоко под толщей век, как подрагивают пальцы этого уже пожилого человека, но все еще такого юного душой. Во всяком случае, еще недавно профессор был именно таким.

Маша аккуратно, на цыпочках достала плед из шкафа, укрыла им психолога и вышла из комнаты.

Лифт

Мария старалась подойти к Егору как можно тише, но все равно, обходя скамью с обратной стороны, она закрыла собой свет и тень плотным облаком упала на плечи и электронную книгу футболиста.

– Вы мешаете мне читать! — с поддельным неудовольствием отозвался голкипер.

– Вы думаете, вашим глазам приятно читать в такой темноте и красоте?

Егор оторвался от книги и осмотрелся: и правда, природа вокруг оживала, на деревьях набухли почки, ярко-зеленая трава упрямо пробивалась к свету... Но в противовес собственному мнению, парень сказал, пожимая плечами:

– Не знаю, где вы тут видите красоту.

– А вы меня не обманывайте, у вас плохо получается, — колюче улыбнулась Маша и присела на скамью рядом с вратарем. Тот неспешно выключил книгу и отложил ее в сторону.

– Ну и, чего это вы нарушаете мой сон, законно положенный мне по контракту?

Маша не знала, как подступиться к главному. Про погоду что ли поговорить...

– Если пришли узнать насчет проблем в команде, то я ни-

чего не могу сказать, — развел руками парень. — Но если будут другие вопросы — отвечу.

«Вот и поговорили», — пронеслось в голове у девушки.

– Может быть, договоримся?

– Переговоры, значит?

– Именно.

– Это уже интересней... Только я люблю вести переговоры при свете дня, видите ли, темнота и красота плохо сказываются на моей объективности, а вам же нужна объективность, — отшутился Егор.

– А если вас будет просить девушка, а не психолог? — поинтересовалась Маша, прикусив губу от волнения.

– С девушками я о работе стараюсь не говорить, ничего не поделаешь!

Маша начала сердиться: такая ситуация в команде, а он шутит! Но он «луч света в темном царстве», нельзя дать себе завестись.

– Хорошо, тогда насчет развивающей работы. Надеюсь, вы не против, что вести ее буду у вас я? — Маша насмешливо посмотрела прямо в глаза Егору. Тот выдержал взгляд и ответил в том же тоне:

– Против.

– Почему, можно было бы узнать?

– Понимаете ли, — Егор выдержал паузу, то ли боялся сказать грубо, то ли придумывал, что сказать, — он профессор, у него большой опыт, методы...

– Раньше мои методы вас устраивали!

– То было раньше, время идет, все меняется...

Маша опешила, отвела глаза, собралась с мыслями и почти ровно уточнила:

– Это ваше окончательное решение?

– Да.

– Тогда...

Сколько всего хотелось сказать Маше этому надменно-му, самодовольному бахвалу, но она лишь тихо произнесла, вставая:

– Спокойной ночи!

Егор не успел сказать что-то в ответ. Он дождался, пока Маша скроется из вида, потом сцепил пальцы на затылке и опустил голову к коленям. Улыбка сошла с его губ, глаза погрузнели. Потом он тщетно пытался что-то прочесть, но буквы потеряли для него смысл.

На следующий день Маша связалась со Стрелком, тот обещал передать ей в письменном виде все сплетни, идеи, слухи, факты относительно возможных причин неудач в игре команды. Костя обязывался поискать информацию в сети, проанализировать с юридической точки зрения контракты футболистов. Последним в списке был Керимов. Маша нашла его в сети через общих знакомых. На аватарке он красовался в объятиях Вероники, но будущий психолог почти не обратила на фото внимание. Она несколько раз набирала и стирала сообщения. Итоговое звучало так:

«Это Маша, надеюсь, ты меня еще помнишь. Мне нужна помощь. Ты же экономист?»

В сети, но ответит или нет? Поможет или нет? Когда-то его даже не приходилось просить о помощи...

«Привет. Помню. Скажи, что нужно сделать. Учти, что по профессии не работал...»

«Я в тебе не сомневаюсь».

«Неожиданно и приятно, что ты до сих пор во мне не сомневаешься. Так что там?»

Маша попросила проверить экономические риски, выгоды, перспективы, соответствие рынку и все то, что могло пошатнуть позиции команды, смутить президента клуба. Димка обещал разобраться.

Тут к профессору зашел Егор, они коротко переговорили и ушли. Потом психолог должен был навеститься в семью к Дубинину, а Мария — поприсутствовать на собрании клуба.

Собрание проводилось в конференц-зале, на него были приглашены футболисты, медики, аналитики, менеджеры, администрация, психологическая служба, тренерский штаб. Говорили о ситуации в клубе, о низких результатах, о том, что вылет из кубка повлечет за собой досрочное отстранение от работы Дубинина. Кротов пытался мотивировать футболистов. Так как он был человеком-калькулятором, то пообещал увеличить призовые вдвое при удачной игре.

Тренер держался прямо, как всегда, но синяки под гла-

зами выдавали бессонные ночи и внутреннее беспокойство. Футболисты сидели понуро. Напоследок тренер получил какую-то бумагу от Кротова.

После заседания Маша, наконец, смогла уехать домой и немного отдохнуть. На следующий день должна была состояться предматчевая конференция.

От Машиного клуба на конференцию были делегированы Егор, Опалов и тренер. Дубинин с Опаловым уехали пораньше, а Маше и Егору пришлось задержаться: их попросили подняться к Кротову в административный корпус заполнить какие-то бумаги.

Маша не разговаривала с Егором, тот посматривал на девушку, но тоже отмалчивался.

– Пешком? — спросил он, когда молчать стало уже неловко.

– Вы как хотите, а я на каблуках! — безапелляционно отозвалась Маша.

Егор смерил глазами каблуки девушки и не удержался от комментария:

– У моей жены домашние тапочки выше!

– И что теперь? Можете идти пешком, а я поеду, — заупрямилась девушка. Футболисту ничего не оставалось, как подчиниться.

– Только после вас, — галантно пропустил Егор девушку в кабину лифта.

Лифт мягко тронулся и поплыл вверх. Внезапно его хо-

рошенько трянуло, потом еще раз и еще, свет замигал, наконец, лифт еще раз дернуло вниз, и он остановился. Маша от неожиданности ухватилась за поручни, ее нога поскользнулась, в итоге девушка оказалась на полу, Егор сохранил равновесие, но для этого ему тоже пришлось приложить усилия.

– Ох... — послышался снизу голос Маши.

– Ты цела?

– Вроде да! Черт, думала же сегодня идти в балетках, надо же было вырядиться!

Егор стоял и прикрывал рукой улыбку, готовую превратиться в безудержный смех.

– Смейся, смейся! Вот я сейчас встану! — пригрозила Маша.

– Просто впервые слышу, как ты ругаешься! Руку дать? — предложил Егор.

– Обойдусь! — отрезала Маша и потихоньку встала, отряхнулась. — Из-за вас все неприятности!

– Мы снова на «Вы»? Тогда должен отметить, что именно «Вы» настаивали ехать на лифте.

Маша подумала несколько секунд.

– Ладно, давай выбираться.

– А я что, против?

– Егор, я всего лишь хрупкая девушка, поэтому двери ломать придется тебе.

– Ага, они металлические, спасибо за доверие, но я не же-

лезный человек и даже не терминатор! — Егор сбросил вызов, потом стал произвольно нажимать на кнопки — лифт не реагировал.

– Может, сам отойдет? — предположила Маша.

– У нас конференция на носу, времени нет. Я попробую вызвать лифтера, а ты позвони, скажи, что случилось.

– У меня сети нет! Со своего попробуй! — попросила Маша.

– Ты забыла, что все мои вещи в вашем кабинете? Лифтер тоже не отвечает!

– Так, надо подумать! — Маша стала мерить шагами кабину лифта, Егор провожал ее глазами и усмехался.

– Самое время подумать!

– Молчи лучше!

– У меня идея!

– Какая? — обрадовалась девушка. Она была одета в вязаное платье, куртку, на ногах — злосчастные ботильоны.

– Может, у тебя в сумке гвоздодер или лом?

– Ха-ха-ха! Очень смешно!

– Не везет мне с попутчиками...

– У меня тоже компания могла быть лучше!

Маша еще несколько минут ходила по лифту. Егор отметил, что проблемы в команде сказались и на ассистентке психолога. Несмотря на ее внешнюю веселость, глаза горели не так ярко, как обычно, лицо было бледным, а уголки губ приопущены. Наконец, девушка убедилась, что другого вы-

хода, кроме как через створки лифта, нет. Что потолок имеет вентиляцию, но скроен плотно, на стенах зеркала, а не потайные ходы. Она сделала вывод, который напрашивался:

– Нужно ждать. Нас скоро хватятся.

– Неужели?! Да ладно, не может быть! — отреагировал в своем стиле Егор. Маша посмотрела на него, как на сумасшедшего, и покачала головой.

– Ты как хочешь, я посижу! — спутница футболиста сняла куртку, села на нее, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Егор последовал ее примеру, но расположился в отдалении от девушки. После пары минут тишины Егор начал говорить:

– Маша, я хотел сказать...

Его спутница никак не отреагировала.

– Маша, ты спишь что ли?

Опять нет ответа. Егор привстал посмотреть: Маша и правда заснула, слишком насыщенными были последние дни. Внезапно ее голова начала резко клониться влево, Егор понял, что еще чуть-чуть — и девушка может получить травму. Он подъехал на своем импровизированном сидении поближе, настолько, чтобы голова его товарища по несчастью упала прямо ему на плечо. Почувствовав опору, Маша что-то промурлыкала, утрамбовалась, чтобы расположиться поудобнее, проложила себе путь головой на ключицу футболиста, тот рукой обхватил ее за талию для прочности опорной

конструкции. Так и сидели: Егор думал о чем-то своем, Маша полулежала у него на груди.

Дышали в унисон. Это было так приятно, так просто и так прекрасно: взять и остановить время. Когда не нужно делать вид, строить из себя что-то, быть не тем, кто ты есть. Маша во сне была такая юная, незащитная, доверчивая... Ее волосы пахли летом, теплом, солнцем...

Но Егор понимал, что чудо рассеется, стоит только девушке открыть глаза. Поэтому при первом признаке пробуждения (а это произошло, на его взгляд, чрезвычайно быстро) он убрал руку и отодвинулся от Маши на приличное расстояние.

— Кажется, я заснула... — пробормотала девушка, пытаюсь открыть глаза. — Сколько я спала?

— Минут пятнадцать, — отозвался Егор. Он сказал это таким голосом, что Маша была вынуждена серьезно посмотреть на своего спутника: от обычной веселости парня не осталось и следа. Он намеренно чрезмерно тщательно изучал створки лифта, панель с кнопками — все, что находилось в стороне, противоположной той, которую занимала ассистентка психолога.

— Что-то случилось, пока я спала? — с тревогой в голосе осведомилась она.

— Нет, просто...

— Говорить не хочется?

— Хочется, но не с тобой.

– Я же сейчас не психолог, так что бояться нечего, — улыbnулась девушка. Она не понаслышке знала, что некоторые люди боятся психологов как огня.

– Проехали, — заключил Егор.

– Хорошо, если бы мы еще и на лифте несколько этажей проехали, было бы вообще замечательно!

Футболист не смог удержаться: уголки его губ поползли вверх. Он повернул лицо навстречу взгляду Маши и, улыбаясь сам себе, сказал:

– А что, может, мне стоит воспользоваться тем, что ты сейчас девушка, а не психолог.

– Попробуй, — засверкала глазами Маша.

– Дело в том, что я ошибся...

– Все ошибаются, тут нет ничего удивительного, — пожал плечами девушка.

– Я очень ошибся, когда женился.

– Вот тебе и Юрьев день! Расскажешь, почему ты так решил?

– Это длинная история. Но суть ее в том, что однажды я проснулся утром и понял, что нахожусь не в том месте и не с тем человеком.

Может, у тебя тоже такое было когда-нибудь... Я спросил себя, почему мы вместе, и ответ оказался слишком банальным. Это только привычка, не больше...

– Но ты же женился на ней, — аккуратно напомнила Маша.

– Да, женился. Но оттого и женился, что мне чего-то не хватало в наших отношениях, что-то шло не так... не так, как надо. Думал, после свадьбы все изменится...

Егор говорил так искренне и серьезно, что девушка невольно подивилась многоликости его натуры: он и веселый, жизнерадостный парень, и высококлассный постоянно совершенствующийся профессионал, и просто думающий, интересный человек.

– Знаешь, как мы встретились?

Маша покачала головой.

– Я тогда только пришел в наш клуб. У меня еще не было первого номера, не было имени, были только туманные перспективы и много желания играть.

Мы познакомились на одной из закрытых тусовок, куда меня, новичка команды, вытащили ребята. До сих пор не понимаю, как туда могла попасть Агния. Но, зная ее, этому не приходится удивляться. Она танцевала, много улыбалась, расточала похвалы в мой адрес. Наверно, тогда мне как никогда был нужен человек, способный поверить в меня. И таким человеком стала она.

Ты же знаешь, что в то время я не общался с семьей, друзей здесь у меня еще не завелось, а она появилась, как мостик через глубокую реку, которую можно пересечь вплавь, но перейти по готовому мосту значительно проще.

Агния никогда серьезно не интересовалась моей работой, но всегда знала, кто в команде состоит в каких отношени-

ях, куда ездит, как живет. Вскоре мы стали встречаться. Она буквально таскала меня по модным бутикам, говоря, что такому успешному футболисту нельзя ходить, в чем попало, — Егор указал на свой наряд: модную рубашку, дизайнерские джинсы. — Думаешь, мне нужно все это? Думаешь, для меня имеет значение, какого цвета моя рубашка? Нет, конечно. Но дело даже не в этом, для нее я был успешным футболистом еще до того, как приобрел этот статус. До сих пор в каждом матче доказываю себе, что он у меня есть.

Агния постоянно выкладывала наши фотографии в сети, по-хозяйски вела себя на наших клубных вечеринках... Мне стыдно за тот эпизод со школой...

— Что за эпизод? — поинтересовалась Маша.

— Когда Агния заявила журналистам, что идея со спортивной школой принадлежит ей.

— Я не обиделась, — заверила парня Маша.

— Но все равно неприятно. Я еще молчу об отсутствии у нее самых обычных умений — прибраться, приготовить поесть. А главное — желания все это делать. Все это ниже нее. Она постоянно думает о себе: как хорошо выглядеть, не поправиться, из-за этого даже не захотела ребенка. Иногда мне кажется, что я важен для нее, потому что мной можно хвалиться перед подругами...

— Егор, — мягко произнесла девушка. От сочетания ее голоса в его имени футболист умолк и задержал дыхание, — но ведь что-то тебе в ней нравится, раз вы столько времени

вместе?

— Мне нравилось, что на меня обратила внимание такая девушка: красивая, видная... Я мог гордиться ею перед знакомыми... А потом мне этого стало мало. Особенно последний год, когда вернулась семья, когда столько переоценил и переосмыслил, захотелось чего-то другого... Это ужасно, да? — Егор повернулся к Маше и ожидал ее вердикта.

— Да, хорошего мало... Может, это временное явление, в семейной жизни первый год очень сложный... — пыталась подобрать подходящие слова Маша.

— Если бы. С каждым днем все хуже: постоянные процедуры, каждый день новая прическа, губы, скулы, брови — все не ее. Зачем все это? Каждый вечер не знаю, с кем я проснусь завтра...

— Наверно, это все, чтобы привлечь твое внимание, комплименты, — предположила Маша.

— А мне все это не нужно!

— А что тебе нужно? — Маша посмотрела прямо в глаза Егору и не отводила глаз, продлевая негласный поединок. Кажется, этот вопрос поставил парня в тупик.

— Любви.

Теперь настала очередь смутиться девушке.

— А что для тебя любовь?

— Это когда ты хочешь, чтобы время остановилось, когда ты с тем, кто тебе дорог, — отчеканил футболист так быстро, будто эта идея занимала все его мысли.

Маша и Егор, как противники в поединке расходятся в противоположные углы, отвели друг от друга глаза и опустили головы.

Егор много чего еще хотел сказать Маше. Что Агния жутко ревнива, может применить любой ход для манипуляции другим человеком, что о самых близких подругах за глаза говорит такое, отчего уши вянут. Что в его красивом и со вкусом обставленном доме нет тепла. Что он не может говорить со своей женой обо всем на свете. Это сложно передаваемое чувство, когда вроде бы все хорошо, но...

– Ты не счастлив?

– Я уже подумываю о том, что полного счастья не существует.

Девушка внимательно оглядела его опущенную голову со светло-русыми волосами, довольно широкие плечи, мужественные руки... От него веяло спокойствием, уверенностью, силой. Когда в Егоре появилось все это? Еще недавно он был обиженным мальчишкой, который бросил ее посреди дороги, а теперь перед ней был мужчина, взявший на себя ответственность за команду в самый сложный для нее период.

Маша поддалась мимолетному порыву и придвинулась к нему на своем импровизированном кресле.

– Можно? — спросила девушка, недвусмысленно намекая, что хочет положить голову ему на плечо.

Егор рассмеялся, да так заразительно, что Маша не смогла

сдержанность улыбки.

— Знакомое ощущение, — удивилась Маша, когда ее голова оказалась на плече парня.

— Будешь спать?

— Куда там! После твоих-то страшилок... — картинно прикрыла глаза девушка.

— Для тебя страшилки, а для меня жизнь.

— Я тебе одно хочу сказать, можно?

— Говори.

— Ты достоин счастья.

— Смелое утверждение. Оно имеет какие-то основания?

— Да, я смотрела повторы последних игр и восхищалась твоей самоотверженностью. Откуда она у тебя взялась?

— Я не футболист от бога, как Димка. У меня всегда было больше желания, чем таланта. Ничего не давалось просто так. Там, где другим помогало природное чутье и чувство поля, мне приходилось тренировать свою наблюдательность и развивать физические качества. Я во многом привык играть не ногами и руками, а головой.

— Это как?

— Обдумывать каждый свой шаг, пока не доведу его до автоматизма. Я привык к сложностям, они подстегивают, а не ломают меня.

— Этим я и восхищаюсь, — призналась девушка.

— Вчера с профессором мы ходили в аналитический отдел, разбирали, куда могут пробить штатные пенальтисты сопер-

НИКОВ.

– Думаешь, дойдет до пенальти? — встревожилась Маша.

– Очень может быть, — сделал вывод футболист.

– Что-то мне не совсем удобно, — призналась девушка.

Егор радостно оскалился:

– Я знаю, как будет удобно, — он направил голову Маши себе на грудь и обхватил ее рукой со спины.

– Откуда такие глубокие познания в области женской психологии?

– У всех свои таланты, а у меня такой — предугадывать женские желания.

– Такой ценный и такой сомнительный талант, — улыбнулась Маша.

– Ты простишь меня?

– Смотря за что.

– За то, что наговорил тебе тогда ночью...

– Сначала я очень переживала, но потом поняла, что ситуация серьезная, а ты хотел, чтобы с тобой работал настоящий профессионал, а не новичок...

Егор будто бы хотел что-то сказать, но промолчал.

– Только у тебя нет выбора: у профессора сейчас нет времени, он работает с вашим тренером, не знаю пока, что там случилось. И, — добавила она, — мое профессиональное общество тебе придется терпеть недолго: профессор дорабатывает сезон и уходит, я, скорее всего — с ним. Если нас не выведут раньше.

Егор краешками пальцев нашел руку Маши, едва коснулся ее и убрал свою руку. Что тут можно было сказать? Вряд ли слова сожаления помогут облегчить ожидание неизбежного. Он и сам, зная ситуацию, предчувствовал такой исход.

— Ну, раз выхода нет, придется надеяться на твою компетентность, — в мажорном тоне сообщил футболист и преувеличенно броско вздохнул. За что получил удар в плечо.

Внезапно Егора осенило: информация, которая есть у него, поможет Маше продержаться в клубе дольше завтрашнего матча.

— Тебе еще интересно, что творится в команде? — с резкой переменной интонации поинтересовался парень.

— Ты не захотел говорить, я не могу настаивать...

— Ты должна знать. Все началось из-за Димки.

Егор рассказал, что Березин хочет перейти в межсезонье в другой клуб — заграничный, очень известный и престижный. Там готовы взять его с минимальными потерями для себя, как свободного агента. Но тогда наш клуб не получит никакой выгоды, теряя лучшего игрока. Кротов хотел несколько раз подписать контракт, но Дмитрий отказывался: он точно решил уехать за границу. Президент клуба обязал Дубинина вывести Димку из основы. Тренер отказывался. Но завтра он получил ультиматум и поэтому в стартовом составе лучшего нападающего команды не будет.

К тому же несколько игроков настаивают на увеличении

заработной платы, Жоазинье тоже намерен уйти из клуба и поэтому играет в полноги. С тренером что-то произошло: стал сам не свой, испортилась дисциплина в команде. Были еще какие-то финансовые проблемы, о которых Егор слышал краем уха.

– Спасибо, — тронутая искренностью Егора, Маша постаралась вложить в это короткое слово всю свою благодарность. Она не переоценивала значимость полученной информации: Димка — сердце команды. Что произойдет с человеком, если его лишит сердца? Ничего хорошего, как вы понимаете. Димка... чего тебе надо? Почему так? Почему не договорился с Кротовым? Когда команда шла так хорошо, можно было бы поиграть в еврокубках... Что с этим всем делать?

На груди у Егора было так спокойно, так замечательно...

– Почему мы с тобой не общались последние месяцы? Почему мы с тобой раньше не говорили вот так, по душам?

Егор все также бережно поддерживал за спину свою спутницу, украдкой разглядывал ее и боялся разрушить эту волшебную сказку.

– Наверно, потому что я женатый человек, а ты — девушка моего брата.

– Точно, — тихо согласилась девушка. — Только не думай, что из-за этого я лишу себя удовольствия немного полежать в такой комфортной обстановке.

– Хорошо.

– Егор...

– Да?

– Мне везет с хорошими людьми, но ты один из самых достойных, кого я знаю, помни об этом! Я в тебя буду очень верить...

– До сегодняшнего дня я не слышал от тебя подобных слов... Может, это волшебный лифт?

– Все может быть, — загадочно улыбнулась девушка.

Вскоре лифт ожил и помчался вверх. Только он один знал, что девушка, которая сейчас выходит из него, намеренно выключила телефон вместо того, чтобы усиленно звонить. И что в этот день никто даже не пытался вызвать лифтера.

Холодная голова и горячее сердце

Настал день, который должен был все решить: либо команда побеждает в полуфинале кубка и тренер работает спокойно до конца сезона, либо команда проигрывает, тренера снимают, а вместе с ним посыплются шапки и с голов других работников клуба.

Маша волновалась как никогда. Она плохо спала ночью. В ее груди что-то теснилось, гремело, колотилось, стучало — такое манящее, почти забытое ощущение. Она тщетно пыталась собрать мысли в кучу, разогнать их по полкам и успокоиться — ничего не помогало: ни пресловутые бараны, ни дыхательные техники, ни чтение книг.

Утром ей позвонил психолог, он в двух словах обрисовал, что именно происходит с тренером — его дочь сильно больна, но профессор может помочь, правда, для этого ему необходимо почти все время проводить рядом с девочкой — так Валерию Михайловичу будет спокойнее, он сможет сосредоточиться на матче. Поэтому именно ей, Маше, предстоит провожать ребят на игру и следить за их психологическим состоянием.

Девушка не знала, верить ли словам профессора: может, это очередная проверка и никакой больной девочки и в помине нет? Но у нее не было времени рассуждать об этом,

значительно проще было принять ситуацию такой, какой ее представил непосредственный начальник.

У Маши на рабочем столе уже красовались отчеты от трех ее друзей, таких разных, непохожих, которых когда-то судьба свела в соревновании, а теперь снова, негласно, опосредованно, но все же свела.

Девушка тщательно изучила, что пишут Димка, Костя и Стрелок. В принципе, их слова пересекались, и вскоре у нее сложилась довольно целостная картина происходящего в клубе.

Все, как справедливо и отмечал Егор, началось из-за Березина, а будучи более точными — из-за денег. Димка не соглашался на новый контракт, потому что ему поступило предложение от одного очень известного гранда. Но этот футбольный клуб хотел бы взять Березина как свободного агента, на него претендовали и другие хорошие клубы, и даже готовы были платить, но Березин уже определился со своей футбольной судьбой. И все бы ничего, но ему предложили значительное увеличение заработной платы, а это не понравилось иностранцам в клубе, которые тоже захотели больше. Кроме того, уход форварда предполагал в перспективе необходимость покупать нового такого же класса, и желательно с русским паспортом, что было весьма проблематично, а тут еще клуб попал под санкции ведущей футбольной организации за неправомерное расходование бюджетных средств, ему даже грозила дисквалификация выступлений на между-

народной арене, но обошлось.

Чтобы купить нового хорошего футболиста, клуб обязали продать одного из имеющихся, причем на трансферт должно быть потрачено не больше, чем ушло на продажу собственного игрока. Следовательно, нужно расставаться еще с одним отличным футболистом и это при том, что в следующем сезоне планировалось параллельное выступление сразу в нескольких турнирах.

Получалось много хлопот и замкнутый круг, ведь клубу придется в ближайшее время еще и выплачивать значительный штраф. Тут еще и этот спор между тренером и президентом клуба, опять же из-за Димки: тот вынуждал Дубинина перевести Березина в дубль, но тренер не соглашался, так как не видел весомой причины, к тому же Березин играл очень полезно для команды. Да и сам тренер как-то «расклеился» (по словам болельщиков).

Ситуация усложнилась тем, что в команде сильно увеличился лазарет и соответственно — сократилась скамейка запасных. Если кто-то из основного состава травмируется, то в бой придется отправлять необстрелянную молодежь.

Конечно, селекционная служба уже думает, как решить эту дилемму, но им нужно время, а чемпионат и кубок продолжаются. И, опять же, если бы не Димка, а кто-то другой, то все прошло бы не так болезненно. Но Димка — это креативный, невероятно талантливый исполнитель и выдумщик, через которого долгое время строилась вся игра команды.

Да, именно так: Мария должна была признать, что Дмитрий был чрезвычайно одарен. Это она поняла в бессонную ночь перед матчем, когда смотрела эпизоды игр, фанатские нарезки, интервью. За его игрой можно было смотреть часами. Он не просто «отбывал номер», но «творил» на поле. Березин, если игра не получалась, мог свободно взять на себя функции плеймейкера, шел до конца в единоборствах, не гнушался отыгрывать в обороне, не «жадничал» в передачах, мог играть не только низом, но и на втором этаже, несмотря на свой средний рост. Он не отпускал руки и обычно даже при разгромном для команды счете продолжал играть в свой футбол. Правда, пробивая пенальти, мог перемудрить и обмануть сам себя, а еще потерять мяч в обычной ситуации, потому что неуместно решил применить какой-нибудь финт, мог картинно упасть, но не спорил с судьями и сразу же поднимался, если не было свистка...

Было понятно, почему и Кротов, и Дубинин так держатся за Дмитрия. И сегодня его не будет в стартовом составе, и, скорее всего, не будет на поле. Можно было, конечно, сказать Кротову, что Березин упертый, и никакие меры на него не подействуют, но президент клуба тоже не отличался мягкостью и податливостью. Так что Маше только и оставалось, что взять билет на свой любимый ряд и смотреть игру.

С Егором занятия решили начать после матча, но Маша, чтобы отвлечься, взялась за написание программы для него. Она все время смотрела на часы и все равно спустилась в раз-

девалку даже раньше, чем туда пришел тренер.

По дороге она встретила Березина. Дмитрий был в тренировочном костюме, как обычно, не изменил своей любимой прическе и уверенно-расслабленному виду. Но в парне чувствовалось то ли волнение, то ли раздражение — отсутствовало привычное безразличие, это ассистентка психолога почувствовала сразу.

Дима кивком поздоровался с Машей и хотел пройти мимо, но девушка перекрыла ему дорогу. Решительным движением она схватила его за руку и потащила за собой в одну из подсобных комнатушек поблизости, рывком захлопнула дверь и перекрыла ее собой с внутренней стороны.

Дмитрий опешил от такой неожиданной настойчивости, потом как-то зло усмехнулся:

– Решили меня похитить? Это ни к чему, меня не выпустят на поле, — он отвернулся от девушки и оперся руками на полки со всякой всячиной: старыми сетками, спортивными кеглями, гимнастическими палками.

– Вы добились, чего хотели? Вы же знаете, что вас переведут в дубль, и оставшиеся полтора месяца вы, в лучшем случае, проведете на скамейке запасных?

– Я все понимаю лучше вас, — ответил он, все также не глядя на Машу.

– Может, вам пойти на мировую? Еще есть время все исправить!

– Нет, Мария, вы не понимаете, и я не хочу ничего объ-

яснять. Мне виднее, что делать, — Дима резко повернулся и встретил ее глаза. Какая-то внутренняя борьба явно шла в нем, но что и с чем воевало — эта тайна для Маши оставалась не подвластной.

— А теперь пропустите меня! — приказал он.

Но Маша даже не пошевелилась.

— Это же ваша команда, вы ею дорожите, вы столько в нее вложили! Помогите ей!

— Я не могу.

— Но почему?!

— У меня не будет другого шанса!

— Какого еще шанса, объясните же!

— Маша, — неожиданно тихо сказал Дмитрий с горящими испепеляющими глазами, — лучше пропустите меня, а не то я сделаю вам больно.

Что-то подсказало ассистентке психолога, что он не шутит, и она отошла в сторону.

«Я все равно буду за вас болеть», — почти шепотом произнесла девушка.

Дмитрий сделал вид, что ничего не слышал, и небрежно захлопнул за собой дверь.

В подтрибунном помещении стояла предматчевая суета. Кто-то разминался, кто-то слушал музыку, кто-то болтал по телефону, кто-то сидел в уединении и настраивался. В клубе был ритуал: психолог обязательно проверял готовность футболистов перед матчем, говорил несколько обод-

ряющих слов. На выездные встречи обычно отправлялась Светлана Сергеевна (так уж было заведено, статус Николая Степановича не позволял ему быть рядовым сопровождающим), она же подменяла своего коллегу, когда тот по уважительным причинам отсутствовал, а так обычно дома ребят готовил сам профессор.

Сегодня в первый раз парни увидели в дверях одну Марию, кто-то пошутил на этот счет и увидел в этом добрый знак, другие подтрунивали, что, дескать, девушка на корабле — плохая примета. Маша, по примеру своего наставника, спросила, как настрой, как самочувствие.

– Боевой, — улыбнулся Егор.

– Порвем, как Тузик грелку, — оскалился Чиж.

– Сделаем все, что в наших силах, — подтвердил Опалов.

– Да не волнуйся ты так, на тебе лица нет! — шепнул ей

Кирилл.

– Хорошо, — пообещала Маша. — Буду держать за вас кулаки.

– Покрепче держите! — сказал Магомед.

– Обязательно!

Когда все формальности были соблюдены, Маша обняла ребят, стоявших ближе всего к ней — Кирилла и Чижа.

– А мы чем хуже? — возмутился Егор и тоже присоединился к объятиям. За ним потянулись и другие футболисты, даже Димка. В итоге, когда через несколько минут зашел тренер, то увидел картину, вызвавшую у него умиление: эда-

кую кучу малу. Но он быстро придал себе суровый вид, покашлял, чтобы на него обратили внимание, а когда добился своего, то попросил Машу оставить его наедине с командой. Девушка подчинилась.

Она отправилась на трибуну занять свое коронное место, правда, теперь у нее не было соседа в лице профессора, и сидение рядом пустовало. Зрители постепенно подходили, ожидалась хорошая посещаемость. Хотя еще несколько дней назад фанаты собирались бойкотировать матч. Это было актом несогласия с политикой руководителей клуба. Ожидались провокации с нецензурными речевками и фаерами. Во всяком случае, так писал в своем отчете Стрелок. Маша переслала ему, как и обещала, информацию, полученную от Димки и Кости, а также слова Егора. Она, несмотря ни на что, доверяла этому странному парню с непонятного цвета глазами.

– Короче, все будет спокойно.

Маша подскочила на месте, она задумалась и не ожидала, что кто-то рядом.

– Заметил, как ты осматриваешься, — пояснил Стрелок. — Если и будут беспорядки — это отдельные выродки, не наши, — видя, что подобный лексикон Машу не устраивает, добавил, — ладно, не выродки, а «свободомыслящие личности» или как вы их там называете.

– Так-то лучше. И как же тебе это удалось?

– Дело техники, — пожал плечами парень.

– Нам очень повезло, что фан-сектор возглавляет такой здравомыслящий человек.

– Ирония? Этот человек не так давно стал здравомыслящим.

Маша переглянулась со Стрелком и улыбнулась одними уголками рта.

– Ты посидишь со мной или пойдешь к своим?

– А ты как хочешь?

– Посиди со мной, а то я очень волнуюсь.

– Ты волнуешься? Не может такого быть! — попытался сострить Стрелок.

– Старая шутка. Придумай поновее.

– Короче, составить тебе компанию?

Девушка кивнула.

– Ладно. Только не отвлекай меня от футбола.

– Хорошо, буду нема, как рыба, — пообещала Маша.

Пока заканчивались последние приготовления, девушка решила на вопрос.

– Женя, пока ты здесь и я еще тоже... здесь... — многозначительно выдержала паузу девушка.

– Что еще за разговоры? — не понял Стрелок.

– Мне, возможно, придется уйти... — Стрелок хотел что-то сказать, но Маша его перебила. — Можно я тебя спрошу?

– Валяй, — Стрелок был в черной футболке и фирменном шарфе клуба, который то и дело привлекал внимание девушки, во всяком случае, на него она смотрела чаще, чем

в глаза Стрелку.

Но задать вопрос девушка так и не успела, потому что команды вышли на поле, и вскоре зазвучал гимн, люди стали вставать. Эта огромная масса людей, распеваящая гимн во все горло, значительно лучше знающая самую главную песню страны, чем спортсмены, представляющие ее под разными знаменами, стоила того, чтобы пройти на стадион и примкнуть к ней хотя бы на некоторое время. И вообще, это единение, эта радость быть с другими — возможно, именно они заставляют людей отвлечься от своих обыденных дел (которых у каждого из нас, согласитесь, не мало), потратить изрядную сумму денег (которых, наоборот, много не бывает) и провести пару часов жизни в такой разношерстной компании.

Маша тоже пела гимн. Пела негромко, едва различимо, но пела. Стрелок молчал, он смотрел на Машу. Он уже давно наблюдал за ее поведением во время матчей и поэтому прекрасно знал, что она всегда поет гимн. Но сейчас он как-то иначе на нее посмотрел. Ему не приходилось прежде встречать такого цельного человека, каким, по его мнению, была девушка. После того случая в автобусе он не питал иллюзии относительно ее внешней сдержанности. Его восхищало, как девушка, при всех ее сверкающих искрах, дымящихся кострах, воюющих вихрях внутри, может внешне оставаться спокойной и идти к намеченной цели. Стрелка покоряла ее смелость, ее стойкость — с таким человеком он без прере-

каний пошел бы в разведку. Такая девушка не бросит в беде, будет рядом до конца, если, конечно, посчитает нужным.

А теперь она стоит рядом и поет гимн. И уже сегодня может покинуть команду...

Когда гимн закончил греметь и были выполнены все необходимые ритуалы, прозвучал свисток. Игра началась.

Стрелок ждал обещанного вопроса, но Маша помнила свое обещание не мешать просмотру.

– Ну, и? — не выдержал парень.

– Что?

– Где же вопрос?

– Ты же сказал молчать...

– Короче, ничего страшного, говори, — смиловался он.

– Даже не знаю, как сказать... — трибуны периодически взрывались, реагируя на острые моменты, и своим шумом не давали разговаривать. Поэтому Стрелок придвинулся ближе.

– Говори уже, как есть!

– Ты когда-то сказал, что я полудикая и полудомашняя. Так что значит последнее? Я бы не стала тебя торопить с ответом, если бы знала, что нам еще придется встретиться.

– Что за ерунду ты говоришь?! Куда ты можешь деться?

Маша только отвернулась, но промолчала.

– Это из-за игры команды?

– Да, но есть и еще другие обстоятельства. Так ты ответишь?

На лбу Стрелка появились такие привычки складки раздумий, и он ответил:

– Полудомашняя, потому что рядом с тобой себя всегда чувствуешь, как дома, где бы ни находился: в чужой квартире, в своей, но ставшей чужой, на стадионе, на улице, в автобусе, короче, — везде.

– Спасибо, мне было важно это знать.

Девушка замолчала и отвернулась, пристально вглядываясь в поле и сжимая кулаки. Стрелок сначала тоже пытался следить за игрой, но не мог сосредоточиться. Ему хотелось столько всего сказать этой странной, немного сумасшедшей в своем стремлении помогать людям девушке, что даже футбол не мог отвлечь его от подобных мыслей.

– Я так и не поблагодарил тебя, — в итоге сказал Маше Стрелок, наклонившись к ней поближе.

– За что?

– За все, разве этого мало?

– Кому как.

– А еще, чтоб ты знала, я не стал вмешиваться в эту вашу историю с Березиным не потому, или не только потому, что он футболист, а потому, что ты требовала объективности, а в моем случае этого не получалось. Объективность — это безразличие, равнодушие, это когда фиолетово, по барабану.... Ты редкий человек, к которому все это почему-то не применяется.

– Из твоих уст звучит как комплимент! Не ожидала.

– Я могу что-нибудь для тебя сделать?

– Что, например?

– Морду кому-нибудь набить, — и тут же поправился, —
лицо, короче.

– Какой поворот событий! С чего такие изменения?

– Хочется для тебя что-нибудь сделать.

Стадион жил своей жизнью: окрашивался баннерами, разливался речевками, местами подтанцовывал, разминаясь, местами напряженно ждал. Непередаваемое ощущение.

– Скажи мне, что такое любовь?

– Сурово. Может, все-таки лицо кому-нибудь разукрасить?

– Ты же сам сказал... — расплылась в лукавой улыбке Маша.

– Дай подумать... Трудный вопрос для того, кто никогда не влюблялся...

– Вот так признание!

– А у тебя талант заводить нужные темы в нужное время!

– И все же?

– Ты же в курсе, что я историк?

– Конечно.

– По мне, любовь — это память.

– То есть, как?

– Это когда человека нет, а он все равно рядом. При этом неважно, как далеко его унесло, разделяет он эти чувства или нет...

Маша усмехнулась этому описанию. Больно уж его описание что-то ей напоминало.

— Ты спросила — я ответил, — что-то едва уловимое мелькнуло в глазах Стрелка.

Но тут внезапно стадион ахнул, вместе с ним впали в оцепенение и Маша с ее спутником. Соперники открыли счет.

Маша вопросительно-умоляюще посмотрела на Стрелка, тот взглядом попытался приободрить ее. Он стал следить за полем и делать комментариев для соседки.

— Вяло играют. Без атаки вообще. Жоазины деревянные. А Беговой молодец, тянет! Но с такой игрой... Надо что-то менять... Михалыч!

Маша видела повтор забитого мяча: быстрая контратака соперников после перехвата на своей стороне поля, забегающие, перевод, выход один на один и гол. Егора могло спасти только чудо, но оно не произошло. Девушка не сказала бы, что ее команда играла плохо, но им не хватало удачи в атаке; и, понимая это, защитники выдвигались вперед, помогая своим товарищам, но при этом создавали свободные зоны, чем не гнушались пользоваться игроки противоположной команды.

Вообще игра была очень интересной: Маша не могла понять, как она пропустила всю половину первого тайма в беседе со Стрелком. После пропущенного мяча игра и вовсе стала такой, за которую и любят футбол: обоюдно острой, яркой. Хозяева поля не опускали руки, они шли вперед, про-

бовали дальние забросы, переводы, короткий пас, стеночки — ничего не помогало.

Соперник тоже не отсиживался в обороне, но теперь прочно взял второй номер и ловил противника на контратаке. И они, по правде сказать, были чрезвычайно опасны. Егор отбивал все: с дальней дистанции, удары головой накоротке, отскоки и рикошеты. Он подбадривал ребят, гнал их вперед, показывая, мол, сзади все будет хорошо. Маша искусала губы почти до крови.

Наконец, команды разошлись на перерыв, и возникла хоть какая-то передышка.

— Что-то можно сделать? — уже зная ответ, спросила Стрелка Маша.

— Спасет только Березин, — подтвердил ее мысли руководитель фан-клуба.

Второй тайм начался без замен и проходил в том же духе: хозяева играли, будто бы это их последний матч, а гости держали марку одной из лучших команд чемпионата. Нашла коса на камень. Только одним можно было довольствоваться имеющимся счетом, а другим — обязательно забивать.

И тут Валерий Михайлович сделал то, чего от него так давно ждали все, кроме нескольких десятков человек, знающих истинное положение дел: он выпустил Березина. Это была внеплановая замена, на ровном месте травму получил капитан команды — Опалов. Тренер шел ва-банк, а играть было еще полчаса. Он заменил опорника на нападающего

креативного плана.

Трибуны подскочили в восторге. Они любили Димку, их Димку. И он отвечал им тем же.

С его выходом на поле не все сразу изменилось, но игра потекла по-другому. Дмитрий стал помогать команде взламывать оборонительные бастионы соперника: он бил сам, раздавал оригинальные передачи, вскакивал, когда его сбивали, и любой другой нормальный футболист уже лежал бы и корчился от неведомой (или вполне осязаемой) боли. Он смело шел в обводку, как бы показывая: их можно пройти, переиграть. Он боролся вдохновенно, с таким огнем, пылом, что даже проиграть при такой игре можно было бы с сохранением чувства собственного достоинства.

Мы упустили одну деталь: капитанская повязка перешла к Беговому.

Было проведено еще несколько замен с обеих сторон, но рисунок игры не менялся. Все, даже самые преданные болельщики фактически смирились.

И тут произошло неожиданное: Наваров прорвался по флангу и выдал просто изумительную передачу на ход Березину. Тот ускорился, финтом убрал одного, переиграл второго, отдал налево набегающему Жоазинье, тот отыграл обратно и... ГОЛ!!

Стадион взревел. Болельщики повскакивали со своих мест, обнимались, кричали что-то нечленораздельное, стадион покрылся сполохами дыма от зажженных фаеров. У фа-

натов появилась надежда! И подарил ее парень с белым хаером. Он, как всегда, отправил болельщикам свое «сердце»!

Маша вспомнила, что на конференции, которую девушка пропустила из-за того, что так «неудачно» застряла в лифте с Беговым, Дубинина спросили, что нужно будет для победы. Он ответил: «Холодная голова и горячее сердце». Горячее сердце есть, еще бы холодной головы добавить.

Перевес перешел на сторону хозяев, они старались «дожать» соперников, но им этого не удалось. Надо отдать должное противоборствующему коллективу: они не жалели ни себя, ни соперника.

Как и опасался всезнающий профессор, дошло до серии пенальти.

«Пенальти — это лотерея» — говаривал обычно Николай Степанович, сидя по правую руку от нее. «Если дождался пенальти, уже для себя, считай, победитель», — наставлял он. Но тут игра на выбывание и победитель будет только один.

Первым бил Наваров. Надежно, технично, точно.

Соперник ответил ударом в девятку, обманув вратаря.

Дальше бил Чиж. Он пытался пробить прямо под перекладину, но удар не вышел и голкипер легко парировал.

Следующим подошел к точке бразилец Дога. Он специально выдержал паузу и нанес сильный разящий удар. Но Егор будто почувствовал направление мяча и крепко зафиксировал его.

Маша еле дышала, она сжала кулаки так, что костяшки

побелели, а ногти впились в ладони.

На очереди был Березин. Он играючи разобрался с вратарем, обхитрив его.

Команды дышали друг другу в спину, имея равный счет. В итоге коллектив, за который болела Маша, вел с преимуществом в одно очко, но у противников был удар в запасе.

Подход, настройка, крестится, разгоняется, бьет... Где же мяч? Маша не видела, она закрыла глаза, потому что не вынесла напряжения всех последних дней. Стадион замер. «Неужели это конец», — пронеслось у нее в голове. Тут чьи-то сильные руки подхватили ее и закружили в воздухе. Это был Стрелок.

«Мы выиграли!» — кричала Маша, и редкие крупные капли оседали у нее на ресницах.

Парой часов позже Егор раскроет секрет своей удивительной удачливости: профессор вместе с одним из тренеров подсчитали вероятность удара вправо, влево и по центру. В 90% случаев в ситуации с повышенным уровнем стрессогенности игрок, бывший последним, посылал мяч в левую девятку. Но не было на свете человека, который бы знал, сколько усилий пришлось приложить Егору, чтобы заставить себя закрыть именно эту зону, как ему хотелось закрыть центр или другие участки, которые оказывались совершенно беззащитными. Но он доверился голосу разума.

Все это будет потом, а пока хозяева поля праздновали успех, обменивались футболками, целовали газон, а на экра-

нах крупным планом показывали знакомую нам девушку, которую так беззаботно кружил боевитого вида субъект.

Вера

На следующий день был выходной, а потом работа возобновилась в прежнем ритме. Все радовались победе, даже сам Кротов пришел в раздевалку, чтобы поздравить свою команду. Его появление вызвало большой переполох: ожидали, что он сдержит слово и отправит тренера в отставку, потому что тот ослушался приказа не выпускать на поле Березина.

Но Кротов сказал: «Победителей не судят...», — и даже обещал всем премиальные. Но уже позже в письменном извещении он заявил, что Дубинин сможет спокойно доработать до конца сезона, однако Березина переведут в команду «Б», и чтобы его не было даже в заявке на матчи. Очевидно, это делалось для того, чтобы у Валерия Михайловича не было соблазна снова выпустить на поле своего «любимчика» (который на самом деле был талантливейшим игроком команды).

Дубинину пришлось подчиниться. Он искренне верил, что Димка — это одна из ярчайших футбольных находок, но интересы команды ему пришлось поставить выше: все-таки меньше, чем через месяц, финал кубка, и у команды есть шансы за него побороться, хоть и без такого подспорья как Березин.

Но со стороны болельщикам казалось, что тренер сошел

с ума, убирая из обоймы такого высококлассного футболиста. Начались волны критики, которые могли смело снести Дубинина. Поля передавала Маше настроения народа. В конце концов, ассистентка психолога рассказала подруге всю подоплеку этой истории. Черноокая брюнетка как-то заявила Маше:

– Не удивлюсь, что Кротов это все специально придумал, чтобы фанаты сами заставили вашего тренера уйти в отставку!

Маша не была склонна верить в теории заговора. Но получилось так, что именно она невольно нарушила планы президента клуба (если они, конечно, имели место) своей беседой с лучшей подругой. Вскоре общественное мнение изменилось, и волна критики перенаправилась на Кротова. Это произошло после того, как кто-то из болельщиков пустил в сети информацию о том, что именно президент клуба заставил тренера перевести одного из лучших игроков команды в резерв. Чего только про него не писали и не говорили! Что он продался, что обезумел, что потерял остатки совести. Но он не дрогнул. Его мало трогали все эти записи. Во всяком случае, внешне его поведение мало изменилось. Иногда казалось, что он работает не с людьми, а с цифрами, которые можно сложить, отнять, разделить... и от этого ничего не изменится.

Маша почти каждый день занималась с Егором. Они сразу условились, как будут друг к другу обращаться даже при

встречах, когда никого больше рядом не будет:

– На «Вы»? — предложил Егор.

– На «Вы», — отозвалась Мария.

Работать с ним было одно удовольствие: футболист ко всему подходил с привычным для него рвением и работоспособностью. Он тщательно слушал инструкции, кропотливо выполнял задания (многие из них были довольно нудными), переспрашивал, уточнял, требовал домашние задания.

А еще много шутил, смеялся и заставлял смеяться своего учителя. Однажды во время одного из занятий в кабинет зашел Николай Степанович. Он посмотрел на молодых людей, усмехнулся себе и сказал, что пойдет в архивную, захлопнув за собой дверь. Вскоре он позвал Машу и попросил уделить ему немного времени.

– Сколько хотите! — ответила Маша.

– Мне кажется, я очень нерационально расходовал время, проведенное с вами.

– Что вы имеете в виду?

– Мы постоянно работали, разрешали всякие сложные ситуации, конфликты, я передал вам много академических знаний, но не рассказал о некоторых житейских истинах, до которых сам дошел за много лет, может быть, они выручат вас однажды. Вот первая: «Дышите!»

Маша в недоумении приподняла брови.

– Если будет очень тяжело, станет казаться, что выхода нет, что все зря, что впереди то, с чем не справиться или

что позади неисправимое — ДЫШИТЕ! Говорите себе: «Я дышу, я могу дышать! Значит, не все потеряно!» И, конечно, глубоко и размеренно дышите. И вообще, когда дышать не хочется, дышите особенно глубоко и размеренно.

Машу удивили нежность и мягкость, сквозившие в голосе профессора и такие непривычные. Он всегда оставался с Марией строгим, но справедливым, прямо по Макаренко, которым так восхищался. А тут такое откровение...

— Хорошо, я учту. А в чем состоит вторая истина?

— Она мне тоже тяжело далась. Если ты куда-то идешь, идешь, стараешься, а оно ну никак не идет, тогда стоит остановиться и подумать: «Может быть, ты идешь не туда?» И пойти в другом направлении.

— Спасибо, — улыбнулась Маша. — Думаю, эти истины сослужат мне добрую службу. А еще будут истины?

— Пока хватит этого, — заключил профессор.

И вскоре случай представился.

На базу приехала роскошно одетая, по-модному красивая огневолосая девушка. Она, как фурия, промчалась по фойе, вестибюлю, требовала встречи с президентом клуба. Ее не хотели пускать, но, когда она назвала себя, ее пропустили. Правда, из кабинета девушка выскочила довольно быстро и как будто ужаленная. Она сбила уборщицу, нагрубила охраннику и вскоре практически все люди, имеющие хоть какое-то отношение к базе, знали, что президента посетила Агния — жена Бегового.

Все гадали, чего же надо этой бестии. Строились версии, что она требовала повышения зарплаты для своего мужа, или лучших условий, или еще чего-то. Но слухи совсем другого толка пошли, когда Кротов настоятельно попросил Машу посетить его кабинет.

Вот тут-то истина про дыхание оказалась очень полезной. Мария не любила пристального внимания к себе и, как все отличники, не любила, когда ее ругают, особенно без повода. Она была достаточно умна, чтобы знать, где могла перейти дорогу Агнии. Но как поведет себя Кротов?

Президент клуба как всегда был безукоризненно одет и подчеркнуто вежлив.

– Присаживайтесь.

Маша как можно спокойней и уверенней заняла свое место.

– Вы знаете, зачем я вас позвал?

Кротов был из тех, кто ценит честность (хоть и не всегда сам проявляет эту добродетель) и свое время, поэтому Маша кратко ответила:

– Предполагаю.

– У меня был посетитель с претензиями в ваш адрес. Причем, большинство из них я бы не рискнул сейчас повторить.

Маша промолчала, ожидая продолжения. Кротов сидел напротив нее, на некотором отдалении, которое по всем канонам психологической науки должно было демонстрировать его превосходство. Он оторвался от бумаг, окружавших

его, и закрыл ноутбук.

– Вы понимаете, что я должен отреагировать...

Маша кивнула.

– Я человек деловой, и не люблю откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня...

Внутренний голос Маши кричал: «Да скажи прямо, что я уволена, хватит мучить!» Но она помнила первую истину, и поэтому глубоко дышала и не показывала душевных терзаний.

– Я принял решение, которое кажется мне справедливым... — Кротов пытливо вглядывался в лицо девушки, но оно оставалось ясным и сдержанным.

Только сейчас Машу осенило, что именно в этот момент Кротов принимает решение, от которого зависит ее профессиональное будущее.

– Нужно ужесточить пропускной контроль на базе, чтобы меня не отвлекали по пустякам. Вы же находите это справедливым?

Маша кивнула:

– Вполне.

– А вы идите работать. Я надеюсь, вы еще много пользы принесете клубу.

Маша на ватных ногах добралась до кабинета, благо, он был пуст — профессор работал в доме Дубинина. Она густо покраснела, на минуту опустила голову и принялась писать отчет дальше.

Приход Агнии не прошел бесследно: на ее страницу в социальных сетях стали сыпаться сообщения с угрозами, подобные же заметки размещались в сообществах, куда подписалась Маша. На сайте клуба тоже появились оскорбительные отзывы. Их суть, если перевести на человеческий язык, состояла в том, что ассистентка психолога безнравственно соблазнила, приворожила и похитила из семьи Бегового, нарушив идиллию, разрушила один из самых прочных в мире семейных союзов. Ей угрожали, что обольют кислотой и уничтожат ее «мерзкую рожу».

После обеда пришел профессор. Когда он зашел в кабинет, то по его лицу девушка прочитала, что он все знает. Маша ожидала вспышки ярости, гнева, возмущения, чего угодно: ведь Николай Степанович так чтит нравственность и выступал против всякого рода личных взаимоотношений на работе. Но он сказал только:

– Сделаете мне чайку?

Маша поспешила выполнить поручение.

– И, пожалуйста, опасайтесь истероидов, — он сказал это так буднично, будто просил положить ему две ложки сахара вместо одной. — И еще: если у вас есть друг с крепкими кулаками, пусть ближайшие несколько дней он встречает и провожает вас до работы и обратно.

Если бы Маша не знала профессора, то она бы проигнорировала его совет, посмеялась над такими предосторожностями. Но девушка за время совместной работы успела уяс-

нить: Николай Степанович — психолог, он знает толк в людях, и не будет бить тревогу понапрасну.

Она тут же набрала номер телефона и попросила себя забрать.

— Короче, ты где? — ответили ей в телефонной трубке. Абонент даже не спросил, что произошло, и зачем это нужно.

На следующее утро Егор, как обычно, после плановой тренировки поднялся к Маше на занятие. Он не знал, как смотреть ей в глаза, что сказать, будет ли она продолжать заниматься с ним после случившегося, поэтому медлил.

Но стоило ему открыть дверь, как все сомнения отпали: Маша улыбнулась ему и сказала в нарочито озадаченном тоне:

— Вы стали отличаться завидно непунктуальностью.

— Что поделаешь, мое новое положение должно обеспечить мне некоторые льготы, — ответил он также.

— И что же это за сомнительное положение?

— Положение капитана команды.

— Завидное положение.

— А еще положение рассерженного мужа.

Улыбка тотчас слетела с губ девушки. Она посмотрела на новоявленного капитана своими большими серьезными, вечно горящими глазами. Егор тоже потерял улыбку. Они долго смотрели друг на друга, потом отвели взгляд. Первой не выдержала Маша. Она горько рассмеялась и покачала го-

ловой, Егор подхватил. Вскоре они приступили к выполнению упражнений.

Девушку еще пару недель сопровождал либо Стрелок, либо кто-то из его самых близких соратников (тех, кто крепче). Пока однажды преследования внезапно не прекратились. Как тогда казалось Маше, сами собой.

Несчастья продолжали преследовать клуб: началась череда травм. Кроме Опалова, лазарет в ближайшие две недели пополнили Наваров, Философ, Чиж. Некоторые выбыли на неделю, другие должны были закончить сезон досрочно. Поэтому у Маши стало еще больше работы. Она не могла разрываться между клиниками, базой, университетом, который собиралась окончить с красным дипломом, и все-таки успевала быть везде.

В это время подоспел на помощь профессор: он сказал, что сделал для Катеньки (дочери Дубинина) все, что мог, и что описал кратко свою работу, дабы она пригодилась Маше в будущем. Психолог попросил разделить обязанности так, чтобы Мария занималась с Егором и сопровождала футболистов, следя за их выздоровлением, а он бы работал на месте и решал накопившиеся вопросы. Девушка согласилась.

Порой она не могла избавиться от мысли, что над ее головой несправедливо занесен «Дамоклов меч» (как выразился однажды профессор) из-за ситуации в команде, а его стоило бы повесить при входе в кабинет других психологов клуба

— Светланы Сергеевны и ее ассистентки, ведь именно они отвечали за коллективную работу, а разладился именно коллектив, а не отдельные футболисты страдают по личным проблемам.

И тут случилось то, чего никто не ожидал, видимо, кроме профессора. Тот не удивился и только посетовал: «А чего вы ожидали? Стали парня мариновать, вот он и сломался! Таким, как он, важно играть. А еще у них самооценка не устойчива, их нужно оберегать».

«Кого это — их?» — спросили у него.

«Одаренных», — ответил психолог.

Одним словом, Березин травмировался. Травмировался серьезно, выбыл месяца на три минимум. Психологическая служба получила распоряжение свыше ставить на ноги в первую очередь тех, кто может сыграть в кубке, а футболистов второго состава не нагружать чрезмерным вниманием. Маша была так занята, что в первый день не успела связаться с Березиным. Во второй день он тоже не вышел на связь. На третий день позвонил сам, говорил коротко, грубо и развязно, что его достало повышенное внимание к себе, что ему хочется тишины и помощь не нужна. Маша подумала, что иногда человека и правда лучше оставить в покое хотя бы на время.

На другой день в город приехал Костя. Он предупредил, что прибудет утром на поезде, потом в гостиницу, а потом сразу на обучение (его отправили повышать квалифика-

цию от юридической конторы). Молодые люди договорились встретиться у гостиницы, чтобы Маша могла проводить своего друга до одного из многочисленных офисных зданий, где за ваши деньги можно обогатиться знаниями.

Девушка была немного взволнованна — все-таки она два месяца не видела Костю. Она стояла у гостиницы, одной из тех, которых хватает в крупных городах: достаточно дешевой и достаточно удаленной от центра, но в зоне досягаемости метро и с довольно хорошими условиями для непритязательного путника. Из корпуса вышел молодой человек в темном костюме с каштановой челкой, спадающей косо на один бок, и глазами цвета горячего шоколада. Маша не сразу нашла, что сказать.

– Ого! — только и смогла выговорить она.

– Тебе нравится? — спросил Костя, улыбнувшись в смущении так, что на его щеках промелькнули ямочки.

– Тебе очень идет!

– Спасибо, но как-то я неуютно себя в нем чувствую. Не то, что мои рубашки в клетку и толстовки.

– Разница, конечно есть, вот я смотрю на тебя и думаю, ты это или не ты... Такой солидный, серьезный и...

Маша хотела сказать «красивый», но промолчала. Она знала, что Костя не считает красоту большим достоинством мужчины, но он казался Маше поразительно красивым, все его лицо, фигура, движения удивительно гармонировали, сочетались. Он нравился Маше и раньше, но эта стрижка доба-

вила ему индивидуальности, приоткрыв обычно то горящие, то обращенные внутрь глаза. Это ощущение трудно описать словами... Неужели Костя не знает, насколько он красив? Как привлекателен? И что он мог найти в такой скромной внешности девушке, какой видела себя Маша?

– И?

– Классный, — выдохнула Маша.

Костя рассмеялся паузе в словах девушки.

– Ты на работу?

– Да, но тебя обязательно провожу.

– Хорошо.

По дороге они обменивались новостями, рассказывали о планах, постоянно перебивали друг друга, будто больше не придется поговорить. Маша еще раз убедилась, как много теряет человек, если общается с другим по переписке. Девушка не заметила, как ее рука оказалась в ладони Кости, ей было так хорошо, так замечательно. Но что-то давило изнутри: вот он какой деловой, красивый, умный... Зачем ему я? На мгновение девушке показалось, что тот робкий, застенчивый, поглощенный своими сомнениями парень ушел в прошлое, на его место пришел уверенный в себе, самодостаточный молодой мужчина. Это перемена, поразившая бы любую, почему-то вызвала у Маши грусть, отчего-то защемило в груди и до конца не отпускало.

Они условились встретиться вечером, Костя обещал сюрприз.

Маша пришла в бывшую архивную, разложила там материалы для занятия с Егором.

Беговой пришел чуть раньше обычного, зашел, поздоровался, сел, помолчал несколько, потом спросил:

– Ты уже видела Костю?

Этот переход на «ты» обозначал, что речь пойдет не о работе.

– Да, конечно.

– И как он?

– Отлично, передавал тебе привет.

Егора успокоило, что Маша поддержала его переход на «ты». Он открыто посмотрел ей в глаза, девушка посмотрела на него. Оба не проронили ни слова. Сколько длилась эта безмолвная беседа? Мгновения. Но молодым людям казалось, что прошло минут двадцать.

– Как ты думаешь, это розы? — поинтересовался Егор, указывая на картину с какими-то красными цветами, написанную в стиле импрессионизма, которую с таким рвением когда-то вешала Маша, чтобы придать комнате изящества.

– Я не знаю, трудно сказать, я же не эксперт...

– Но кто, кроме тебя будет знать, ведь именно ты выбрала эту картину?

– Да, я.

– Тогда ты должна знать ее название.

– Я не знаю ее названия, но уверена в том, что художник, ее написавший, один из лучших для меня, если не самый

лучший.

– И этого достаточно?

– Может быть, суть как раз именно в том, чтобы найти такого художника, которого будешь считать самым лучшим?

– И совсем не важно, что будет на его картинах?

– Да, именно так, — подтвердила девушка.

– А если однажды ты увидишь другие картины, на которых будет что-то совсем другое, но тоже прекрасное?

– К чему ты клонишь? — решила прекратить этот загадочный диалог Маша.

– Просто я сам очень люблю этого художника, по-своему, конечно... Так что вы для меня приготовили?

Вечером Костя предстал перед Машей таким, каким она знала его раньше: в джинсах, толстовке, рубашке, с рюкзаком наперевес. В таком обычном своем виде он показался ей еще более притягательным. Парень попросил Машу довериться ему. Они вошли в какое-то здание, поднялись на последний этаж, затем выбрались на крышу: там была смотровая площадка. Огромное атласное солнце клонилось к горизонту, свежий весенний ветер рассыпал волосы, откуда-то издалека доносился шум машин и гулкие звуки города.

Молодые люди сидели, укутавшись в плед, пили горячий кофе, болтали. Маша коснулась запястья Кости: там был браслет чудаковатой формы, напоминающий узор.

– Он что-то значит?

– Все что-то значит, — многозначительно едва улыбнулся Костя, как умел делать только он.

– И что он означает?

– Там написано: «ВЕРА».

– Это имя бывшей девушки?

– И да, и нет. Раньше было, но сейчас значение другое, самое прямое, — парень обнял девушку за талию, притянул к себе и коснулся щекой ее волос.

– Расскажи мне про нее!

– Может быть, не стоит? Это будет еще одна история о неразделенной любви. Их и так хватает.

– Забавно, каждый человек хотя бы раз был любим или любил без взаимности.

– Только ты могла увидеть в этом что-то забавное, — Костя притянул Машу еще ближе, хотя казалось, что ближе просто некуда.

– И все-таки расскажи мне свою историю, если честно, я удивлена, что ты до сих пор этого не сделал.

– Зачем? Что было, то было.

Да уж, отпускать прошлое — такой же большой талант, как не упускать возможности в настоящем.

– И все-таки, кто она?

Маша не могла ответить себе, почему ее так заинтересовала эта девушка, давно ушедшая из жизни Кости. Может быть, потому что прошлое однажды возвращается — это Маша знала не понаслышке. Или потому что ревновала парня,

ей-то он в любви не признавался. К тому же девушке очень нравилось слушать истории любви, даже когда они на проверку оказывались историями дружбы, ненависти, корысти или просто симпатии.

– Мы познакомились еще совсем детьми, нам было лет по шесть. Я в шутку называю наши отношения летними, потому что она приезжала именно летом, на каникулы. Живая такая, с веснушками, страшная выдумщица. Во что мы только с ней не играли, каких розыгрышей не устраивали!

Все лето не отходили друг от друга, вместе играли, купались, читали книги, мечтали...

Она была из обеспеченной семьи, за ней всегда следила няня, нашей повседневной забавой было ускользнуть от ее надзора, что, впрочем, оказывалось не так сложно, она была еще молода и подозрительно часто ходила жаловаться на свою подопечную к нашему общему соседу, за которого, в конце концов, вышла замуж.

Я никогда не мог знать наверняка, что у Веры в голове, так стремительно менялось ее настроение и мысли...

Помнишь, Егор хотел тебе что-то рассказать, когда мы гуляли по окрестностям во время твоего первого приезда? Я его тогда еще остановил?

– Да, еще бы, это была прекрасная прогулка!

– Так вот, однажды он нас там застал целующимися, это была еще одна ее выходка.

– И почему ты не с ней? — шутливо злясь и demonstra-

тивно отодвигаясь, поинтересовалась Маша.

– Потому что лето заканчивалось, она уезжала, и мы забывали друг про друга ровно до следующего лета.

– Ну, можно же было звонить, переписываться, еще как-то общаться, это же теперь не проблема!

– Сначала об этом даже речи не было, мы, дети, быстро перестраивались, возобновлялись походы в школу, там свои дела, заботы. Потом, конечно, мне стало ее не хватать. Но все равно наше «удаленное» общение не приносило радости, она все время куда-то спешила, что-то делала... С тех пор я не очень люблю переписываться в сети... Или не любил... до определенных пор, — «пока не встретил тебя», — чуть не добавил парень. — Одним словом, мы выросли. Однажды мы даже почти не узнали друг друга, это не удивительно — почти год прошел с нашей последней встречи, нам тогда было по пятнадцать. Любимым местом наших встреч был тот самый мост, который я тебе показывал, мы могли пропадать там часами.

В один из вечеров она мне и подарила этот браслет. А я подарил ей такой же, но со своим именем, одно время была такая фишка.

Костя еще раз продемонстрировал браслет, и теперь девушка взглянула на него совершенно по-новому, будто видела в первый раз.

– Столько лет прошло, а ты до сих пор его носишь... Думаешь, эта самая Вера тоже одинокими длинными ночами

смотрит на свой и вспоминает тебя?

– У меня нет на этот счет лишних иллюзий.

– Почему ты тогда его не снимешь?

– Зачем? Это часть меня, часть моего прошлого. У меня хватает сил признавать это.

Маше хотелось поспорить, но она сдержалась.

– Что же было дальше?

– Она из соседской девчонки, с которой носились наперегонки, превратилась в привлекательную девушку. Мы стали стесняться, когда оставались наедине, от этого еще больше шутили, шумели, но прежними уже не стали. Нам нужно было заново узнавать друг друга. А времени не было. В то лето она уехала раньше обычного. И с тех пор я ее не видел. Так получалось, что все мои дни рождения мы праздновали вместе (мой день рождения в июне, как ты знаешь), а ее мне так и не довелось поздравить ни разу.

Но я все равно отмечал ее день рождения, приходил на тот самый мост, приносил цветы и вспоминал ее.

– Я думала, что так уже не умеют любить...

– Тут особенно гордиться нечем. Зато ты знаешь, что я делал той ночью на мосту, когда встретил брата. Еще раз прости, что выдумал ту историю с крысой, чушь несусветная, но не хотелось тогда все рассказывать, как было на самом деле.

– Наверно, переживал, когда она не приехала?

– Не то слово, места себе не находил. Даже не с кем бы-

ло поговорить — Егор как раз со скандалом уехал, мать ре-
вела ночи напролет, ей было не до меня, отец ходил чернее
тучи. Друзьям я бы ни за что про нее не рассказал — засме-
яли бы. Одним словом, у меня снесло крышу, связался с ка-
кими-то не то рокерами, не то байкерами, мы гоняли по но-
чам на скутерах и мотоциклах на ставки и почти без правил.
Не представляю, как сдал экзамены и умудрился поступить
в универ на престижную специальность. Впрочем, выбирал
ее не я, а отец, мне тогда было все равно, куда идти.

Увлечение байками продолжалось ровно до той гонки,
на которой, как оказалось, были мы оба. Если бы не Стрелок,
возможно, меня бы здесь сейчас не было.

Маша нашла под рубашкой и футболкой Кости, спрятан-
ный на груди брелок в виде стреляющего человечка и при-
жала его к губам.

— Как это удивительно, что я получила от Стрелка тот же
подарок, что и ты! — заметила Маша.

— В жизни вообще много удивительного, — рассудил Ко-
стя. — Как бы там ни было, после того случая я больше в гон-
ках не участвовал. Но нашлись другие компании и другие
забавы.

— И все из-за нее?

— Не только, конечно, были еще проблемы в семье, трудно
находил с отцом общий язык. Он всегда хотел видеть во мне
кого-то, кем я не являлся. Но Веру помнил.

— Ты пытался ее разыскать, объясниться, вернуть?

Костя ответил одним словом, но этот ответ заставил Машу на мгновение потерять дар речи.

– Зачем?

– Как это, зачем? — сказала Маша, когда опомнилась.
— Чтобы не страдать больше!

– Она мне ничего не обещала, не клялась в вечной любви... Так у меня остались хотя бы хорошие воспоминания, а что было бы, если бы я стал гоняться за ней по белому свету? Еще одно разочарование, еще одна...

– Рана? — подсказала Маша.

– Да, пусть даже так.

– И ты совсем ничего не сделал?

– Я ей писал, но она отвечала общими фразами, никогда не писала первой. В конце концов, я смирился.

Маша слушала и не знала, что ей делать — радоваться или негодовать. Костя думал совсем иначе, чем она. Маша старалась во всем идти до конца, отчего периодически страдала, а темноглазый парень рядом стремился как можно скорее смириться, лишь бы не раниться еще сильнее.

– Как ты вернулся... в норму? Когда я тебя впервые увидела, ты был немного угрюмым, но вполне нормальным.

– Ты не поверишь, меня выгнали... компьютеры. Устав от бесконечных компаний и сомнительных развлечений, я стал все свободное время проводить у компьютера, увлекся программированием, компьютерными играми, это отвлекло и по-настоящему затянуло.

— Да, в компьютерах ты разбираешься здорово, — оценила девушка.

Некоторое время сидели в тишине.

— Что для тебя любовь? — едва слышно спросила Маша.

Костя указал на браслет.

— Любовь — это вера. И вообще все то, что имеет такой корень: доверие, верность. Когда любишь человека, то уверен в нем больше, чем в самом себе, считаешь его более хорошим, умным, добрым, чем все остальные. Когда этот человек для тебя самый лучший. Когда в себе уверен меньше, чем в нем.

Маша накинула на голову Косте капюшон, полюбовалась его профилем и еще сильнее прижалась к этому удивительному человеку.

Спасибо

Последующие дни молодые люди проводили все свободное время вместе: гуляли, читали друг другу стихи, катались на велосипедах, ходили в кино. Маша все больше привыкала к Костиной аккуратности, нежности, бережности в отношении чувств, он становился таким родным и близким, что не хотелось его никуда отпускать.

Однажды они сидели вечером у нее на кухне, когда зазвонил телефон в гостиной. Маша извинилась и ушла ответить. Вскоре она вернулась расстроенная и взволнованная.

– Что случилось? — спросил Костя.

– С Березиным проблема!

– Какая?

– Он покинул больницу без разрешения врачей.

– Это, конечно, ужасно, но не стоит таких волнений.

– Врач добавил, что Березину в его состоянии нельзя было прекращать лечение.

– Да что там такое случилось? Дела совсем плохи?

– Не знаю, врач не стал говорить, что там за состояние такое.

Костя посмотрел на огромные встревоженные глаза девушки и понял, что нужно принимать меры.

– Врач еще на дежурстве?

– Да, он звонил из клиники.

– Ты знаешь адрес? — девушка кивнула. — Тогда поехали.

Машу в этой клинике все знали: она не раз навевывалась к футболистам, поэтому и доктор был ей известен. Максим Денисович знаком пригласил ее в кабинет, попросив Костю подождать снаружи. Он долго ходил вокруг да около, ссылаясь на врачебную тайну, но Маша так и не могла понять, что такого удивительного в том, что Дмитрий уехал из больницы и какой вред от этого может быть. Все-таки Березин не враг себе.

Маша сказала, что она психолог и тоже хранит много тайн, она хорошо знает Березина и постарается ему помочь.

– Травма Березина очень серьезна. Мы были вынуждены сказать ему, что вряд ли он сможет играть на прежнем уровне: могут пострадать скоростные качества, выносливость и т. д.

– Зачем вы ему это все сказали? — возмутилась Маша.

– Врачебная этика. Мы обязуемся говорить клиенту правду о его состоянии.

– И что, поэтому он сбежал?

– Он не мог сбежать, только уехать.

– Почему?

– Он перестал ходить.

– Как такое возможно???

– Это психосоматика, показатели в норме, одна нога пол-

ностью здорова, на другую пока лучше не наступать, будет больно. Но у него отнялись обе.

– Начальство знает? — как можно спокойнее осведомилась девушка.

– У нас контракт, были вынуждены поставить в известность президента клуба.

– Можете предположить, где его искать?

Врач только развел руками.

Маша вылетела из кабинета как ошпаренная, уже в коридоре ее догнал Костя. Девушка вкратце передала разговор с доктором, а сама спешно звонила по телефону: там не отвечали.

– Надо что-то делать! — приговаривала Маша. Она ходила перед такси из стороны в сторону, пока парень не поймал ее и не усадил в машину.

– Давай сегодня приедем домой, а над этим подумаем в спокойной обстановке.

Маша согласилась не сразу. Ее натура в подобных ситуациях требовала решительных действий. Но на дворе стояла ночь, и обзванивать друзей и знакомых Березина было бы пока некорректно. Поэтому девушка, скрепя сердце, кивнула и села в такси.

Дома она заварила любимый травяной чай, разлила его по двум чашкам (Поля в это время гостила у Гоши) и отнесла в комнату, где ее ждал Костя.

Убедившись, что шок у Маши прошел, и она готова рас-

суждать трезво, парень спросил, грея руки:

– Что ты собираешься делать?

– Найду Березина и постараюсь ему помочь.

Костя нахмурился, поставил чашку.

– Не делай этого.

– Но почему? — потребовала объяснений девушка.

– Я найду тебе тысячу причин, но будешь ли ты их слушать?

– Конечно, говори!

– Во-первых, ты сейчас нужна в клубе, сама говорила, что финал кубка очень важен, а команда в разобранном состоянии, причем профессор тоже не в оптимальной форме и занимается своими делами. И Березину все равно, что будет с клубом, он хочет уехать и как можно скорее, а ты почти полтора года здесь работаешь и столько сил отдала. Нельзя же сдаваться на последнем рубеже, когда титул так близко!

Во-вторых, руководство знает, если бы нужна была твоя помощь, президент уже бы известил тебя и дал указания. Видимо, на тебя у него другие планы. А именно он твой работодатель.

В-третьих, там очень серьезная проблема, с которой лучше справится клинический психолог, специалист по подобным проблемам, а у тебя другая специализация...

Пока Костя говорил, внутри Маши все клокотало от стремления возразить.

– Ты очень тонко обрисовал мои профессиональные возможности, — с колючей улыбкой парировала она. — Да, команда разобрана, и кубок — важнейшая игра, но Березин сделал не меньше, чем другие, чтобы мы вышли в финал, поэтому его нельзя упрекнуть в безучастности. Профессор не в лучшем состоянии, это верно, именно поэтому лучше поехать мне. Насчет руководства — Кротов очень обижен на Березина. Не так — недоволен, ведь калькуляторы не обижаются. Поэтому возьму отпуск без содержания и все равно поеду.

А вот насчет моего непрофессионализма ты точно подметил, с таким мне сталкиваться не приходилось, но сделаю все, что в моих силах.

Пока Маша говорила, Костя мрачнел, он опустил голову так, что его глаза не были видны, но зато явственно проступали складки на лбу, затемненные россыпью волос.

Он проговорил спокойно и совсем тихо:

– Хорошо, скажу иначе: он мне не нравится как человек. Я, когда собирал информацию по твоей просьбе, много всякого начитался про него...

– В смысле?

– О его отношениях с девушками.

– Я же с ним не в свадебное путешествие собираюсь!
— воскликнула Маша.

– У него очень много... поклонниц.

– Я знаю, и что?

– Я переживаю, что он... ты... вы... — Косте явно не удалось подобрать нужные слова.

– Что мы будем вместе?

– Да.

– Это ерунда! Если бы он мне понравился, это произошло бы давно, но ничего подобного!

– Так ты настаиваешь на своем?

– Да.

– Тогда у меня остался один аргумент.

– Какой?

– Я тебя люблю.

На этих словах он поднял глаза на Машу, в них было столько нежности, света, тепла, что девушка не нашлась, что ответить. Костя это расценил как неразделенность чувств. Он усмехнулся, от чего на щеках проступили ямочки, поднялся, подошел к окну, повернувшись к Маше спиной.

– Тебе нечего сказать. Я понимаю. Ты должна еще кое-что знать. Меня отправляют на адвокатскую практику за границу на год. Ответ нужно дать в ближайшее время.

– На целый год? Так долго?

– Да.

– Но адвокатская практика... Ты говорил, что тебе интереснее работа с законами, документами, что ты не любишь выступать перед публикой и это тебе совсем неинтересно...

– И это правда. Но надо что-то делать. Ты здесь, я там... Это тяжело. Если бы я хотя бы знал, что ты тоже меня лю-

бишь... А так, может, даже к лучшему, что я уеду.

– Ты же говорил, что любовь — это доверие к человеку, почему у тебя не получается доверять мне?

– Я пойду.

Пока Костя проходил мимо нее, надевая на ходу куртку, у Маши внутри все сжалось. Ей вспомнился день, когда они говорили у фонтана в прошлом году. Тогда ей показалось, что если он уйдет, то с ним может случиться что-то плохое. Сейчас это чувство повторилось и стало еще острее. Возникло ощущение, что если он сейчас уйдет, то больше уже не вернется. Не будет ни понимающих рук, ни любимых ямочек, ни нежных объятий, ни крепкой опоры, ни ее любимого розового неба в кофейного цвета глазах...

Рука Кости уже коснулась ручки двери, когда Маша сказала:

– Не уходи, пожалуйста!

Костя остановился, но не обернулся.

– Зачем?

– Ты мне нужен. Это кажется, что я сильная. Но мне страшно. Страшно за Березина, за себя, за тебя, за нас... Я не говорила тебе «люблю», но ты должен знать: я еще никому этих слов не говорила. У тебя все еще есть шанс стать первым. Только не уходи!

Было уже очень поздно. Девушка постелила Косте на диване Поли. Они лежали в тишине, погруженные в свои мыс-

ли.

Маша кляла последними словами Димку, из-за которого теперь никому не могла сказать «люблю», вспоминала Березина, как он любит футбол, с которым, вполне вероятно, ему придется завязать. Вспомнила профессора, который увидел в ней что-то, даже ей самой неизвестное. Когда-то ей до него было как до Луны, а теперь они все больше приближались друг к другу, начали по-настоящему понимать. И это все, когда работать вместе осталось так мало... Как и с Костей. Почему дорогие люди все время уходят?!

Слезы выступили на ее глазах. Маша знала, что завтра она будет энергична, решительна, точнее, уже сегодня. Но пока... пока подушка мокнет под соленым дождем.

Костя тоже не спал. Он думал о том, что Маша — самый дорогой для него человек на свете, но она, по сути, так же далека от него, как и в тот день, когда он ее впервые увидел. Костя услышал скрывааемые всхлипывания. Он медленно встал. Прилег на диван Маши, бережно укрыл ее, стал гладить волосы.

– Знаешь, когда я тебя полюбил?

– Нет, — еле слышно прошептала девушка.

– Как только увидел. Ты была такая живая, такая настоящая... В нашем доме, тогда походившем больше на коммунальную квартиру, где каждый живет отдельно, только не в разных комнатах, а в разных обидях. Ты же заставила улыбнуться отца, приободриться мать. Из-за твоей затеи

со спортивной школой отец поверил в меня и впервые стал разговаривать на равных... Ты помнишь, что пожелала мне при первой встрече?

– Найти себя?

– Именно. Правда же, странное пожелание? Это не здоровье, не деньги, не семейное счастье.

– Если найдешь себя, то все остальное придет.

– Это теперь, получше узнав тебя, я понимаю, а тогда мне это заявление показалось дикостью. Ты помогла мне найти себя, выбраться... Я тебе не стал рассказывать, но было всякое. Были плохие компании, сомнительные поступки. А ты поверила в меня. Причем, без убеждений, доказательств, без каких-либо усилий с моей стороны. И все стало налаживаться. Ты благодарила меня, и я чувствовал себя сильнее... Я к тому, что ты можешь помочь Березину, я несправедливо обидел тебя, когда сказал, что ты не способна на это. Но мне все равно очень не хочется, чтобы ты к нему ехала...

Всхлипывания затихли.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что всегда рядом.

– Отдохни, у тебя завтра трудный день.

Утром Маша рассказала профессору все, что ей было известно по делу Березина. Ее интересовало профессиональное мнение психолога: может ли Маша оказать помощь фут-

болисту? Или тут нужно что-то специфическое? И вообще, как тут можно помочь?

— Конечно, вероятность помочь есть всегда. А вы — психолог, у вас она выше. Процентом пятьдесят. Все зависит от времени, которое у вас будет, и когда начать оказывать помощь — чем раньше, тем лучше, иначе потом придется учить его заново ходить. Хорошо, что травма психологической природы, хотя, что тут может быть хорошего?!

Мария, знаете, что самое могущественное на свете? Время. Это самая ценная валюта, самый строгий судья, самый высококлассный доктор, самый могущественный воин. Берегите время.

Но я отвлекся. Чем ему можно помочь? Помощь в таких случаях одна, как и причина. Обычно детерминанта — потеря надежды. Дайте ему надежду. У человека всегда должна быть вера в будущее счастье.

Но чтобы помочь Березину, его сначала надо было найти. Никто из ближайшего окружения не знал, куда он делся. Девушка решила взять отпуск и поехать самой по местам, где теоретически он может быть. Ей пришлось идти к президенту клуба.

Тот сказал, что время для отпуска она выбрала весьма неудачное, и запретил ей ехать. Потом посмотрел на нее пронизывающим насквозь взглядом и добавил: особенно к Березину. Но, когда Маша собралась уходить, он вернул ее и сделал предложение:

– Я отпущу вас, сообщу, где он, заплачу в три раза больше вашей обычной зарплаты при условии, что через неделю Березин встанет на ноги, а в будущем подпишет с нами контракт. А иначе — вы будете уволены. Или же вы забываете про историю с Березиным и благополучно работаете дальше. Ответ жду завтра утром.

Маша вернулась в кабинет в смятении. Профессор сразу подметил ее состояние и подробно расспросил девушку. Он сделал вывод:

– Вы знаете, я всегда за эксперимент, за попытку, за пробу. Жизнь вообще чередой экспериментов. Но сам предпочитаю быть по ту сторону клетки, а не выполнять роль подопытного кролика. Тут же явно чувствуется, что управляет переменными Кротов. Его тоже можно понять — он в клубе несколько лет, команда играет стабильно хорошо (во всяком случае, до последних событий), но титулов нет, а с него требуют. И кресло в самое ближайшее время может зашататься и под ним. А в клубе много проблем, одна из самых крупных — Березин, от него можно ожидать чего угодно.

Я не в праве вам советовать, однако пусть Березин и не образец добропорядочности, но все же человек и заслуживает помощи, в этом конкретном случае — вашей. Я не могу ему помочь по обстоятельствам, вам отчасти известным.

Маша слушала профессора и думала над тем, в какой ситуации она оказалась, выражаясь в футбольных терминах — в «коробочке» между чувством долга и благоразумием.

– Николай Степанович, помните, вы рассказывали про истину номер два? Может, это мой случай, и я не туда иду? Что-то все у меня получается через пень колоду...

– Мария, есть еще одна истина: если ты ищешь, ищешь свою дорогу, петляешь, сворачиваешь, кружишь, а в итоге оказываешься на одном и том же пути, остановись: может быть, это и есть та дорога, которую так долго искал?

– Хорошая истина, только она противоречит предыдущей, — заметила Маша.

– Не противоречит, а дополняет. И вообще, искусство состоит в том, чтобы понять, где и на какой истине следует остановиться выбор. Даже истина относительна...

В обед после тренировки на занятие пришел Егор. Маша, подписавшая бумагу о неразглашении, не могла посвятить голкипера в детали состояния Березина, да и не хотела. Но капитан команды имел право знать новости. Вместо привычного сидения за столом, девушка указала Егору на диван (дело было в архивной), а сама села рядом.

– К сожалению, наши занятия, скорее всего, придется прервать...

– С тобой что-то случилось? — встревожился Беговой.

– Не со мной, с Березиным. Его травма очень серьезна, состояние ухудшилось, в том числе и психологическое.

– Я понял.

Маша ждал вопросов, уточнений, запретов, чего угодно, но не такого слепого согласия.

– Ты не боишься?

– За кого? — ответил вопросом на вопрос Егор.

– За меня, например. Говорят, у Березина отбоя нет от девушек. Вдруг я поддамся его обаянию? — лукаво намекнула девушка.

– А кто поедет к Березину — психолог или девушка?

– Психолог, конечно.

– Тогда не боюсь, — рассмеялся Егор.

– А когда-то боялся... Помнишь, что ты сказал мне, когда мы только познакомились?

– Конечно, помню. Но тогда я тебя еще не знал. А почему ты спрашиваешь, тебе страшно ехать?

– Нет, мне не страшно, Костя против...

– А-а-а, — только и смог выдать Егор.

– Есть еще кое-что, о чем не могу рассказать, это условия от Кротова, он не отпускает просто так...

– Ты сомневаешься?

Маша кивнула.

– Видимо, Димка попал в беду... Решать тебе, но, зная тебя, скажу одно: ты не простишь себе, если не поедешь. Тебе же надо догнать и все равно помочь! — сострил Егор, за что получил кулаком в плечо.

– Спасибо! — чуть слышно прошептала Маша.

– За что? — удивился Егор.

– За честность, за прямоту, за поддержку...

– Пожалуйста, не отключай телефон, буду держать тебя

в курсе новостей клуба. И еще... — парень внезапно замолчал.

— Да?

— Нет, ничего важного... Так что мне делать, если ты вдруг уедешь?

Егор так и не рассказал, что подал на развод.

В, казалось бы, самый неподходящий момент ей позволил Димка. Ее Димка, точнее, тот Димка, который ее так и не стал. Маша тайно мечтала поговорить с ним, расставить все точки над «и», снять оковы со своего сердца, чтобы запустить туда какого-нибудь хорошего человека. Но, кажется, шифр с кодом был знаком только Керимову. Несмотря на все вышесказанное, его звонок оказался сродни грому среди ясного неба.

Димка был проездом в ее городе и хотел увидеться. Маша не рискнула спросить, зачем это ему нужно. Иногда это излишне.

Они условились встретиться в небольшом ресторанчике. Девушка немного припоздала, поэтому, зайдя в зал, она обнаружила в углу столик со склонившимся над меню человеком. Отчего-то сердце по привычке забилось быстрее, дыхание участилось, а пальцы чуть заметно задрожали.

Она улыбнулась, поздоровалась, села. Последовали обычные реплики про дорогу, здоровье родных, успехи знакомых.

Димка спросил, как дела в клубе, на что Маша уклончиво ответила, что могли быть и лучше. В разговоре выясни-

лось, что Керимов начал курить, что очень удивило Машу. Она запомнила Димку активным, жизнелюбивым, ведущим здоровый образ жизни, уверенным в себе. Девушка смотрела на своего давнего знакомого и почему-то не узнавала его.

Оба чувствовали стеснение и неловкость от того, что приходится говорить совсем не о том, о чем хочется.

Девушка комкала салфетку, пока не принесли кофе. На улице начался дождь, крупные капли врезались в асфальт и растекались с брызгами по нему, пешеходы ускорили свой шаг, прячась под зонтики или пакеты, одна молодая парочка, наоборот, будто бы норовила переманить на себя все больше капель. Парень и девушка, наигравшись, наконец, заскочили под скат крыши кафе, где сидела Маша, остановившись в нескольких шагах от нее, отделенные стеклом.

– Все так же, два кусочка сахара? — спросил Димка.

– Угу, — кивнула девушка. — А ты все также без сахара, или и тут что-то изменилось? — в обычной полушутливой манере отозвалась Маша.

Димка отвел свои глаза, которые когда-то казались его спутнице удивительно живыми, умными, особенными.

– Что значит «и тут»? Я так сильно изменился?

– Мы все меняемся, это нормально.

– А если честно?

– Да, мне кажется, сильно. Хотя, возможно, я тебя себе придумала.

– Это как?

– Видела, что хотела видеть, — девушка нахмурилась, задумавшись. — Нет, неправда, ты был другим. Или тебя сегодняшнего я знаю слишком мало.

Возникла пауза. Димка будто бы пытался что-то вспомнить, что-то, глубоко скрытое в нем и почти отжившее.

– Мне тебя не хватало. Даже не верится, что прошло столько лет... — сказал он в итоге.

– Мне тебя тоже не хватало, особенно первое время. Я даже разговаривала с тобой, точнее, с тобой в моей голове...

– Почему мы не могли остаться просто друзьями?

– И мне бы оставалась роль быть пятном на твоём счастье? Нет уж, спасибо!

– Тогда что это было между нами?

– Не знаю, между нами или только с моей стороны. Может быть, наваждение, ошибочно поставленная цель, благодарность... или любовь. Если это была любовь, то мимо нас прошло прекрасное чувство. Но ты, наверно, даже не заметил...

– Не буду скрывать, мне было приятно, что ты рядом, поддерживала, понимала. Но, да, я заметил слишком поздно.

– Когда?

– Когда встретил тебя у лестницы в день перед гонкой. Но догадывался и раньше.

– Да, тогда скрывать у меня получилось не очень, — согласилась, не удержавшись от улыбки, Маша.

– А каким я казался тебе тогда?

– Ты был для меня почти идеален, не считая, конечно, твоей влюбленности в Веронику, но даже эту верность я тоже не могла поставить тебе в вину, скорее рассматривала как достоинство. Ты был умен, решителен, благороден, честен, оптимистичен, добр... Или перечислить все достоинства?

– Был... Непривычно слышать о себе в прошедшем времени. А какой я, по-твоему, теперь?

– Не знаю, я тебя теперь совсем не знаю, — спокойно, размеренно отвечала Маша, а, между тем, ложка в чашке Димки подрагивала. — Расколдуй меня!

– В смысле?

– Я после тебя не к кому не могу привязаться, будто не пускает что-то...

– А как же этот, вратарь? А нападающий? А фанат, с которым в обнимку на всех газетах?

– Ладно, могу привязаться, но не полностью, не так, как к тебе!

– Неужели я настолько тебе нравился, что ты, такая привлекательная, живая, глубокая, до сих пор помнишь обо мне?

– Да, нравился — не то слово, я жила ради того, чтобы увидеть тебя, стать тебе интересной, помочь, если будет нужна помощь!

– Но я всего этого не знал! Ты казалась всегда такой самостоятельной, уверенной, независимой.

– А что бы это изменило? Ты любил Веронику, это чита-

лось в твоём взгляде, улыбке, как обращаешься к ней... И наверняка до сих пор любишь. А кто для тебя была я? Человек, с которым интересно, напоминание о проявленной храбрости, почитатель таланта под боком...

– Это не так! Мне тоже было тяжело. Особенно после...

– После чего? Договаривай.

– После поцелуя. Я думал, дай попробую, как это, пойму, что не для меня и успокоюсь. Но все еще больше усложнилось.

– Понравилось целоваться с чужими девушками? — ключе улыбнулась Маша.

Димка посмотрел на девушку, что-то в его взгляде промелькнула до боли знакомое.

– А ведь я тебя искал, телефон был выключен, дома твоя мама сказала, что ты болеешь. А потом Вероника настояла, что ей нужно отдохнуть, поправить здоровье. Мы уехали, но отдых у нас не получился, во всяком случае, у меня. Ты не выходила из головы. Я приехал к тебе, твоя мама сказала, что ты уезжаешь, видел тебя на перроне, немного бледную, но все такую же....

– Я тебя не видела...

– Я не подходил, посмотрел издали, решил, что все к лучшему. Хочу, чтоб ты тоже меня поняла. Мои родители много ездили, отец рано умер в автокатастрофе, мать вышла замуж. Я, чтоб не мешать им, подрабатывал с детства и жил у бабушки.

– Я не знала всего этого!

– И ты не знала, что Вероника училась со мной в параллельном классе, была самой яркой девчонкой, в нее были поголовно влюблены все пацаны.

– И ты в том числе? — не удержалась от дружеской подколки Маша.

– И я тоже. Но она долго меня не замечала. Мы только начали встречаться, как ее родители, люди богатые и влиятельные, отправили Веронику учиться за границу. Она была для меня сродни наваждению, сродни мечте...

– Как и ты для меня, — заметила девушка.

– Может, это твое счастье, что для тебя мечта так и осталась мечтой. Ты избежала разочарования. Так вот, внезапно она вернулась, сначала она не хотела отвечать на звонки, а потом мы пару раз были в общей компании, ты, наверно, помнишь, и она как-то резко потеплела... Ты не представляешь, какое это для меня было счастье: я ничего вокруг себя не замечал, летал, как на крыльях... Это потом я понял, что если бы не ты, возможно, я так и остался бы для нее новым старым знакомым. Но благодаря тебе, она увидела во мне что-то такое, чего не замечала раньше.

– Так это ты мне обязан своим счастьем?!

Маша усмехнулась: было, от чего. Оказывается, это она сама разрушила свою мечту только тем, что хотела превратить ее в реальность.

– Я скучал даже по этим подколкам... Ты же особенно

не восхищалась мной в глаза, только со слов других я узнавал, какого высокого ты обо мне мнения. А то все больше шпильки.

– Мы, девушки, мастера в этой области. Скажи...

– Да?

– Сейчас... Просто меня мучил один вопрос...

– Говори же!

– Почему ты проиграл? Ты же прекрасный гонщик...

– Это в твоих глазах я всегда таким был. Я был хорошим гонщиком, но не лучшим. Моя... плохая форма сыграла свою роль, но не факт, что даже в самом идеальном случае я бы выиграл. Вот Женька — да, он безбашенный, а у меня голова всегда тормозила... Что ты так смотришь? Что с тобой? — Димка заметил, что глаза Маши загорелись, она в нетерпении застучала пальцами по краю стола, словно готова подняться и бежать.

– Спасибо!!!

– За что???

– Благодаря тебе, я приняла решение, о котором, возможно, буду жалеть!

– Опять смеешься? Какое еще решение???

– Я подумала, что если о тебе многого не знала, не понимала или понимала неправильно, то такие ошибки возможны и в отношении других людей!

– Ты говоришь загадками, какие еще люди?

– Это неважно, мне нужно бежать! — Маша схватила сум-

ку и помчалась к выходу. Потом, будто опомнившись, она вернулась к столу и присела на край стула напротив опешившего от неожиданности Димки.

– Я говорила «был» — это неправильно, ты такой же, и жаль, что не говорила тебе раньше: ты сильный, умный, отзывчивый, смелый! Ты сейчас такой. Я не знаю, что там у вас с Вероникой, но не теряй себя, не надо! Если у нее есть хоть капелька разума, то она должна очень дорожить тобой!

Девушка пристально посмотрела на Керимова, ободряюще улыбнулась и хотела уйти, но Димка окликнул ее:

– Маша! Если когда-нибудь будут нужна помощь, я...

– Я знаю, — кивнула девушка.

Она помчалась в метро, если бы мысли могли ускорить транспорт, но вагон мчался бы со скоростью света. Девушка буквально ворвалась на базу, которая уже почти пустовала, она еще никогда так быстро не вторгалась в психологический кабинет, тут же бросила сумку на диван, кинулась к своему рабочему столу, достала оттуда ключ и сделала то, о чем давно мечтала: открыла ящик с журналом профессора.

К ее удивлению, ящик оказался глубже, чем она думала, там было несколько журналов, внешне очень похожих, они были расположены по датам, последний журнал был только на половину заполнен. В каждом из них хранились мини-досье на всех футболистов, которые играли на памяти Николая Степановича, а также ряда работников клуба. Первые записи делались при первичном знакомстве с новым игроком, потом

наблюдения записывались, если было что-то интересное — пристрастия, события (хорошие и плохие), памятные даты, просто замечания по тому, как человек изменяется. Очень полезные.

Но Маша понимала: психолог не хочет, чтобы у его подопечной возникали установки, он требовал от нее всегда собственного взгляда. Только теперь Маша поняла почему: если смотрит один человек, он субъективен, если два — вероятность ошибки значительно меньше. Все последние месяцы Маша выполняла для психолога роль контрольной группы, которая также реагирует на события, но независимо от действий экспериментатора.

Это девушка определила по ремаркам: М. согласна, М. не знает об этом, М. думает иначе. Большая честь, показатель уважения.

Наконец, она нашла досье по Березину. Там была прикреплена его детская фотография, мальчуган с озорными голубыми глазами, крепко обнимающий футбольный мяч. Девушку удивило, что первые записи сделаны задолго до того, так Дмитрий стал играть за основной состав. Маша прочитала заметки, и она стала догадываться, почему этот талантливый парень так влюбился в футбол, почему он сломался, почему не смог выиграть пари, почему так относится к жизни...

Ассистентка психолога, прижала журнал профессора к себе, как родной. Только теперь она заметила на столе папку,

оставленную Николаем Степановичем. Он обещал записать для нее ход работы с дочкой тренера. Девушка расположилась поудобней на диване, и тут из папки выпала записка: там мелким и непривычно неуверенным почерком были выведены данные его семьи. Маша давно собиралась отправить их Косте, чтобы его отец пробил их по своим каналам, но все забывала. Теперь она не была уверена, что Костя в принципе будет ей помогать, но описала ситуацию и отослала сообщение.

А потом прочитала название, размеренно выведенное по середине листа: «Чудовища».

«Чудовища»

Мария, я записал все, увиденное мной, специально для Вас. в жизни Вам придется столкнуться и с более невероятными случаями, так что будьте готовы. Надеюсь, мой опыт будет для Вас полезен.

Как Вам известно, я отправился к Валерию Михайловичу во время совещания, чтобы его точно не было дома. Адрес его был мной подсмотрен в личном деле. Сказать честно, я не знал, кто мне откроет. Желю его я ни разу не видел, хотя о ней часто ходили слухи (в принципе, эта информация особой психологической нагрузки не несет, так что, я ее опузу).

Однако, даже ознакомленный со слухами, я был очень удивлен, что супруга нашего глубокоуважаемого тренера так молода. В их загородном доме (куда я долго и хлопотно добирался, что тоже не имеет никакого отношения к нашей истории) мне открыла дверь помощница по хозяйству (слово «служанка» мне не нравится, унижительно звучит). Она же пригласила меня в дом и позвала Елену Петровну Дубинину.

Пару слов об этой молодой женщине (ей всего 35). У нее соломенные волосы, светлые глаза, высокий рост. Начитанная, с хорошими манерами, в просторном домашнем платье. Мой жизненный опыт и наблюдательность позволили

мне составить ее историю, даже не прибегая к расспросам. Но она, предвосхищая события, сразу же рассказала кратко о себе, чтобы у нас не было недомолвок.

Все это она, конечно, предприняла после того, как я объявил ей, что я психолог, работаю с ее мужем и могу им помочь. Сначала она посмотрела на меня с недоверием, но по ее подпухшим глазам я понял: долго сопротивляться она не сможет. Как Вы понимаете, я держался уверенно, говорил вкрадчиво, одним словом, блефовал: я не имел представления, какая беда пришла в дом моего старинного товарища.

Так вот, Елена состояла при пресс-центре одного спортивного общества не в нашем городе, так получилось, что Валерий Михайлович приезжал туда на какое-то спортивное событие, она организовывала его пребывание, показывала город, сопровождала во время поездки. На тот момент ей было 27, а ему — 54. Что она нашла в этом человеке — ответственность, внимательность, порядочность, галантность — все то, чего не хватает современным молодым людям. Потом Елена переехала к Дубинину, они поженились. У Валерия Михайловича была жена, с которой он спешно развелся и дети, не принявшие его новую супругу. Поэтому Елена оказалась «вне закона» в каком-то смысле. Она стала заниматься домом, вскоре у них родилась дочь. Сейчас Елена работает в пресс-службе одного известного клуба.

После того, как все формальности были соблюдены, и Елена Петровна поняла, что я не собираюсь ее судить, молодая женщина заинтересовалась, знаю ли я суть проблемы. Я честно признался, что не знаю подробностей. Тогда Елена Петровна повела меня наверх по лестнице, затем по коридору и открыла дверь, пропуская меня вперед.

В комнате, которой по убранству позавидовала самая привередливая и капризная принцесса, на огромной кровати, в море подушек лежала девочка лет шести-семи. В глаза бросался неестественный румянец спящей, волосы ее были разметаны по подушке, на лбу выступила испарина, если прислушаться, можно было услышать, как бьется ее сердечко и как воздух постепенно наполняет ее легкие.

Я отвел взгляд от девочки и оглядел комнату: она была увешена рисунками малышки, ее фотографиями, множество игрушек нашло свое пристанище в этих детских «хоромах»: от малюсеньких бусинок, разбросанных по столу, до громадных кукол, превышающих рост их хозяйки. Да, если бы меня спросили, хотел бы я быть ребенком, я бы согласился только на роль позднего ребенка. Больно уж их любят.

Я кивком головы указал на дверь, и мы вышли.

— Что с девочкой? — заинтересовался я, когда мы спустились в гостиную.

— Все-таки странно, что Валерий Михайлович вам ничего не сказал, — насторожилась она, но все-таки продолжила, — дело в чудовищах.

— Чудовищах? — переспросил я.

— Да, нашей девочке видятся чудовища, из-за них она не может спать ночами, из-за страха у нее повышается температура, периодами она даже бредит, все время говорит про каких-то чудовищ...

— Что говорят доктора?

— Они настаивают, что исходных проблем со здоровьем у нее нет: ни воспалительных процессов, ни инфекций, ни хронических заболеваний.

— Психосоматика?

— Да.

— Давно это у нее началось?

— Уже два месяца. Сначала только иногда ей снились кошмары. Теперь почти каждый день и каждая ночь для нас — настоящее испытание! — плечи этой молодой женщины, явно сильной, невольно подрагивали, но она не плакала и старалась казаться спокойной.

— К психологу вы уже обращались?

— Нет, — отвела глаза мать больной девочки. — Валера не хотел, чтобы все знали о недуге... Я ему говорила, что так нельзя, но все это бесполезно! — пальцы Елены постоянно теревили друг друга, ручку, салфетку, выдавая напряжение их обладательницы.

Дальше я задавал банальные коронные вопросы, без которых в нашем деле никуда.

— Были ли у девочки в последнее время травмирующие

события? Может быть, ее кто-то испугал или обидел?

— Вроде нет, — отозвалась ее мама.

— Были ли у девочки тяжелые заболевания в перинатальный период? Были ли родовые травмы? Может, серьезные болезни или осложнения в возрасте до 3 лет? Хронические заболевания? Травмы?

Елена только пожимала плечами и обреченно закрывала глаза руками, думая, что я не замечу блестящих капелек, стремящихся превратиться в полноводный ручей.

Я попросил на всякий случай, чтобы она принесла мне медицинскую карточку девочки. Мария, помните, тело и психика связаны значительно сильнее, чем все мы привыкли думать! Первое, что нужно определить, какой природы первичный дефект — психологической или соматической.

Внимательно перелистал карту, не нашел ничего из ряда вон выходящего, родовых травм не было, несколько раз болела ОРВИ, были проблемы с желудком (редкий ребенок обходится без этого), особо проследил, какие результаты наблюдения у невролога. Прочитанное навело меня на мысль, что девочка весьма впечатлительна, эмоциональна.

Как бы там ни было, видимых причин ее нездоровья мне обнаружить не удалось. Не то, чтобы я очень надеялся (уверен, не одно светило врачебной науки уже пыталось углядеть эту причину по просьбе заботливого отца), но всегда есть 2—3% возможности увидеть в обыденном то, что другие разглядеть не могут. Об этом тоже помните.

Еще я узнал, как пытались лечить девочку, что применяли разные препараты, но от них она стала еще более вялая, слабая и раздражительная. Проведя всю эту подготовительную работу, я настоял на том, чтобы еще раз побыть с девочкой, но теперь обязательно поговорить с ней.

Катюша лежала, как и прежде, в море подушек, крохотная, болезненная, измученная. Ее и без того большие глаза казались вообще огромными. Под глазами синяки. Голова отведена в сторону, руки безвольно лежат на перламутрово-розовом одеяле. При виде меня она немного оживилась, во всяком случае, повернула голову. Елена представила меня как хорошего друга ее папы, сказала еще несколько слов, после чего по моей просьбе сделала вид, что ей срочно нужно поменять воду в вазе с цветами.

— Ну, как ты себя чувствуешь?

Девочка страдальчески посмотрела на меня, поджала губы и сердито рыкнула:

— Никак. Все другие дети играют, а я тут лежу! — и разразилась слезами.

Я повернулся к Елене, та уже спешила утешать дочурку, но я показал ей кивком на дверь и сделал такой вид (Вам, Мария, он наверняка знаком), что перечить мне она не решилась.

Девочка пришла в себя быстрее, чем можно было ожидать, когда поняла, что на нее не обрушатся потоки утешений. «Уж не пустые ли это капризы?» — подумал я

невольню.

Вдруг Катюша прижала руку к груди и, глядя на меня красными, опухшими от слез глазами, пролепетала: «Как горит!!!»

И правда, девочка покраснела, на лбу выступила испарина, глаза закатились. Я должен бы закричать и позвать на помощь, но не мог: резкий шум мог еще больше испугать ребенка, а ей и без того было больно и страшно. Поэтому я собрал всю свою волю в кулак (Вы понимаете, я не детский психолог, в большей степени работал со взрослыми, да и отцовский опыт мой весьма ограничен), взял девочку за руку и как можно более спокойно произнес:

— Где горит?

— Тут, — сквозь всхлипы указала малышка в район сердца.

— Ну и хорошо, — что хорошего, спросите Вы? Ничего конечно, но главное здесь успокоить ребенка, — сейчас я положу сюда свою руку, и гореть перестанет.

Катюша утихла на миг, зажмурила глаза.

— Все равно горит! — уже спокойнее, но все еще сквозь слезы пролепетала она.

— Давай поиграем, — начал я. — Я знаю много интересных игр. Одна из них «Вообразалочка». Поиграем?

— ...Да, — еле слышно пробормотала она, продолжая щуриться, словно ей невозможно больно.

— Закрывай глаза и делай все, что я тебе скажу. Хоро-

шо?

Она едва заметно кивнула.

— Представь, что жила-была одна девочка, у которой огонь поселился в груди и хотел ее дотла сжечь. Девочка побежала в лес, чтоб там от огня уберечься. Кругом деревья, травка, цветочки всякие! Ветерок дует свежий-свежий! Он видит, что у девочки огонек в груди сверкает, и как начнет дуть на него! Вот так... — показываю. — Дует, дует, приговаривая: «Я тебя потушу, оставь Катюшу в покое!» Огонь сопротивляется, конечно, но все притухает, притухает... А девочка идет вперед и видит перед собой речушку. А в ней вода прохладная! Девочка набирает воду в ладошки, выплескивает ее себе на грудь, а капли стекают и приговаривают: «Огонь, огонь! Оставь Катюшу в покое! Мы тебя потушим, так и знай!» Огонь возмутился, но ничего поделать не мог: он все слабее горел и уже не вызывал боли». Девочка идет дальше. Перед ней березки все в зеленых листочках! Они как ее увидели, так обрадовались! Закричали: «Катюша, вот ты где, как мы тебя ждем! Ой, что это у тебя, искорки какие? Давай мы их потушим, прогоним этот огонь!» Катюша кивнула, листочки обняли ее, своим объятием совсем потушили огонь, а девочка облегченно вздохнула и стала дышать так... — снова показал.

Я намеренно говорил в ритме сказки: мерно, протяжно, спокойно, чтобы отвлечь ее. У меня получилось: девочка стала дышать ровно, лобик ее разгладился, кулаки разжас-

лись, и вскоре она уснула. Вы не поверите, но я чуть жизни не лишился от страха за эту малютку. Ничего подобного мне не приходилось видеть ранее. Но, повторяюсь, все-таки я не детский психолог. Только переведя дух, я заметил, что в комнате не один: в проеме двери стояли Дубинин с Еленой. Жена прижалась к груди мужа и беззвучно рыдала, Валера выглядел сурово и растерянно одновременно.

Потом меня ждал серьезный разговор с хозяином дома. Но прошел он лучше, чем я ожидал. Видимо, наш замечательный тренер совсем отчаялся. Валерий рассказал мне, что около двух месяцев назад девочке начали сниться кошмары. На это не обратили внимания. Но кошмары стали учащаться, девочка перестала ночью спать. Ничего не помогало: ее переносили в другую комнату, не выключали свет, спали с ней — только она смыкала глаза, как очередные чудовища обрушивались на ее детскую головку.

А потом еще добавились и дневные приступы: ей казалось, что огонь изнутри пожирает ее. Приступы повторялись все чаще и становились все сильнее. Никакое медикаментозное вмешательство не приносило ощутимого результата. Валерий Михайлович совсем извелся в переживаниях за свою дочурку:

— Я ее больше жизни люблю! Я не смогу жить, если ее не станет! Сделай что-нибудь, пожалуйста! — взмолился он.

Мне не стоило об этом рассказывать, но Вам можно до-

вериться: я впервые жизни видел, чтобы мужчина так плакал. Взрослый, опытный, самодостаточный. Он рыдал как ребенок. Благо, что мы были в его кабинете в другой части дома, а то и без этого горя в семье хватает.

Теперь я понял, почему он дисциплину отпустил и не боролся за Березина так, как сделал бы это в любой другой момент. Ему было за кого бороться.

Что я мог сделать? Знал ли я тогда, что смогу помочь? Нет, конечно (это тоже наш секрет), но нужно было обнадежить человека, чтобы он нашел в себе силы собраться.

Поэтому я в грубых выражениях сказал Валерию Михайловичу, чтобы он прекратил реветь, чтобы вспомнил, что он мужчина и несет ответственность за свою семью. Основательно поругал его, что не обратился ко мне пораньше (это была необязательная мера, но я не удержался). Высказал еще несколько замечаний и подвел итог тем, что постараюсь помочь и считаю, что случай не безнадежен. Видели бы Вы, как он оживился! Будто ему вернули крылья, с которыми он уже успел попрощаться! Как он стиснул мою руку и клялся, что мой вечный должник! Я сказал, что мне ничего не надо, только доступ к его дочери и доверие ко мне.

Я вернулся в комнату к Катюше, когда она только стала открывать глаза. Девчушка немного потянулась, хотела положить себе подушку, чтобы приподняться, но плохой сон, болезненность, лекарства так измотали ее, что даже эта простая операция оказалась ей не под силу. Девочка

уже хотела разразиться бурными рыданиями, чтобы разбудить сиделку, придремнувшую на диване неподалеку. Но ей сделал знак, чтобы она молчала. Прокрался к ней тихо, чтобы не разбудить бедную женщину, подправил подушку, а уже потом разбудил нянечку и сказал, что Кате надо покушать.

Девочка качала головой, говорила, что не хочет и не может есть, что она устала. Когда еду принесли, я поморщился: жидкий диетический супчик! Разве этим вернешь ребенка к жизни? Я настоятельно попросил принести что-нибудь съедобное. Принесли картофель с салатом и котлетой, фрукты, сладости, сок. От еды расходился такой восхитительный аромат, а я так давно не ел, что когда девочка наотрез отказалась кушать, я так смачно начал жевать, что губы девочки капризно поджались, и она с нескрываемой завистью стала поглядывать на меня.

А я не ограничился вторым и принялся за десерт. Не очень люблю конфеты, но ел со всем возможным для меня аппетитом. В конце концов, Катюша не выдержала, подозвала сиделку и сказала ей что-то на ушко. Вскоре та вернулась с подносом. Откровенно говоря, девочка съела очень мало, только попробовала все, но я и это посчитал за добрый знак. На прощание я наклонился к ней и сказал, что у нас с ней будет общий секрет. «Какой?» — спросила она. «Я верю, что ты видишь чудовищ!» — заговорщически прошептал я. «Завтра мы будем вместе с ними бороться!» — по-

обещал я. «Ты же хочешь победить чудовищ?» — поинтересовался я. Девочка кивнула. «Но ты должна есть, потому что иначе у тебя не будет сил! И меньше плакать! Когда ты плачешь, чудовища насмеются и считают, что они могут победить!»

Катюша обещала сделать все, что я скажу.

Извините, Мария, что я не мог быть с Вами и с командой ни в день конференции, ни в день игры, ни в следующую неделю: я дал слово Дубинину, что спасу его дочь. Тем более, мы делаем общее дело. Наверно, Вы заметили, какое доверие я Вам оказал, оставив на Вас клуб. Ну, вернемся к нашей истории, а то я снова отвлекся.

Следующим утром я отправился к Дубининым. Катюша выглядела лучше, чем прежде, но все равно ночью ее опять мучили кошмары, и она отказывалась засыпать, пока не увидит меня. Я заверил ее, что буду охранять ее сон, а потом мы приступим к борьбе с чудовищами.

Когда девочка немного поспала, я принялся исполнять обещанное. Вы скажете, что трудно бороться с тем, чего нет, с эдакими «ветряными мельницами»... Но не этим ли мы постоянно и занимаемся? Мы, психологи?

Не зная, чем можно поразить врага, я взял на вооружения разные средства.

С моей помощью (собственно, все делал я под чутким руководством девочки) мы сделали надпись «Чудовищам вход закрыт!» и прикрепили ее с двух сторон двери.

Потом уже Катюша сама, еще очень слабая, но все-таки настроенная на борьбу с чудовищами, нарисовала своих обидчиков, как их видит, а затем мы дружно порвали листок.

Вокруг кровати я нарисовал волшебный круг, куда, по моим словам, не может пробраться нечисть.

На следующий день я принес ей волшебный фонарик, которого чудовища боятся как огня. Рядом с кроватью на тумбочке мы разместили противопожарную охрану: блюдо с водой и полотенцем, чтобы тушить пожар, покрывальце, чтобы сбивать пламя и даже игрушечный пистолетик. Я настоял, чтобы в доступности у девочки была лампа, которую удобно включить в любой момент (для этого специально удлиннили провод и провели его над кроватью).

Постепенно, день за днем девочка стала крепнуть. Хотя кошмары и не прекращались, но уже не были такими пугающими для девочки, а дневные приступы стали все более редкими.

Меня беспокоило одно: неизвестна причина болезни, а это самое главное. Если не искоренить причину, болезнь сможет вернуться в любой момент и свести всю работу на нет, и даже сделать хуже.

Я практически жил все эти дни у Дубининых, для меня отвели комнату. Из-за постоянного недосыпа мне даже стало казаться, что нам пора уже меняться местами

с моей маленькой пациенткой. Елена посоветовала мне прилечь и отвела в комнату, находящуюся в удалении от детской.

Я даже не разобрался вначале, что это за комната, просто прилег, закрыл глаза и заснул... Мне так сладко спалось! Вы, Мария, как и большинство людей, не цените сон, а ведь это такое наслаждение!

Ладно, я опять отвлекся. Вернемся к нашим чудовищам. Когда я открыл глаза, то с удивлением заметил, что нахожусь еще в одной детской. Комната ремонтировалась: обои с веселым детским сюжетом, окна без штор, колыбелька, диван, на котором я лежу, столик для пеленания — точно, детская! Меня будто током ударило!

Я подскочил и чрезвычайно резко для моего возраста бросился в гостиную, оттуда снова наверх в спальню, разыскивая Елену. Мне сказали, что она в саду, я бросился туда. Весь запыхавшийся, я предстал перед этой молодой женщиной, будто загнанный конь, но стоило мне отдышаться, как я засыпал ее вопросами, теснившимися у меня в мозгу:

— Вы беременны? — женщина испуганно кивнула.

— Срок более двух месяцев? — снова кивок.

— Катюша знает?

— Я ей сказала еще до болезни, что у нее будет братик или сестричка, но потом она заболела, и я больше не поднимала эту тему...

— Понятно, все понятно! — воскликнул я и поспешил на-

верх, в комнату Катюши.

Девочка сидела на кровати и играла в куклы, волосы ее были заплетены в косички, осунувшееся лицо начинало розоветь, но щеки все еще были впалыми.

— Катя, — начал прямо с порога я. — Я могу разговаривать с тобой, как со взрослой?

Девочка кивнула и удивленно подняла на меня свои большие темные глаза.

— Вот мы с тобой боремся, боремся с чудовищами, а они все не уходят, как ты думаешь, почему?

— Я не знаю... — смутилась она.

— Мне кажется, все дело в том, что ты их подкармливаешь...

— Как это? — насторожилась девочка.

— Ты же любишь кушать? Вот и чудовища тоже питаются. Только им не подходит обычная еда. Они питаются за счет наших чувств: обиды, гнева, зависти, горя, злобы... Раз они не уходят, значит, у тебя есть эти чувства и ты подкармливаешь их!

Возможно, я переборщил с прямоотой. Но реакция девочки даже для меня, выдавшего вида, оказалась непредсказуемой. Она запустила куклу в угол комнаты, скомкала одеяло, заревела и закричала: «Уходи!» Потом у нее снова начался приступ, которого не было уже несколько дней. Все это навело меня на мысль, что я у цели.

Запомните, Мария. Чем ближе Вы к огню, тем жарче

пламя и большее искры. Чтобы выздороветь, нужно уметь пройти и через это.

Валерий Михайлович посмотрел на меня с укоризной, но кредит доверия был для меня таков, что ни одним словом он не позволил себе выказать недовольство в мой адрес.

Я не мог ответить на Ваши звонки, Мария. Вы видите, у меня было много дел. Это не моя прихоть или что-то еще. Просто иногда обстоятельства складываются таким образом, что приходится принимать решения на свой страх и риск. Что ж, может, это и к лучшему.

Вечером я пришел к девочке. Она показно отвернулась в другую сторону, будто меня и нет вовсе. А я рассказал ей одну сказку. Через три дня чудовища стали сниться Кате реже. А через некоторое время их и вовсе не стало.

Сказка о чудовищах

Жила-была на свете маленькая девочка Ксюша, у нее были большие красивые глаза, любимые папа и мама. Родители так сильно любили ее, что не отказывали ей ни в чем: любая ее прихоть, любое желание незамедлительно исполнялись. Все было только для нее одной.

Но однажды мама пришла к ней в комнату и сказала, что у Ксюши будет маленький братик или сестричка. Девочка сначала обрадовалась, но ее подружки посмеялись над ней и сказали, что мама и папа теперь не будут больше ее любить, а будут дарить все только маленькому. Ксюша очень расстроилась. Она стала злиться на родителей, на ма-

ленького, который хочет отобрать у нее любовь взрослых. А тут еще она заметила, что для малыша готовится собственная комнатка, почти такая же красивая, как ее собственная.

Ксюша очень разгневалась! Слезы душили ее. В эту ночь она плохо спала. А на следующую ночь к ней стали приходиться чудовища и пугать ее, да пугать так, что бедняжка не смогла больше спать, она стала плохо есть, перестала смеяться и болтать с подружками.

А потом чудовища не только стали приходиться к ней, но и начали кусаться. Они вызывали огонь в ее груди, девочке стало еще хуже, она угасала на глазах.

Но у Ксюши был ангел-хранитель. Он наблюдал за ней с высоты и, зная, какая она на самом деле хорошая, решил помочь ей. Ангел послал к ней своего вестника, который научил ее, как можно отпугнуть чудовищ. Чудовища перестали кусать девочку, они испугались магических средств. Но все равно они продолжали по ночам ее преследовать.

Тогда ангел не выдержал и однажды сам спустился к ней на землю. Он присел на краешек ее кровати и рассказал ей одну тайну: прогнать чудовищ подвластно только самой девочке. Никто, кроме нее, не справится с этой задачей.

Ангел сказал: «Раз чудовищ видишь только ты, то и победить сможешь их только ты». Ксюша очень хотела победить чудовищ, но не знала, как это лучше сделать. Поэтому она обратилась к ангелу за советом.

«Ты знаешь, чем питаются чудовища?» — спросил он.

«Да, — ответила девочка, — плохими мыслями». «Так и не давай им пищи!» — отозвался ангел.

Ксюша рассказала ему о своих опасениях, что родители перестанут ее любить, когда появится маленький. Ангел только покачал головой. Он сам очень ждал, что у него нет младшего братика или сестрички, с которыми можно играть, о ком можно заботиться, кого можно учить. Ангел был уверен, что родители будут еще больше любить девочку, когда увидят, как она рада маленькому, как помогает им.

Мальшика задумалась. Она тайком пробралась в комнату мальшиа и просидела там до полуночи, потом заснула: чудовища ее не беспокоили. На следующее утро она сама обратилась к маме, чтобы узнать, когда появится маленький. Она сказала, что поможет выбрать имя и всегда-всегда будет рядом со своим братиком или сестричкой. Мама крепко-крепко обняла девочку. Папа расцеловал ее. С тех пор в их семье были мир и покой. Все, о чем говорил ангел, сбылось: Ксюше стало значительно веселее жить, когда у нее появился братик. Он был такой забавный! С ним было так интересно играть! А еще он очень-очень сильно любил свою сестричку!

Вот так, Мария, и завершилась наша история с чудовищами. Конечно, у меня еще был серьезный разговор с роди-

телями (и не один) по типу психологического просвещения. Мы с ними выстроили линию поведения с Катюшей. Теперь все идет на лад.

Какой из этого всего Вы извлечете вывод, решать Вам. Но я бы посоветовал отметить следующее: начинайте с того, что пытайтесь посмотреть на мир глазами человека, изучайте его, постарайтесь понять! То, что для Вас мелочь, для него может быть смыслом жизни. И еще одно: со своими чудовищами лучше самого человека никто не справится...

Кактусы и бутерброд с колбасой

Мне непросто далось это решение: ввязнуть в паутину, придуманную Кротовым с целью извлечь как можно больше выгоды из болезни Березина. Но я не могла его оставить. К тому же, в журнале профессора была сделана пометка специально для меня, будто бы он узнал, что я обращаюсь к этому почти запретному источнику знаний. Запись звучала так: *«Правильный выбор»*.

Что ж, время покажет. Ведь время, как оказывается, всемогуще, а истины относительны.

Стою перед дверью его коттеджа, расположенного в удалении от города. Причем, удаленного настолько, что уже не чувствуется городской суеты и кажется, что можешь огрადить себя от всего мира. А с другой — не настолько далеко от цивилизации, чтобы неразумно лишать себя ее благ. Продуманно.

Коттедж оказался добротным, новехоньким, современным. Стараюсь не думать, зачем он был нужен Березину. Широкие окна, угловатые черты натуральной древесины (мы живем в такое время, что приставка «натуральный» становится едва ли не главным комплиментом), приятные глазу неброские матовые цвета. От ворот к дому ведет лужайка, по бокам ее заботливо высаженные цветы, некоторые из них

уже распустились, разливая вокруг нежный аромат: тюльпаны, гиацинты, нарциссы. Как я пробралась к дому и прошла через ворота? Очень просто. Они были открыты. Да, это смущало меня: могло случиться всякое.

Я сначала боязливо коснулась железной двери прочного высокого забора, скрывающего жизнь обитателей дома от посторонних глаз. Но, как я уже сказала, при легком нажатии дверь поддалась и открылась.

Сейчас сумерки. Наверно, мое любимое время суток. Тепло и свежо одновременно. Щебечут птицы, где-то в низкой траве уже всюю кто-то стрекочет...

Окна горят лишь на первом этаже. Это и понятно, если только в доме нет лифта.

Решаю постучать. Никто не отвечает. Тогда набираюсь смелости и толкаю дверь вперед.

Передо мной ужасающая картина: в когда-то со вкусом обставленной гостиной прошло цунами. Центральный журнальный столик из стекла разбит, по полу разбросаны груды дисков (видимо, раньше они располагались на полке, которая теперь валялась среди осколков стекла), кругом остатки еды, недопитые и опустошенные бутылки, коробки из-под пиццы, порванные постеры, истерзанные картины, разбитые фоторамки... Кажется, хозяин квартиры пытался уничтожить все, до чего смог дотянуться.

Из-за того, что в комнате не убирались несколько дней, картина дополнялась затхлым запахом испорченной пищи.

И все бы ничего (у кого в доме иногда не бывает беспорядка), но тут замечаю в самом углу между диваном и креслом распростертую фигуру. Рядом с инвалидным креслом.

Ведомая первым побуждением, я бросила сумку и хотела поднять Березина. Он был пьян в стельку, смотрел на меня невидящим взглядом, а потом будто признал, отбросил мои руки, попытался подняться, безуспешно, закричал:

— Пришла смеяться надо мной? Да, я такой теперь! Я теперь никто, убирайся! Я знаю про тебя, все знаю! Это ты... — он периодически запинался, тер глаза, — ты хотела, чтобы так было, мечтала об этом, все мечтали! Дождалась? Ничтожество, пустое место! Да кто ты такая? Какое ты имеешь право? Девчонка на побегушках! Да профессор использует тебя, а потом выбросит на улицу, как всех остальных...

Дмитрий продолжал. Из несвязного потока слов я узнала о себе много нового: что практически включаю в себя все мирские грехи. Как он только меня не называл! Все припомнил: и мой возраст, и положение, и статус. Особенно досталось моей «невзрачной» внешности. Но я не развернулась и не убежала. Никто не обещал, что будет просто. Психолог написал мне: «Больные могут сделать больно. Надо быть к этому готовым». Я готова. Не слушаю, пытаюсь посмотреть на него не как на опустившегося, потерянного человека, а как на оступившегося по вполне понятным причинам. Ничего не осталось от его привычной прически, волосы космами торчали, спутавшись, лицо покрывала недельная щетина,

под опухшими глазами зияли синяки. Дышу. Слушаю. Жду, пока тирады в мою сторону закончатся.

А сама думаю: вот, что привлекало в нем людей — энергия, харизматичность, если хотите. Я не обращала на нее внимания, но сейчас, когда эта искорка угасла, то поняла, какой силой притяжения он обладал. Вспоминаю, как впервые обратилась к нему, как он улыбался, как играли в футбол, как ходил на сеансы, как танцевали с ним... Как давно, кажется, это было! Он был сильным, уверенным. Это подкупало.

Только здесь меня окончательно осенило. Дмитрий проиграл пари на меня не потому что не хотел выиграть: просто не знал, как бороться, ведь всегда девушки сами, словно светлячки тянулись к его внутреннему свету (какой бы природы он не был). А тогда пришлось заручиться сачком. Но чтобы им пользоваться, тоже нужна сноровка...

Да, оказывается, внутренний свет бывает разным, он не всегда греет, порой испепеляет.

Но дело даже не в этом: тот молодой, талантливый, безумно харизматичный парень теперь валяется под диваном и обливает весь свет грязью, поносит всех и вся... А теперь хватает ближайшую бутылку, неожиданно ловко отбивает у нее о косяк стола дно и грозит покалечить меня, если тут же не уберусь. В ход идет все, что попадает под руку. Дмитрий понимает, что не может подняться, поэтому обезумев от слабости, ползет в направлении меня.

Могу ли я оставить его в этом состоянии? Или уйти, не будить лихо (которое уже, правда, по-видимому, проснулось)?

Не могу оставить. Прикидываю, сколько шагов до лестницы, делаю вид, что ухожу, а сама рывком огибаю футболиста, буквально взлетаю по лестнице и прячусь за перилами вверху.

Березин еще немного буйствует, обещает порезать себе вены, если не спущусь. Слежу за ним через просвет: пока прямой опасности его здоровью не наблюдаю. Наконец, измученный, он откинул бутылку и затих, уткнувшись носом в растерзанную подушку.

Я подождала некоторое время, чтобы убедиться: клиент спит. Потом осторожно спустилась, стараясь не шуметь. Отодвинула от Березина мусор, накинула на него плед, чудом уцелевший в погроме. Выключила свет. Внизу, как оказалось, была еще кухня, совмещенная одним углом с гостиной, спортзал, ваннные комнаты. Наверху — две спальни. Я очень устала и не постеснялась прилечь в одной из них. Все равно они пока хозяину не нужны. Поставила будильник. Завтра будет длинный день.

Утро началось неожиданно рано для нерабочего дня (хотя чего там — я же на работе!). Мои глаза самопроизвольно открылись, когда за окном еще светало. Было около шести. Я привыкла вставать в это время, и мой организм поднял меня против моего желания. А тут еще через открытую дверь

стали доноситься шорохи снизу.

Осторожно, наступая на носочки, пробралась к своему наблюдательному пункту между перилами. Дмитрий проснулся. Видимо, ему было худо. Нехорошо так говорить, но оно даже к лучшему: нечего спортсмену его класса и таланта привыкать к стакану.

Парень держался руками за голову, пытался привстать, подтягивая за телом ноги, пока не уперся спиной в сидение. Затем, ухватившись рукой за край, он подтянулся и кое-как взобрался на диван. Дмитрий мотал головой, поглаживал по сторонам, морщил лоб: пытался вспомнить, не приснилось ли ему вчерашнее. Я пока не выходила из засады: надо убедиться, но Березин в здравом уме и не причинит вреда себе или мне.

Между тем, футболист, сильно вытянувшись, добрался пальцами до инвалидного кресла, повернул его под 90 градусов и аккуратно переместился туда. Очевидно, делает это не в первый раз. Потом, чертыхаясь, поехал в сторону, где находились ваннные комнаты.

Надо было спуститься и помочь? Я так не думаю. Есть личное пространство, в которое лучше не проникать, если не хочешь раздавить человека. И физическая, и психологическая нагота для любого — страшнейшие из несчастий. Проще говоря, как-то он эти два-три дня управлялся и сейчас управится.

Убедившись, что он уехал, первым делом прячу в карман

его сотовый телефон и выключаю его. Потом принимаюсь шарить по кухне в поисках мусорных пакетов. Собираю туда бутылки. Недопитые выливаю и выбрасываю, не начатые помещаю в самый высокий шкаф. Нахожу совок и принимаюсь собирать осколки. За этим занятием меня застаёт Дмитрий. Он морщится, трет глаза, даже щиплет себя за руку, потом понимает: я действительно здесь.

– Почему ты еще здесь? Я же сказал, чтоб убиралась к черту! Это мой дом, в конце концов!

– Хорошо, только уберусь немного.

– Я не давал объявление. Уборщицы мне не нужны!

– Так я и не для наведения чистоты. Компромат с глаз беру, и хватит, дальше сами разбирайтесь, не зря же приехала.

– Какой еще компромат, что такое говоришь, кому он теперь нужен?

– Нашему президенту. У вас же кто-то убирается, кто-то следит за домом, судя по цветам? Так вот, никто из ваших друзей не знает это место, а Кротов знает. У вас как раз несколько дней не убирались. Значит, скоро придут. Увидят, чем вы тут занимаетесь, доложат, куда следует. Эта информация вряд ли вас представит в выгодном свете перед возможными будущими работодателями.

Дмитрий пытался переварить информацию. Он, будто подвисший компьютер, медленно приходил в себя. Наконец, выдал:

– А какая теперь разница?

– Если вы считаете, что никакой... Я так не думаю. Это может повредить вашему имиджу.

Во время разговора я не переставала собирать «провокационный» мусор.

– Какому, к черту, имиджу??? Хватит издеваться!

– Имиджу одного из самых талантливых отечественных футболистов. Или вы уже забыли, кто вы?

Дмитрий зло усмехнулся, развернулся и покатил в сторону веранды. Оставшись одна, я утроила свои усилия. Разве можно в такой нездоровой среде поправить свое здоровье? Как говорят у нас в психологии, внешнее переходит во внутреннее. Поэтому работаю еще усерднее.

Все, что, на мой взгляд, не поддавалось восстановлению, я беспощадно выбросила. Поэтому стол стоял без столешницы, пол — без ковра, стены — без картин. В центре комнаты образовались огромные черные мешки. Их нужно было еще оттащить в мусорные контейнеры. Пришлось вырвать Дмитрия на время из одинокого созерцания утра и опустить с небес на землю со словами «где тут мусорка». Он ответит бесцветно, механически.

– Вы хоть понимаете, что я не уборщица, не сиделка, не кухарка, а психолог? Так что поезжайте и приготовьте мне бутерброд. А еще я с утра с удовольствием пью кофе!

Оставив Дмитрия возмущаться в одиночестве, потащила по очереди мешки. Крупные части, когда-то бывшие чем-то ценным, пришлось нести в руках.

Когда я приняла душ и переоделась, то, спустившись, увидела на кухонном столике кофе и бутерброды с колбасой и сыром.

— С детства это мои самые любимые бутерброды, — не без робости пояснил Дмитрий.

— Почему? — заинтересовалась я, с опаской примостившись к столу.

— В детстве это была настоящая роскошь. Обычно бутерброд делался из булки, намазанной маслом и посыпанной сахаром.

— Ага, — улыбнулась я. — И второй вид: черный хлеб, посыпанный солью.

— Точно, — чуть улыбнулся мой собеседник.

— Можно спросить? — пробую почву я.

— Да, давайте.

— Почему все двери были открыты? Это очень опасно!

— Я заказывал еду и...

— Выпивку. Это я заметила.

— Так вот, а потом, как-то не до двери было...

— Курьер вас видел?

— Нет. Я попросил оставить заказ у двери, а деньги были там же.

— Это хорошо.

— Все еще заботитесь о моей репутации?

— Да. Лишние слухи тут не к чему.

— Так все равно узнают, какая разница...

– А вы что, вечно собираетесь на коляске кататься?!

Перегнула... Пауза.

– А что, у меня есть выбор?

– Конечно, есть. Только вы пока не готовы об этом говорить. Давайте обсудим это вечером. Когда у вас голова прояснится.

Димка пытался выпытать из меня подробности, но безуспешно. Потом сдался.

– А что мы будем делать сейчас?

– Я хочу приготовить что-нибудь вкусненькое. Для себя. Раз выдалось время. Можете мне помочь, если нет дел поважнее. Может, вам еще чего-нибудь хочется.

– Я ничего не хочу...

– Тогда вы помогаете мне.

– А как же выбор?

– В этом случае он не предусмотрен.

Мы готовили пирог (благо, продуктов было достаточно, их накупили, но не использовали по назначению). Дмитрий пояснил, что отказался от услуг своей помощницы по дому — хотел поскорее остаться один. А еще жарили мясо по-французски. Футболист поглядывал на меня украдкой, я вел себя по возможности беззаботно, говорила о кулинарии, общих темах, стараясь не давить на больное.

– Вот вы сказали про бутерброды... Расскажите про детство!

– Разве вам будет интересно?

– Ага, — подтвердила я, пробуя блюдо на соль.

– Мой, как вы говорите, «талант», заметили рано. Мне было лет 7—8. На одном из областных турниров. Это было тяжелое время: играли порезанными и сдутыми мячами по дворам, пустырям. Никаких полей, настоящих ворот с сеткой... А потом спортивная школа-интернат в другом городе. Помню, как не хотел ехать. Думал, хотят избавиться от меня.

– Кто, родители?

– Да, это была вторая половина 90-х, предприятие, на котором работали родители, разорилось, они ездили «зарабатывать», а я был с бабушкой. Родители очень редко приезжали. Говорили, нет денег. Деньги, деньги! Весь мир тогда вертелся вокруг них...

– А сейчас уже не вертится?

– Вертится, но не так. Помню, как на каникулы все разъезжались, а я оставался там... Тренировал удары по пустым воротам. Иногда место в воротах занимал Кирилл. А потом мы менялись.

– Наваров?

– Да, он местный был, поэтому даже на каникулах рядом околачивался.

– И вы подружились?

– Он не задавал лишних вопросов, да и я его расспросами не допекал. Вместе проводили время. Можно сказать, дружили. Его семья брала меня на несколько дней летом до отъ-

езда домой. Хорошие люди. Радовались, что у Кирилла появились друзья.

– А как вы познакомились с профессором?

– Это было позже. Николай Степанович по запросу клуба проводил исследования перспективных молодых футболистов. В том числе под опрос попали и мы с Кириллом. Он не один был, еще несколько тренеров, физиотерапевт. И потом еще приезжал, отслеживал наше состояние. Хочешь что-то спросить?

– Да, хочу. Но это неудобно и не к месту. К тому же, я уже спрашивала...

– Давай.

– Зачем ты так с Кириллом? Ведь он любил ту девушку...

– Не буду оправдываться. Ответ все тот же. Она хотела этого.

– Но у тебя же есть голова на плечах?! Мало ли чего она хотела, это же твой друг!

– У нас и было-то всего один раз. Я раньше не придавал этому особого значения...

– До тех пор, пока Кириллу не снесло крышу?

– Наверно, да. Она того не стоила.

– Ты хотя бы извинился?

– За что?

Я не удержалась и нахмурилась, всем видом демонстрируя недовольство.

– Пытался что-то сказать. Он мне чуть челюсть не снес.

Потом что-то расхотел извиняться.

– Да уж, история...

– Но мы с ним квиты. Ты, наверно, не знаешь, именно он травмировал меня тогда, в детстве, с чего все и началось. У Кирилла всегда была резкая манера игры.

Разговор приобрел мрачный оттенок, а мне этого сейчас не надо. Поэтому пора дегустировать блюда.

– Красивый стол... был, — посетовала я, указывая на развалины в гостиной.

– Его можно починить.

– Мастера вызовем?

– Сам соберу. У него в комплекте три сменных столешницы разных цветов. В спортшколе у меня было достаточно свободного времени и сломанной мебели.

– Идея с тремя столешницами мне понравилась. Можно не сдерживать свои чувства, — оценила я, а сама поразилась, что Димка может что-то делать руками.

– Еще один личный вопрос...

– Можешь сразу спрашивать, без прелюдий.

– Хорошо. Что с родителями?

– Они влипли в темную историю и рано умерли.

– Прости.

– Это все в прошлом.

Разговор опять пошел не в ту сторону, какую нужно, меняю тему.

– Нам надо набраться сил, а то вечером много работы. На-

до порядок навести, стол поправить... Может, и ты отдохнешь.

– Это вряд ли.

– Как вам повезло, что у вас дома личный психолог. Так уж и быть, постелю вам на диване.

Я принесла из спальни постельное белье, подушку, постелила.

Как можно аккуратнее, спросила:

– Помочь или сами?

Димка отрицательно покачал головой. Но перебраться на диван ему было очень сложно: коляска отъезжала назад. Поэтому я, как можно незаметнее, приперла ее ногой сзади.

– Хорошо отдохнуть. Я тоже пойду полежу, а то последние месяцы выдались тревожными...

– Идите, я не сбегу.

– От меня еще никто не сбегал, — усмехнулась я и добавила уже серьезно. — Вы просили меня уйти, если хотите, я уеду вечером.

Дмитрий промолчал.

Я пошла наверх, решила, как та девочка из сказки, полежать на разных кроватях и посидеть на разных стульях. Поэтому пошла не в ту спальню, где ночевала накануне, а в соседнюю. Это были владения Березина. Выдержанная все в том же современном стиле с минимумом цветов в оформлении, она казалась мне небольшим музеем имени Дмитрия.

На стенах висели фотографии разных лет, дипломы,

несколько работ, выполненных в технике «резьба по дереву». В стеклянном шкафу хранились кубки, медали, несколько карточек с автографами, футболки, пара мячей. Одна фотография особенно привлекла мое внимание: на ней Димка стоял рядом с мальчишкой в инвалидном кресле. Ребенок широко улыбался, крепко обнимал подаренный ему мяч, будто это самое дорогое, что у него есть на свете... А теперь Димка сам в таком положении. И ему надо что-то подарить. Надежду.

Спала я сладко, хоть в глубине души все еще ныло из-за состояния Березина.

Когда спустилась вниз, заметила, что Димка уже на ногах, то есть, на колесах. Он посмотрел на меня пристально, потом на дверь (я шла к ней, хотела немного пройтись). Наконец, сказал:

– Не уходите. Хотя бы сейчас не уходите. Я с ума сойду!

Это было так ново и неожиданно в его обращении ко мне, как будто заглянула за кулисы, а там недостижимый актер оказался обычным человеком.

– И не собиралась. Я от вас так просто не отстану!

– И пообещайте мне одну вещь...

– Какую?

– Если соберетесь уйти, скажите мне заранее. А то вы любите уходить по-английски.

Толстый намек на наш вечер в ресторане.

– Хорошо, так уж и быть, постараюсь освоить эту новую

для меня модель поведения.

– Может, уже пришла пора поговорить?

Я не успела ничего ответить, дверь за моей спиной открылась, и в комнату вошла женщина пенсионного возраста. Шустрая такая женщина с седыми подвитыми волосами, живыми глазами и широкой улыбкой.

– Добрый день, Дмитрий Андреевич! Как ваши дела?

– Спасибо, Анастасия Викторовна, все в порядке.

Как он с ней вежлив! Со мной большую часть нашего общения он был значительно менее добр. Умеет, однако, расположить к себе!

На вид — нормальная женщина. Неужели она осведомительница Кротова? Может, он вообще из других источников узнал: от соседей, риелторов, дворника, в конце концов. Справедливости ради нужно сказать, что домработница повела себя в высшей степени деликатно, не подав виду, что удивлена внешним видом и состоянием своего работодателя. Хотя, вполне возможно, что она видела его и в других, не менее странных или неприятных ситуациях.

С помощью Анастасии Викторовны я раздобыла для Димки инструменты, и, пока домработница убиралась, поливала цветы, готовила, мы вместе с футболистом чинили мебель. Пришлось сказать ей, что хозяину хотелось внести изменения в дизайн комнаты. Наличие инвалидного кресла мы объяснили травмой. Она не стала задавать лишних вопросов.

Димке не очень удобно было работать на коляске,

несколько раз он чертыхался и хотел бросить работу, как любой человек процесса, когда дело не доставляет ему удовольствие. Но потом присоединилась я. Где-то пошутила, где-то похвалила, где-то поддержала, и стол приобрел приличный вид.

Вместо разбитых фоторамок и картин я притащила из кладовой несколько работ из дерева, как оказалось, их когда-то сделал Березин. Мы их развесили.

Потом Анастасия Викторовна и я пошли делать импровизированный пандус из досок, которые нашли, чтобы Димка мог выезжать в сад. А он в это время остался в доме. Я случайно заглянула в окно. Картины более жуткой и щемящей мне не приходилось видеть: сильный молодой парень рыдает, словно ребенок, я не видела глаз, но видела дрожащие плечи, уткнутую в колени голову и руки, сжимающие ее в тиски. Телевизор был включен. Не нужно быть провидцем, чтобы догадаться, что смотрит Димка. Конечно, футбол.

Анастасия Викторовна хотела идти в дом, но я повернула ее в обратную сторону и попросила показать сад, а когда мы возвращались, нарочно говорила громче обычного. Нечего другим подглядывать за человеком в горе, горе нужно принимать. И тут соглядатаи не к чему.

Когда мы прощались с домработницей, Димка был уже в нормальном состоянии духа, благодарил, пытался шутить.

Так незаметно приблизился вечер. Мы поужинали. Больше разговор откладывать было нельзя. Димка это понял

по моим глазам.

– Пойдемте в гостиную?

– Да, давайте.

Я расположилась на выдавшем виды диване, а футболист рядом в своем кресле.

– Вы дали мне понять, что у меня есть шанс. Или это какая-то ошибка?

– Вот, рассуждаете как здравомыслящий человек, а то чуть что грозились убить!

– Вы так и не ответили, — напомнил Димка.

– Да, шанс есть. Но все зависит от того, чего вы хотите. Ходить вы просто обязаны, здесь нет никаких сомнений, ваша травма не настолько сильна.

– Что мне ходить, я хочу играть!

– И играть вы будете.

– Как? Я же нападающий, мне нельзя по полю пешком ходить!

– Почему сразу «пешком»? Вам что доктор сказал?

– Что я не смогу выступать на прежнем уровне.

– Вот в этом-то и ошибка. Он неправильно сказал, вы физически будете слабее, но как вы будете выступать — зависит только от вас. Во всяком случае, надо попробовать. Физика, безусловно, крайне важна. Но есть еще психология и явление компенсации. Конечно, придется много работать. Но рвением, терпением, повышенной внимательностью и трудолюбием можно сгладить многое.

– Вы предлагаете мне дыры в теле залатать душой?

– Да. Во всяком случае, попробовать. Думаю, вы согласитесь, что теперешнее ваше состояние далеко от оптимального.

Димка опустил голову и задумался. Ему, уже простившемуся с надеждой играть, наверняка очень хочется снова верить, но мешает боязнь неудачи.

– Что же вы замолчали? Конечно, легче сдаться, чем бороться! Легче жалеть себя и ругать весь свет, чем попытаться! Да, я не дам вам стопроцентную гарантию того, что вы получите Золотой мяч, Золотую бутсу или что-то в этом роде! Но надо же попробовать!

– Вам хорошо говорить! А вы знаете, что я пережил, когда мне сказали, что я не буду играть? Да мне жить расхотелось! Вы это понимаете?! Сколько всего я передумал за все эти дни! Вы все твердите «талант», «одаренность», а я стал калекой, даже подняться не могу! Я из больницы сбежал, чтобы жалости не видеть, чтобы глаз их не видеть! Я же, кроме футбола, ничего не умею! Надеюсь, вы понимаете всю ответственность?

Я не совсем понимала.

– Я же очень хочу верить. И, скорее всего, поверю вам.

– Хуже точно не будет, — заметила я.

– Это вы так считаете, я уже простился с футболом и как-то пережил это, — хорошо же он пережил, ничего не скажешь! — Не знаю, получится ли у меня это еще раз!

– Выбор только за вами.

Димка молчал, судя по тем изменениям в его лице, которые просто невозможно было не заметить, борьба внутри него шла нешуточная.

Минуты тишины.

– Что от меня требуется? — сначала тихо и робко, а затем все громче и смелее спрашивал футболист. — Когда я смогу снова ходить? — Димка попытался встать, но ему не удалось, и он бессильно рухнул в кресло.

– Я не могу сказать, когда вы станете на ноги, это зависит от вас, но не контролируется вами. Может, сегодня, а может... — как бы сказать помягче, — позже.

– И я должен просто ждать этого момента?

– Нет, если вы не против, с завтрашнего дня мы начнем заниматься физкультурой. Мышцы, когда не работают, быстро теряют свои свойства — упругость, эластичность. Нам этого не надо. А то придется вас учить заново ходить. Мы будем выполнять упражнения, чтобы держать вас в тонусе, но, одновременно, нельзя напрягать Вашу травмированную ногу: вы сейчас потеряли чувствительность, но это не значит, что на самом деле нога у вас не болит... Что вы на меня так смотрите?

Димка поглядывал на меня и усмехался.

– Вы хоть раз в тренажерном зале были?

– Была... несколько раз... на физкультуре... в универе... и в клубе... мимоходом.

– Ладно, разберемся.

– Мне ваш врач написал, какие упражнения вам нужны...

— я хотела подняться наверх и заглянуть в сумочку, но Димка меня остановил.

– Пойдите! — я присела назад. — С вами не пропадешь.

– А то! Помните, как мы выбирались со стадиона?

– Такое не забудешь.

– Помнится, вы первое время меня почти не замечали и забывали, как я выгляжу, — подколола его я.

– Тогда вы были одной из многих. Их я никогда не старался запоминать.

– Вот, где скрывалась правда, а мне заливали: что я все время менялась, что становилась другой! А теперь в районе сотни метров одна я и забыть труднее?

Димка по привычке поправил хаер, которого нет.

– Можно сказать и так.

– А про фотографию вы что скажите?

– Какую фотографию?

– На футболке.

– А, про ту... Нельзя ли спросить что-нибудь полегче?

Да, плохо иметь хорошую память: я тогда ему почти поверила, когда в ресторане он говорил, что каждый раз смотрел на меня новыми глазами, что я менялась... Он просто даже не пытался запомнить, кто я. Я долго была для него пустым местом. И осталась бы им, если бы не его травмы. А, может быть, до сих пор им и остаюсь.

Ну ладно. Никто не обещал, что психолог всегда будет чувствовать благодарность и признательность. Надо привыкать. Хотя немного обидно. Если честно, очень обидно.

– Что с вами, вы погрустнели?!

Надо же, заметил.

– Нет, все в порядке. Просто вспомнила... Зачем вы тогда поспорили на меня?

– Обычная глупость, ребячество, от нечего делать. Как-то к слову пришлось. Потом завертелось, закрутилось...

Да уж, извиняться он не умеет. Или не хочет.

– А если бы я не знала про пари, я бы могла подумать...

– Что?

– Сами знаете что. И это не совсем честно...

– Чего вы от меня хотите?

Что я могла сказать?

– Ничего. Спокойной ночи.

Может мне показалось, но Березин нахмурился. Я не стала оборачиваться и поднялась наверх. Надо глубоко дышать. Надо отложить личные обиды. Только работа. Только человек, нуждающийся в помощи. Надо быть сильной, жизне-радостной, уверенной. Сколько у меня до игры? Несколько дней? Перетерплю, а там гори оно синим пламенем. Накопилось. Кругом неопределенность — на работе, на личном фронте, ГОСы через три недели... Надо держаться... Зачем я здесь? Почему мне всегда больше всех надо? Он же забудет обо мне, как только встанет на ноги. Дело даже не в нем...

Всю жизнь будешь стараться помочь и будешь нужна, пока другому плохо!

Вот надумала себе. Это моя работа, я получаю за нее деньги. Люди платят. Они не обязаны отдавать ничего. Кроме денег.

Минутка грусти. Такое со мной бывает. Скоро пройдет. Завтра будет новый день.

Димка снова проснулся раньше меня. Удивительное дело, когда я спустилась на следующее утро, то не узнала его. Он побрился, привел себя в порядок, зачесал разбросанные волосы косым пробором и пытался приготовить омлет. Только вид его все равно оставался уставшим, а под глазами все также сияли синяки. Я помогла нарезать овощей, и мы позавтракали.

Димка оказался прав: при виде этих металлических истуканов-тренажеров у меня округлились глаза, хотя я не раз проходила мимо подобных в тренажерке на базе. Березин рассказал, за что отвечает каждый из них, как на них работать. Вместе мы определили, где можно потренироваться. Я лично освоила несколько этих странных и малопонятных для меня агрегатов. Занимались мы весело. Парня будто бы подменили. От него потихоньку снова стал исходить тот свет, который так привлекал в нем, возвращалась вальяжность, размеренность.

После тренировки мы отправились гулять в сад. Правда,

сад состоял из нескольких яблонь, груш, слив, а потом переходил в уголок соснового бора, окруженного изгородью. Мы медленно ходили и болтали не о чем.

– Скажите, я провожу опрос, может, вы мне подскажите...

– Мне нравятся ваши вопросы, давайте.

– Что для вас любовь?

– Вы обратились по адресу. Я много раз любил.

Знакомый ответ.

– А как же любовь, которая одна и на всю жизнь?

– Ее придумали мечтатели. На самом деле есть только...

как бы это сказать?

– Влечение?

– Грубовато. Я бы сказал иначе — притяжение. Пока притяжение есть, можно любить. А потом не стоит.

– И как же вы объясняете девушкам, что притяжение исчезло?

– Есть разные способы: можно не отвечать на звонки, появиться с другой девушкой в свете, сказать, что она слишком хороша для меня, или что мы не пара.

– А у девушек к вам притяжение не проходило?

– Что-то не припомню такого.

– То есть, любви нет, а есть притяжение, которое то появляется, то проходит?

– В общем и целом — да.

– А вас никогда не заботило, что девушки могли любить вас в другом смысле? Надеюсь, как раз, на более продолжи-

тельные и глубокие чувства?

— Я всегда сразу предупреждаю, что серьезные отношения не для меня. И даю свободу выбора. «Всегда есть выбор», — или как вы там любите говорить. А для вас?

— Не поняла?

— Что любовь значит для вас?

— Необычно, когда вопросы задают тебе, а не ты, — улыбнулась я. — Я запуталась и пыталась разобраться. Пока не готова ответить на этот вопрос. Но ваш вариант мне точно не подходит.

— Почему?

— У меня есть плохая привычка привязываться к людям.

— А что в ней плохого?

— А то, что в человека вкладываешь кусочек души, а потом, если потеряешь его, то остается пустота.

— И вы боитесь этой пустоты?

— Уже нет, учусь с ней жить.

— И кто из нас двоих психолог, а кто клиент?

— Вот вы смеетесь, а я, может быть, этого никому не говорила.

— Да я не смеюсь, просто хорошее настроение. Почему тогда рассказали мне?

— Потому что вы не очень впечатлительны и через день-два все равно забудете, что я вам сказала.

— Хорошего вы обо мне мнения!

— Не первый день знаю, — улыбнулась я.

Вечером мы играли в настольный футбол: эта игра мне подходит. Чем-то напоминает наши психологические приборы-модели гомеостатического типа. Они мне за годы учебы оскомину набили, но с ними зато теперь хорошо справляюсь. У нас был один такой прибор — групповой сенсомоторный интегратор. Так там еще сложнее: он током бился, если делать ошибки. А тут за плохую передачу максимум, что получишь — перехват.

Димка искренне дивился моей подкованности в этом деле. Я ему не менее искренне заявила, что у меня «классическое образование», подготовившее меня к разным жизненным ситуациям.

— Я тоже подумываю идти учиться, — заявил нападающий.

— Это на вас так подействовали мои слова?

— Не только. Просто из-за этой всей ситуации подумал...

— О чем?

— О том, что буду делать после футбола.

— И что вы решили?

— Решил не уходить из футбола, пойти в тренеры.

— Отличное решение, у вас получится.

— С чего вы взяли?

— К вам люди тянутся. Не знаю, что они в вас находят, но тянутся.

— Как вы меня сейчас... — усмехнулся он.

— Сейчас что?

– Отделали, как в старые добрые времена.

– Стараюсь держать марку, — серьезно заявила я.

Не могу не оценить Димкиного упорства. После вчерашнего нашего разговора я не слышала от него ни слова жалобы. Он выполнял все, о чем я просила, был просто образцовым «клиентом». Какая же у него жажда игры! Он сегодня и он вчера были два совершенно разных человека. Если бы Березин умел любить человека хотя бы вполовину того, как он любил футбол, то его избранница была бы самой счастливой девушкой на свете. Но он, видимо, когда раздавались таланты, стоял в другой очереди.

Пришло время идти спать. Я, как обычно, пожелала Димке спокойной ночи и пошла наверх. Может, показалось, но создалось впечатление, будто он хочет что-то сказать мне. Я нарочно задержалась, но форвард молчал, поэтому я продолжила свой путь.

Мне сегодня плохо спалось. Это на меня не похоже. Обычно я сплю так, что поднять меня можно только танком. Могу рано проснуться, но пока сплю, хоть на головах ходите. А тут несколько раз перевернулась с боку на бок, баранов посчитала, подумала обо всем на свете — ни в одном глазу.

Вдруг произошло нечто такое, что заставило меня вздрогнуть. Раздался нечеловеческий крик, потом шорох, как будто кто-то мечется, пойманный в сеть.

Бросила все, как была, в одной ночнушке кинулась вниз,

спотыкаясь на ступеньках. В комнату проглядывала луна. Стояла ясная майская ночь с миллиардами звезд. Где-то там, далеко, возможно, кто-то смотрит на нас и пытается нам помочь, делает знаки, а мы не замечаем подсказок...

Нечеловечески стонал Березин. Он задышался, его лицо было перекошено и сморщено. Может, приступ? Разбужу на всякий случай.

Начинаю трясти Димку, и тот постепенно приходит в себя. Качает головой, восстанавливает дыхание.

– А я все гадала, как это вы раньше меня просыпаетесь. Вы почти не спали эти дни?

Димка кивнул.

– И давно это у вас?

– Как только перестал ходить.

– Вообще не спите?

– Вроде засыпаю, а потом...

– Что это? Вам плохо становится?

– Нет, кошмары. Сначала засыпаю, а потом...

– Что-то страшное снится?

– Да.

– Почему раньше не сказали, — глупый вопрос, не хотел казаться слабым передо мной.

– Так получилось.

Надо подышать свежим воздухом и подумать.

– На улице звезды, посмотрим?

Выкатила Димку на веранду. Переведем дыхание.

– Давно на звезды смотрели?

– Давно.

– И как вам?

– Красивые.

Ночь была волшебной какой-то... Ночью вообще все бывает по-другому. Я это давно заметила. Все плохое ночью кажется вовсе непреодолимым. А хорошее — таким простым и близким. Если ночью чувствуешь себя совсем скверно, нужно просто подумать, что завтра с утра будет лучше, надо только немножко перетерпеть. Всегда помогает.

Как бы то ни было, ночью мы более чувствительны, более мнительны, более внушаемы. Ночью мы более слабые и более откровенные. Некоторые из нас только ночью-то и могут быть самими собой.

– Вы слышите меня? — сказала я, присев рядом с Березиным.

– Да, — отозвался парень.

– Все будет хорошо. Вы справитесь, — аккуратно положила ему руку на плечо.

– Я же говорил, не надо меня жалеть, я этого терпеть не могу!

– Я не жалею, а констатирую факт. Мы справимся. Я буду рядом.

– Зачем вам это надо? Я не понимаю! — убираю руку, чуть коснувшись плеча. — Почему вы оказались здесь именно сейчас, когда я ничего не могу вам дать? Мы не можем

с вами даже... ну, вы понимаете...

Поняла, про что он говорит, но промолчала.

— Думаете, до меня не доходит, как все это убого?! — он показал на себя. — И что вы меня жалеете или просто отбавываете те несчастные гроши, которые вам платят? Да что вы молчите?!

А что тут скажешь? Разве можно сводить отношения между людьми только к одному знаменателю, каким бы ценным он ни казался?!

Ночь. Звезды. Луна. Треск сверчков. Тишина. Ночь.

— Я всегда была немного странной. Расскажу вам одну историю, если позволите, — с этими словами присаживаюсь на табурет возле Димки. — В детстве я очень любила кактусы. И вы не поверите, что я с ними делала...

— Надеюсь, не то, что я думаю.

— Очень смешно. Я выбирала самый большой и колючий кактус, который мне попадался, обхватывала его ладонью почти до крови. А потом принаравливалась держать его так, чтобы кожей касаться колючек, но боли уже не было, а оставалась такое приятное, чуть заметное покалывание.

— Да вы сумасшедшая! Мазохистка какая-то! Зачем? — удивленно и одновременно шутливо сказал Димка.

— Ну, это же приятно, преодолеть препятствие: сначала больно, а потом хорошо. Разве не замечательно?!

— Вы же не просто так сейчас это сказали, верно? — не ожидая ответа, он продолжил. — Разве всегда после

того, как больно, бывает хорошо?

– Нет, конечно. Но такой вариант есть. Просто нужно приложить усилие. Где-то потерпеть...

Вдруг он ни с того ни с сего спросил, развернувшись ко мне:

– А сейчас еще больно?

– Вы про что?

– Не притворяйтесь, что не понимаете. Про все это, — он указал на ноги.

– Да. Пока еще больно. Но это только пока. Можете довериться мне?

Димка нерешительно кивнул.

– Расслабьтесь, подумайте о чем-нибудь хорошем.

Я положила ему одну руку на лоб так, чтобы голова свободно касалась моей руки, полулежала на ней, другой придерживала шею на границе с затылком. Сначала в нем чувствовалось напряжение, лоб казался раскаленным, чуть влажным, дыхание неровным и порывистым. Потом поймала его дыхание и выровняла. Все это должно было занять не больше минуты, но время, как будто остановилось.

Внезапно поняла, что я все еще в ночнушке, а на улице довольно прохладно. Надо было возвращаться в дом. Аккуратно убрала руки. Димка молчал.

Ночью мне почти не удалось поспать. Я расположилась на тахте в зале, где спал Димка, чтобы караулить его сон. Спать хотелось жутко, хоть спички в глаза вставляй. Я чи-

стый жаворонок, и ночные бдения обычно не приносят мне удовольствия. Этот случай не был исключением.

Стоило мне только сомкнуть веки, как Димка начинал метаться, что-то неразборчиво выкрикивать, стонать и задышаться. Мне приходилось открывать глаза (нехотя, естественно), нестись к его лежбищу и успокаивать. Первые несколько раз мне приходилось будить Димку. Он раскрывал глаза, явно не понимая, что происходит, а потом закрывал их и поворачивался на другой бок.

Ближе к утру мне удавалось гасить его приступы, не разбудив. Я держала его за плечи, касалась лба, пока дрожь не отступала, а тело мягко не опускалось, будто сбросив с себя оковы. Кажется, больше не могу, засыпаю.

* * *

Черт. Голова раскалывается. Будто по ней катком проехали. Неужели я спал? Уже утро? Светло совсем. Сколько там? Не дотянуться. А на стене? Сколько, двенадцать?! Ого! Я столько проспал? Не может быть! Как же... Надо вспомнить... Стоп. Там был ангел, он стоял за моей спиной...

* * *

Открываю глаза — уже очень светло. Упрямые лучи косо и неустанно поглядывают на меня. Наверно, пора вставать, хоть и не хочется. Первое, что вижу перед собой — спину Березина, раскатывающего по комнате на своем импровизированном транспортном средстве. Расплываюсь в улыбке.

– Куда это вы так нарядились? Я что-то пропустила?

Димка был в своем обычном виде, каким я его знала — футболка с ярким принтом, рубашка, рваные джинсы с цепями... Где он только успел раздобыть этот «прикид». Скорее всего, Анастасия Викторовна из стирки принесла.

— А вам, что ли, не нравится?

— Да, нет, отчего же. Просто неожиданное перевоплощение. Вы, наверно, любите модные вещи...

— Красивые — да, модные — нет. Вы из-за этого? — он указал на свой наряд. Я кивнула. — Это так, работа.

— Какая еще работа? — недоумеваю я.

— По контракту. Рекламному. Я обязан повсюду появляться в одежде одного бренда. За это хорошо платят. А еще хорошо платят за то, что повсюду щеголяешь дорогущими часами (тебе же подаренными), мобильным. Даже вот за это и то платят, — он дотронулся до головы.

— Как?

— Средства по уходу за волосами для мужчин или типа того.

Не удержалась от смеха.

— Да вы весь состоите из денег, как оказывается!

— Кому, как не мне знать, что век футболиста короток, — грустно улыбнулся Димка.

Мы встретились глазами, и тут я поняла, что он меня изучает. Утреннюю, лохматую, ненакрашенную, в ночнушке.

— Не смотрите на меня так. Я тоже человек.

— Точно, — усмехнулся Димка.

Только сейчас понимаю, что лежу, наполовину завернутая в плед на его диване. Пытаюсь вспомнить, как это получилось, но вспоминается только дикое желание спать и накопившаяся усталость. Почувствовав мою растерянность, Димка знакомо ухмыльнулся.

– Вы были правы, надо это признать: в моем сегодняшнем состоянии много минусов. Признаться, у вас очень крепкий сон. Надеюсь, вы простите, что пришлось через вас перелезть? Поверьте, это было непросто!

Узнаю Димку, как же раздражает его самоуверенность! Запустила в него подушкой, чтобы много о себе не воображал.

Весь день мы усердно трудились: занимались спортом, пробовали всякие психологические техники (я искренне надеялась, что какая-нибудь из них принесет результат, но другая моя половина беззастенчиво утверждала, что всему свое время, и мои техники сейчас ему нужны как мертвому припарки).

Мы пробовали дыхательную гимнастику, телесно-ориентированную терапию, сказкотерапию, арт-терапию. От психоанализа я сознательно отказалась: это процесс длительный и кропотливый, к тому же не нужны мне сейчас его демоны. К слову, их у каждого хватает.

Вечером сели смотреть футбол. Сначала я думала, он переключит канал. Но нет, остановился, решил смотреть. А я наблюдала: вдруг что. Но обошлось. Играли зарубежные ко-

манды топ-уровня. Мало следила за игрой. Березин... по сути он такой же, каким я его знала раньше. Но многое не так. Эта отрешенность — вовсе не зазнайство (или не всегда зазнайство), а безразличие — не легкомыслие, а сознательный выбор.

— Вот, как я поняла, многое вы делаете из-за денег... А в клубы вы зачем ходите? Тоже сделать рекламу заведению? — хотела поддеть его и найти какое-то увлечение, к которому он искренне привязан.

— Не поверите, да, — ответил он, даже не отвернувшись от экрана. Наконец, удостоил меня вниманием и повернулся. — Сначала меня Кирилл затянул: он любитель этого всего. Меня, честно сказать, это не привлекает: шум, толкотня. Хотя в громкой музыке есть и плюсы.

— Какие же?

— К тебе не пристают с расспросами, все равно ничего не слышно.

Мы обменялись улыбками.

— И танцы эти... мне всегда напоминали какие-то языческие пляски.

— И поэтому вы встали за диджейский пульт?

— Это было всего несколько раз...

— Но было?

— Было, — согласился.

— Так зачем же вы пропадаете в ночных клубах? — поинтересовалась я.

— Ну, не то, чтобы пропадая... Там проще знакомиться, — признался он и снова погрузился в футбольный мир, в котором и так прожил большую часть своей жизни.

А ларчик-то просто открывался! Конечно, клуб — шикарное заведение, можно всегда познакомиться с на все готовой девушкой и даже не тратить время на лишние слова. Ладно, это его дело.

Попросила прокомментировать для меня матч. Но так, чтоб понятно. Он отключил звук и давай так оживленно все по полочкам раскладывать. Но я мало слушала, а только смотрела, как горят его глаза, как расплываются в улыбке губы и что-то умное рисуют в воздухе руки. Я пообещала себе, что сделаю для него все, что в моих силах.

* * *

Черт. Снова этот кошмар. Да что б тебе! Только семь... Еще бы спать и спать! А где Маша? Ее нет! Надо осмотреться. Не вижу. Эти проклятые ноги! Черт, тяжело дотянуться до кресла. Позову. Не отвечает. Там, где она спала, все убрано. Неужели ушла?! Ушла сейчас, когда я развалина, когда не могу ходить?! Нет, она же обещала! Она не могла обмануть. Или?! Надо ее найти! Только как? Черт, черт, черт!

* * *

Решила встать пораньше, чтобы привести себя в порядок, а то опять смеяться будет. Он же такой весь «модный». Пошла в душ, потом принялась сушить голову, благо арсенал средств по уходу за собой у некоторых мужчин не уступа-

ет женскому. Вроде шум какой-то. Но Березин должен еще спать. Не обратила внимания, продолжила сушку. Но тут что-то грохнуло вниз, как мешок с картошкой. Все бросила. Как была, в халате и мокрыми волосами, выбежала из комнаты, бросилась к лестнице.

Там, повиснув на перилах, корчась от боли, стонал Березин.

– Господи, как вы сюда попали!

– Я хотел... Вообще это мой дом и поэтому, где хочу, там и хожу, — пытаюсь придать лицу веселое выражение, выдавил Димка.

– Я конечно, все понимаю... Но как, зачем? — коляска осталась внизу. Неужели он ползком взобрался?

– Вопросы потом, помогите сесть.

Аккуратно перехватила его рукой за спиной, другой уперлась в перила. Димка ухватился за меня. Потихоньку развернулись.

– Вас же теперь спустить надо... очень больно? — поинтересовалась я, оценив его перекошенное лицо.

– А как вы думаете?!

– Где болит? Может, перелом?

– Вот, — он указал на ногу.

– Как же вы так?! Стойте!

– Как будто я собирался убежать, — сострил он.

– Вставайте.

– Вы чего?

– Вставайте, я сказала!

Сама поднялась, стала тянуть его потихоньку за собой. Уперлась спиной в стену. Обхватила Димку руками, а он пытался держаться за меня и за стену. Потихоньку поднимались.

– На травмированную ногу вес не переносите, давайте, у вас получится!

– Я стараюсь, черт возьми!

– Вот так, еще, — командовала я, пока мы не выпрямились. Он еле держался, и то больше на мне, чем сам, но все-таки держался.

– Вы будете ходить, — очень тихо проговорила я, почти шепотом. — Вы будете ходить! — почти прокричала я.

Димка опустил голову мне на плечо так, что его волосы щекотали мне шею. Кажется, он не дышал.

– Это не сон?

– Нет, нет и еще раз нет! Я же говорила, вы будете ходить! А еще вы довольно тяжелый, — напомнила я. — Может, давайте присядем отдохнем, а потом пойдем отведем вас в комнату?

Димка поднял голову на меня. В его глазах было столько смутнения, столько радости, столько жажды...

– Я теперь всегда буду только ходить! К черту метро, самолеты и крутые тачки.

– Ловлю на слове. Только попробуйте теперь сесть в моем присутствии!

Димка сжимал от боли зубы, вцепился в меня так, что наверняка будут синяки, но все-таки мы добрались до ближайшей комнаты, его спальни.

– Я вам этого никогда не забуду, — сказал он, оказавшись в постели.

– Звучит устрашающе. Лучше скажите, может, врачу позвоним?

– Нет, не сейчас, не в этом состоянии...

– Не поняла?

– Видите ли... У меня образ самоуверенного, успешного, везучего. Я не в форме. Не хочу, чтоб кто-нибудь видел меня таким. Дайте мне день. Завтра я свяжусь с доктором, а сегодня дайте прийти в себя. Это не первая травма. Ноге нужно дать зажить, не трогать ее и все.

Конечно, всякое может быть, но...

– Не понимаю я этой политики!

– Я уже говорил, что терпеть не могу, когда меня жалеют.

– Ладно, вам видней. Отдыхайте.

– А вы куда?

– Пойду оденусь. Видите ли, у меня образ самоуверенной, успешной девушки. А то кто-нибудь с подростком спутает... В таком-то виде!

– Мария!

– Да.

– Это самый лучший вид из всех, которые я когда-либо видел.

Я усмехнулась и прикрыла за собой дверь.

Ходить Димке было пока тяжело, но сидел он теперь свободно, хоть и чувствовал себя еще вялым и не совсем собой. Однако чувствительность вернулась. Это я проверила самостоятельно, проделав незамысловатые манипуляции с его конечностями при помощи иглы. К тому же, травмированная нога беспокоила, если лежала не в определенном положении, что тоже наводило на мысль, что чувствительность либо полностью восстановилась, либо восстанавливается.

Пока я раздумывала, какой бы еще опыт произвести, Димка остановил мою руку.

– Лучше не надо. Хочу вам авторитетно заявить, что все чувствую.

Ну, не надо, так не надо. Как будто у меня других дел нет.

– У меня к вам предложение.

Уже собиралась уйти, но остановилась и присела на край кровати.

– Интересно, какое? — не без иронии спросила я.

– Я этого еще никому не говорил...

Вот тебе заявление!

– Будьте... моим психологом.

Выдохнула.

– А сейчас я, по-вашему, кто?

– Вы психолог клуба, будьте только моим психологом, личным агентом, как хотите, так и называйте! Но только моим. Я заплачу в два, в три раза больше, чем вы получаете

сейчас! Плюс процент от нового контракта.

— Мы же с вами деловые люди, так? — сам напросился!
— Ну вот, я покину свое рабочее место, стабильное, освоенное, перейду работать к вам. А у вас ни с того, ни с сего пройдет... настроение. И что я тогда? Куда пойду?!

— Мы с вами подпишем контракт, получите неустойку или как там это называется...

— Конечно, заманчивая перспектива, но вряд ли она мне подойдет... — улыбнулась колюче я и собралась снова уходить.

— Тогда выходите за меня замуж.

Я аж присела от неожиданности. Конечно, это все глупости, но любопытно послушать.

— И как вы это себе видите? Знаете ли, я всегда мечтала выйти за человека, который меня любит. А у вас понятие о любви очень специфическое.

— Специфическое скорее у вас, у меня — обычное, самое распространенное сейчас. Есть ли еще возражения?

— Для меня очень важна верность молодого человека, а вы этим не отличаетесь, — подтруниваю я.

— Мы подпишем брачный контракт, будете получать деньги, если что, большие деньги.

— Ну, это конечно аргумент, ничего не скажешь! А если я, не дай бог, считаю, что моя нервная система стоит дороже тех денег, что вы предлагаете?

— Вы еще не знаете суммы.

Неисправимый человек!

– А если для меня деньги не играют решающей роли?

– Это все усложнит. Но можно что-то придумать. Или вам уже сделали предложение и вы согласились?

– Нет, вы первый, — усмехнулась я. — Зато вы, наверно, делаете это не в первый раз!

– Хотите, не верьте, но в первый.

Опять этот его обволакивающе смеющийся взгляд, что за ним скрывается: искренняя потребность в поддержке или очередная насмешка?!

– Зачем вам это?

– У меня впереди непростой период восстановления, я намереваюсь сделать все возможное для того, чтобы уехать играть за границу, но для этого мне нужно прийти в форму, и нужны вы, чтобы можно было обратиться в любой момент, когда это будет нужно.

– А что будет после того, как вы восстановитесь? Мы с вами успешно разведемся, и я получу положенную по контракту неустойку? — сыронизировала я, но он, похоже, принял мои слова за чистую монету.

– Если захотите, то да. Если нет — поедem вместе.

– Вы искренне верите, что большинство девушек мечтают именно об этом?! — уже без иронии воскликнула я.

– Уехать за границу с популярным, молодым, перспективным, обеспеченным спортсменом и мужем?! Нет, конечно, они об этом даже не мечтают!

Сколько самодовольства, самоуверенности, все это вернулось вместе с чувствительностью и непередаваемой харизмой.

— Ладно, с вами все понятно, вам нужен человек, на которого можно положиться, который поддержит и поможет, если что, не выдаст секретов. А какой мне прок от нашего «союза»?

— Разве я вам совсем не нравлюсь? — недвусмысленно расплылся в улыбке Димка.

— Мало ли кто мне нравится, этого мало. Я буду осуществлять психологическое сопровождение, а что будете делать вы? Только не говорите, что платить, этот ответ мне уже понятен, — колюче улыбаюсь и жду ответного аргумента.

Жду, он вроде задумался, даже отвернулся. Потом опять этот взгляд. И снова смотрит в сторону. Или в душу.

— Я буду... буду делать для вас бутерброды по утрам, комментировать матчи, посвящать вам свои голы и усыпать розами полы перед вашим кабинетом...

Улыбка сходит с моих губ. Неужели он это серьезно?

Внезапно различаю звук вызова своего телефона из соседней комнаты. Извиняюсь и выхожу. Это мама, хочет узнать, как у меня дела. Ушла в ванну, чтобы спокойно поговорить, потом умылась, посмотрела в зеркало и вспомнила, как Поля однажды сказала мне, что такие парни не влюбляются в таких, как мы. Или все-таки влюбляются?

Возвращаюсь в спальню к Димке — мы еще не договори-

ли. Кажется, он чем-то расстроен. Он хмур и усиленно растирает пальцами виски, сидит на краю постели со стороны прикроватной тумбочки. Что могло случиться всего за несколько минут моего отсутствия?

– Вам плохо? Что-то болит? — встревожено бросаюсь к нему я.

– Помогите мне встать, — бесцветным голосом приказывает он. И добавляет, — пожалуйста.

– Держитесь за меня, — без расспросов повиновалась я. Потихоньку мы встали.

Я поддерживала Димку за спину, а он опирался на мои плечи. Вдруг футболист отбросил мои руки и обнял меня за талию, прижав к себе. От неожиданности я смогла проронить только:

– Наверно, вам больно.

– Да, Маша, больно, очень больно! Почему ты не сказала про Кротова, про условия, по которому приехала сюда? От кого угодно, но не от тебя... Хочешь продвижения за мой счет? Говорила, что дело не в деньгах, а сама... И в какое положение ставишь меня: из-за тебя я не могу ни уйти из клуба, ни остаться там! Почему ты не сказала?!

Он говорил это тихо, но с таким надрывом и безысходностью, что я не смогла сказать ни слова.

– Какая самоуверенность! Откуда ты знала, что сможешь так быстро поставить меня на ноги? Я сам в это не верил!

Димка говорил одно, а голос и руки выдавали другое. Я

чувствовала, что он губами едва касается моих волос, что вдыхает их запах... Мои же руки безвольно висели. Мне требовалось пару минут, чтобы прийти в себя.

– С чего ты это взял?

– Неважно, — мой подопечный на какое-то мгновение опустил голову мне на плечо. — Перезвонил своему агенту. Кротов интересовался, не изменилось ли мое решение «ввиду новых обстоятельств», тебя же уволят, если я не подпишу контракт! Ты специально спрятала телефон? Почему молчишь? Скажи, что это неправда!

Есть ли смысл его обманывать?

– Это — правда, такое условие было, но у меня не было выбора, иначе я...

Березин поднял глаза на меня.

– Пожалуйста, не надо.

– Но ты же не так все понимаешь!

– Не надо, я прошу.

Некоторое время мы просто смотрели друг на друга. Я пыталась одними глазами сказать все, что так хотелось произнести... Но разобраться в том, что творится в глазах напротив, я была бессильна.

Наконец, пытка кончилась: Димка отвел взгляд.

– Уходите, — подчеркнуто равнодушно и почти в духе своей привычной расслабленности бросил он, но при этом, видно, забыл, что все еще очень крепко держит меня.

Скрывая подкатывающий к горлу комок, как можно спо-

койнее и буднишнее уточнила:

– Можно уйти завтра, рано утром? Вы будете еще спать. Сейчас уже очень поздно, до завтра я не попадусь вам на глаза.

– Да, давайте так.

– Разрешите, я провожу вас к кровати? — как иначе я еще могла намекнуть, что мне не уйти, потому что меня держат?

Димка снова оперся на мои плечи, я помогла ему сесть. Потом он попросил достать ему из шкафа костыли. Мы больше не упоминали ничего, что выходило за рамки работы. Это походило на театральную постановку, в которой играют актеры-непрофессионалы. А может быть, это был театр одного актера.

– Еще что-нибудь могу сделать?

– Нет, вы и так сделали достаточно.

Так двусмысленно звучит эта фраза!

– Тогда я пойду. До свидания. Или лучше «прощайте»?

– Прощайте.

Гордо, как мне казалось, вышла, зашла в «свою» комнату. И тут мои ноги подкосились. Слез не было. Было отчаяние, жгучее ощущение несправедливости. Просто опустилась на пол возле кровати и смотрела в стену. Там стоял электронный камин и языки пламени чрезмерно размеренно и предсказуемо то поднимались вверх, то практически затухали. Это успокаивало. Нужно было много сделать и о многом подумать.

Чтобы прояснилось в голове, сходила умыться, а потом принялась собирать вещи. Благо, их было не так много, но разбросаны они оказались по всему дому. Хоть какое-то занятие.

А в душе все болело. Нет, это будет незавершенный гештальт, еще один груз, который потом всю жизнь придется таскать за собой. Такие вещи лучше разрешать здесь и сейчас. Решила написать письмо.

«Дмитрий!

Не думайте что я пытаюсь оправдаться, я в этом не нуждаюсь. Но Вы должны знать, как все было на самом деле: никто не знал, где Вы находитесь. Узнав о случившемся, я бросилась Вас искать, но никто не мог дать даже приблизительного ответа. А время шло. И это все могло плохо кончиться. И я должна была спешить.

Кротов рассказал, что знает, где Вы, но расскажет только при условии, что я поставлю Вас за неделю на ноги и Вы продлите контракт, в противном случае я доработаю до конца сезона, и ни дня больше. Он все просчитал: зачем Вы ему, если окончательно сломались?

Телефон я спрятала специально: боялась, что Вы вызовете полицию или еще что-нибудь выкинете.

Почему не сказала... Вы не спрашивали, как я Вас нашла. Да и что бы это изменило? Вы бы быстрее встали? Вряд ли. Будь моя воля, это вообще осталось бы между нами с Кротовым. А Вы бы... восстановились и уехали спокойно играть

в свою ненаглядную Европу.

Что Вы и так сделаете, я не сомневаюсь.

Требовать благодарности — последнее дело. Да я и сомневаюсь, что это чувство Вам знакомо, как и многие другие.

Выздоровливайте.

Мария

P.S. Вы обещали завтра связаться с врачом!»

Хотела закончить без приписки, но он же забудет про врача! Хотя нет. Когда к нему вернулась чувствительность, кажется, что добрую часть другой, не менее важной чувствительности он потерял. Поэтому первым делом позвонит врачу. Впрочем, это все теперь не важно...

Открываю глаза, кажется, я заснула. Пытаюсь проснуться. Так и заснула, сидя у трюмо перед зеркалом. Вид не очень. Ну, это мелочи. Ах, да, письмо... Что с ним делать, отдать? А что это изменит? Взовет к совести? Едва ли... Его минутной слабости вряд ли хватит надолго. Но он очень талантлив, он должен попробовать себя...

Пусть выздоравливает и уезжает поскорее. Чтобы мои глаза его не видели.

Беру письмо, комкаю его и выбрасываю в урну.

Написала другое.

«Дмитрий!

Должна извиниться перед Вами, что так получилось! Предложение президента сначала смутило. Но это был ин-

тересный опыт для меня, поэтому согласилась. Я собираюсь выйти замуж и представляю, как будет выстроена моя жизнь дальше, поэтому меня не пугает перспектива увольнения.

Никого не слушайте, ездуйте спокойно, пусть все у Вас получится.

С уважением, Мария».

Минут десять не могла заставить себя написать фразу, где извиняюсь перед Димкой, горько смеялась своему выражению в зеркале, когда писала про замужество и будущую устроенную жизнь, да и с «уважением» было непросто. Но вот оно, готовое, лежит передо мной. Оставлю его здесь, подпишу его «Д.Б.».

Больше здесь меня ничего не держит...

Однако не смогла заставить себя пройти равнодушно мимо комнаты Димки. Дверь была приотворена. Так и хотелось посмотреть на него еще раз, как он там! Все ли в порядке? Не случилось ли чего?

Но я пересилила себя. Тем более такси дало сигнал, что уже заждалось.

Прощайте, значит, прощайте!

Люди и книги

Мария пробыла дома буквально пару часов и напрямиком устремилась на базу. До главной игры оставались всего сутки.

На работе все кипело: разные тренеры давали свои рекомендации, в других кабинетах строилась тактика, в просмотровом зале доразбирались наиболее важные моменты построения обороны соперниками, а также их выход из обороны в атаку и так далее — у каждого было свое дело, а то и несколько.

Мария бродила по всем комнатам, будто уже прощалась. В бильярдной, где обычно шумели голоса, было непривычно безмолвно, даже в столовой не было ни души, кроме обслуживающего персонала, да и те только и делали, что говорили о предстоящем матче.

Некоторые игроки полушутя или даже серьезно возмущались, что Маша оставила их в таких обстоятельствах, когда следовало бы быть рядом. Только Егор непривычно молчал, выжидая момент остаться наедине.

– Ну, как?

– Ему лучше.

– А тебе? — он посмотрел более пристально.

– Было нелегко. Справлюсь. Спасибо.

– За что?

– За то, что не сомневался. Это очень ценно.

– Но я же вас знаю.

– Я вас тоже. Поэтому все получится. Разрешите вас обнять? А то, боюсь, случая может больше не представиться.

Егор широко улыбнулся. Маша растворилась в его объятиях, надеясь передать ему капельку энергии и хотя бы частичку удачи.

– Вам надо идти, — напомнила она. Футболист отдал честь и помчался догонять остальных.

Затем был неприятный разговор с Кротовым. Маша говорила кратко. Сказала, что Березин встал на ноги, но травма дает о себе знать. И что он не собирается продлять контракт, насколько ей известно. Президент поблагодарил ее за работу, ничего не добавив.

Добравшись до кабинета, Маша была вынуждена еще раз пересказать всю историю Николаю Степановичу. Тот только покачал головой:

– Чему быть, того не миновать. Всеу свое время. Иногда приходит время собирать камни...

– Или вещи, — добавила Мария.

– Я расскажу про вас друзьям, не останетесь без работы.

– А вы?

– За меня и подавно не стоит волноваться.

Психолог выглядел, мягко говоря, не бодро. «Что ж, и ему непросто», — заключила Маша.

Ей не хотелось оставаться дольше в кабинете: за то время, что она знала профессора, у нее сложилось стойкое впечатление, что он умеет читать мысли, если посчитает нужным. А мысли девушки были тяжелыми. Но, как ни удивительно, иногда тяжелую ношу легче перенести в себе, чем делить с другими, у которых и так свои кандалы или, наоборот, они не привыкли к тяжестим, и груз их просто раздавит...

Одним словом, Маше не хотелось жаловаться, сетовать, хотелось собраться с мыслями. И себя собрать заодно. Она вышла погулять по территории, подышать весенним воздухом. Прошла мимо первого тренировочного поля, потом второго, того, где с Димкой проверяла свою гипотезу. Присела на лавку, ту самую, под окнами психологического кабинета и архивной.

С обратной стороны комплекса находился небольшой парк с уютными скамеечками, кленами и клумбами. Воздух, как всегда весной, казался необычайно живым и певучим...

Но уединение девушки нарушил Философ. Этот угловатый, вечно взъерошенный курчавый парень в джинсах, клетчатой рубашке, да еще и в очках производил впечатление скорее подростка-геймера или хакера, нежели известного футболиста. Всегда на своей волне, всегда в своих мыслях, не слишком контактный, но зато бесценный на поле своей созидательной способностью и склонностью к нестандартным решениям. Именно таким его знала Маша. Он обычно ни на что не жаловался, тесты проходил исправно и без пре-

реканий — идеальный подопечный. Футболист восстанавливался после травмы, пропускал завтрашний матч, поэтому имел возможность организовать время по собственному усмотрению.

— Можно с вами? — поинтересовался он, намекая на прогулку.

— Пожалуйста, — согласилась Маша. — Давно хотела у вас спросить, как вы играете без очков?

— Я нормально вижу, — он заторопился спрятать очки в карман, — это чтобы читать было удобней и глаза не уставали, по привычке ношу.

— Это похвально, сейчас мало кто так много читает, как вы.

— Это как сказать, если сравнивать объем прочитанных мной страниц книг и просмотренных Тони новостей в Фейсбуке, то еще неизвестно, кто победит, — справедливо заметил он.

— Вы правы, главное, не *сколько* читать, а *что* читать.

— Вы знаете, что существует теория, якобы опыт, перенятый из книг, фактически равняется жизненному опыту?

— Интересная теория... А вы хотели бы уметь читать людей так же, как книги?

— Понимаю, что вы имеете в виду — читать мысли, понимать других людей. Но, видите ли, книги тоже не каждый умеет читать, не все могут заметить смысла за словами. Для многих слова — это только слова. Но мы-то с вами знаем,

что это не так. Уметь читать мало, надо уметь вчитываться.

— Но вы так и не ответили, а если применительно к людям? Нужно ли тут «вчитываться»?

— Вам — да, вы же психолог. А мне... Затратно это, вчитываться. Это все равно, что в себя впускать, что человека, что книгу. Это не всегда в радость, иногда остается тревога, боль... Но, с другой стороны, столько всего не почувствуешь, если не попробуешь. Тут каждый решает за себя.

— Почему вы отдаете предпочтение книгам, а не людям?

— К книгам можно почитать аннотации, отзывы, посмотреть биографию автора, в конце концов, бросить ее, если совсем не хочется читать. С человеком так не сделаешь.

— Да уж, не сделаешь.

Философ задумался: то ли Маша искренне согласилась с ним, то ли усмехнулась.

— Как думаете, выиграем? — решила узнать мнение футболиста девушка.

— Нам бы чудо и мы обязательно выиграем.

— Где же его взять?

— Обычно чудеса происходят сами собой, — пожал плечами парень. — Извините.

Филу пришла эсэмэска.

— Ребята просят зайти в зал, пойду, посмотрю, что случилось.

Маша пошла за ним, чуть медленнее. Ей тоже было интересно, почему его так срочно вызывают.

Девушка немного задержалась в дверях. А когда заглянула внутрь, то была вынуждена остановиться: посреди зала стоял Димка на костылях, весь облепленный футболистами, тренерами, вспомогательным персоналом. Слышались возгласы: «Нам говорили, тебе после операции несколько недель в больничке!» «Ну, что, в основу его?» «Нагрузи-ка его, а то халявничает!»

Девушка, как замороженная, смотрела на эту картину: даже Николай Степанович был тут и по-отечески трепал парня за плечо. Лишь Кирилл стоял чуть в стороне и, как обычно, казался нахмуренным. Но тут Березин подошел к нему и что-то прошептал. Теперь Наваров казался крайне изумленным.

Надо было бы тоже подойти. Спокойно. Нейтрально. Как в письме. Но вряд ли получится. Лучше уйти. Однако минута промедления сыграла свою роль: Димка, словно искавший кого-то, наткнулся глазами на Машу, они встретились взглядом. Этот немой разговор, когда каждый старался не сказать что-то, длился всего пару мгновений. Девушка выскользнула из комнаты, взлетела по лестнице, поднялась в кабинет и захлопнула за собой дверь.

Боковым зрением она заметила знакомую чуть сгорбленную и прихрамывающую фигуру,двигающуюся из противоположного крыла. Странно, там только кабинет Светланы Сергеевны... и Аниюты.

Что ж, Стрелок тоже достоин счастья, заключила девушка.

Матч был тяжелым. Команды осторожничали, один гол мог решить все. Маша сидела на своем привычном месте рядом с профессором, еще одно место занял Фил. Димка тоже был на трибуне, правда, выше, в VIP-ложе. Надо отдать ему должное, Березин сделал все, чтобы поднять дух команды. подбадривал ребят перед игрой, раздал несколько интервью, в каждом из которых с теплом и уверенностью высказывался о предстоящей игре, обходил стороной вопросы о собственном самочувствии и перспективах в команде, говорил, все после матча.

Нервная игра, но яркая и эмоциональная. Качели. Егор все тащил на себе. Или почти все. Оборона соперника тоже выглядит слаженно. Кто же победит?! Кто справится? Кто выстоит? Кто в решающий момент возьмет игру на себя?

Открылся, забегание, тонкий пас, удар, вратарь отбивает перед собой, подбор и... ГОЛ! Первым на добивании оказывается Кирилл. Как потом он скажет в интервью, этот гол футболист посвятил Березину. Никто, кроме этих двух людей не знал, что одно искренне сказанное «Прости» смогло растопить лед, копившийся годами.

После финального свистка на поле творилось нечто невообразимое: футболисты благодарили трибуны, раздавали автографы, менялись футболками... Болельщики не щадили ни стадион, ни себя, крича, топая ногами, разжигая фаеры, стремясь пробраться поближе к центру.

Всю последующую ночь они праздновали, праздновали

так, что потом много чего можно было вспомнить: и уроненный кубок, и африканские танцы, и провокационные селфи. Но Маша этого всего уже не видела. Она тихонько ушла, когда команда благодарила зрителей. У нее на руках было подписанное заявление на сессию, а потом, будет ли вообще Маша работать клубе? Может, это последний матч, который она видела со ставшего любимым места на стадионе?

Все могло быть. Вот только слез не надо. Не здесь, не при тысячах свидетелей. Хотя, заплачь она сейчас, все бы восприняли это как огромную радость. Радость была. А еще было облегчение. Смесь ликования и горечи очень взрывоопасна. Ликование — для всех. Горечь — для себя. Поздравила Философа, профессора. Не смогла удержаться, бросила взгляд наверх, на VIP-ложу. Димка был, как обычно, в очках, но стекла не могли скрыть его довольную ухмылку.

До свидания, стадион! До свидания, команда!

В каждой книге нужно однажды поставить точку.

Даже сильные бывают слабыми

Три недели спустя

Егор робко постучал: ему не открыли, он попытался заглянуть в окна, но света не было, и понять, есть ли кто-то внутри, не представлялось возможным. Вероятно, внутри спят. Добраться было непросто, хоть дорогу он несколько раз сверил по электронным картам, не доверяя навигаторам. Прекрасное июньское время, когда все свободно дышит, живет, расцветает и превращается в новую жизнь...

Сердце как-то особенно забилося, обычно спокойный, уверенный, сейчас он не мог заставить себя снова поднять руку и постучать. Развернуться и уехать обратно? Наверно, самая мудрая мысль. Маша сказала ему когда-то, что иногда лучшая помощь человеку — просто его не трогать, оставить в покое, но сейчас дело идет о жизни и смерти.

Стал колотить так, что мертвого из могилы поднять можно было бы, но в ответ тишина. Минуту спустя в одном из окон вспыхнул свет, потом раздались неспешные шаги. Дверь открыла Маша.

Жмурясь и пытаясь сфокусировать взгляд, она всматривалась в Егора и будто бы затруднялась узнать.

– Проходи, — наконец, бесцветно выронила она.

– Мы на «ты»? Как непривычно! — попытался сострить

футболист, но девушка проигнорировала этот выпад, чего раньше не случалось.

— Теперь неважно, я же у вас почти не работаю, — все также безлико отчеканила Маша.

— А я слышал, что ты просто в учебном отпуске...

Они прошли в зал, но хозяйка даже не предложила гостю сесть.

— Зачем приехал? Что-то случилось?

Глаза припухшие, лицо осунувшееся, волосы хаотично разбросаны по плечам... Все ли с ней в порядке?

— Пока нет, но...

— Тогда можешь ехать обратно, — махнув рукой в сторону двери, заключила девушка.

— Дай договорить, может случиться плохое, нужна твоя помощь!

— Это не ко мне, у меня через неделю защита, мало времени.

— Только ты можешь помочь, а мы теряем время! — не выдержал Егор.

— Вряд ли я могу сейчас кому-нибудь помочь, — эта гримаса должна была напоминать иронию. — Если не хочешь уходить, можешь остаться здесь, а я пойду дальше спать.

При этих словах Маша развернулась уйти, механически выключила свет так, что лучи, доходившие из коридора, создали полумрак.

Вдогонку ей Егор бросил:

– Это профессор, он сказал, что ты знаешь, что он оставил тебе среди прочих бумаг письмо, но ты ни слова не сказала, видимо, приняла его решение. Ты хоть поняла, о каком решении он говорил?

– Не было письма, — сначала все также апатично и безапелляционно заверила она, потом добавила с едва уловимым сомнением, — хотя... там были какие-то бумаги, но я все равно не понимаю...

И правда, профессор в момент их последней встречи передал ей папки с какими-то бумагами, чтобы она посмотрела, если у нее будет время. Но времени не оказалось. Во всяком случае, для этих бумаг. Ассистентка психолога все-таки вышла и прикрыла за собой дверь. Она двигалась почти бесшумно, как будто на автомате.

Егор остался в одиночестве и задумался: неизвестно, кого еще больше нужно спасать: профессора, прожившего насыщенную жизнь, имеющего право на собственный выбор, или эту девушку, которая так сильно старалась помочь другим, что сама теперь экстренно нуждается в помощи? Под мерное тиканье часов глаза стали закрываться сами собой, тем более переезд был длительным.

Девушка вернулась минут через двадцать. Она зажгла свет и протянула футболисту листы исписанные мелким витиеватым почерком.

– Прочти, это оставил мне Николай Степанович.

Сама Маша только бегло пробежала глазами по строч-

кам, исписанным знакомым почерком, уловив его суть. Она не могла заставить себя прочесть письмо полностью.

– Ты уверена? Это же глубоко личное.

– Читай вслух.

Письмо

(из заметок Николая Степановича, адресованных Марии)

Дорогая Маша! Это не только обращение, но и искреннее признание Вашей значимости для меня. И, правда, за последние годы Вы стали для меня родным человеком. Я могу писать это открыто, потому что, когда Вы прочитаете эти заметки, мы уже не будем связаны уставными отношениями и профессиональной этикой.

Вспоминаю, когда впервые увидел Вас: робкого галчонка с огромными зелеными глазами (до сих пор не могу привыкнуть к многообразию оттенков Ваших глаз!). Вы были на удивление внимательны, вдумчивы. Вы были алмазом, который так блестел среди полудрагоценных камней и безделушек, что приходилось отводить взгляд, дабы не ослепнуть.

Именно поэтому я спрашивал Вас чаще других, требовательнее других, больше других. Именно поэтому давал Вашей группе творческие дополнительные задания — мне было интересно, как Вы с ними справитесь. По той же причине я поначалу даже придирался к Вам — боялся, что драгоценный камень окажется дешевой подделкой.

Не могу позабыть Ваше изумление, так явственно вы-

ступившее на Вашем лице, когда недвусмысленно намекнул, что хотел бы, чтобы Вы выбрали меня в качестве руководителя своей первой курсовой работы. Вы тогда так смутились, растерялись. Но, как обычно с Вами бывает, справились с волнением и даже улыбнулись.

Я оценил Вашу работоспособность, инициативность, основательность, ответственность, живость. Поэтому, когда мне понадобился помощник, я не стал искать человека с огромным стажем и костным мышлением, а взял Вас — молодую, творческую натуру.

Надеюсь, Вы простите мне, что первые месяцы не давал вам серьезной работы: это не связано с Вашими личностными или профессиональными качествами, просто футболистам и персоналу нужно было привыкнуть к Вам, чтобы эффект новизны не сыграл для меня или Вас дурную шутку. Все-таки они молодые мужчины, а Вы (извините за нескромность) — неопытная девушка. Кроме того, я проверил в деле Вашу способность действовать в ситуации монотонности, умение ждать, проще говоря. Проверку Вы прошли.

Первое дело было для Вас успешным, это надо признать. Вы, наверно, долго ломали голову, намеренно ли я оставил свой пост на балконе в истории с Кириллом Наваровым. Отвечаю — и да, и нет. У меня, и правда, были дела в это время, но, конечно, я бы не обратил на них внимания, если бы не был полностью уверен в Вас.

В истории с Беговым Вы тоже показали себя с лучшей стороны. Думаю, Вы уже поняли, что я был его сопровождающим. Егор хитрым финтом вывел меня из игры, как сказали бы наши аналитики. Но я не очень-то и старался: иногда человеку нужно дать время, чтобы разобраться в себе и в своих проблемах. Но после того как Егор не вернулся вовремя, я дал себе зарок, что на будущий раз не допущу подобного. К тому же, я уже не так молод, чтобы бегать по лесам за юношей в расстроенных чувствах. Да и не так привлекателен, чтобы отвлечь его от мрачных или пагубных мыслей. Другое дело Вы. Для Вас не будет откровением, что именно для таких случаев я и взял Вас на работу — девушку, хоть и подающую надежды, но лишенную преимуществ в виде опыта работы в нашей непростой сфере понимания человеческой души.

В деле с Чижовым все не так однозначно. Помню Ваш обиженный, озадаченный взгляд, когда я предложил необычное лекарство для израненной души футболиста. Был ли я уверен в счастье молодой пары? Нет, стопроцентной уверенности в том, что Ваша подруга обретет счастье с Павлом, у меня не было. Но 40% я бы гарантировал точно. Знаете ли Вы молодые пары, где этот процент заведомо выше? Они подходят друг другу: для обоих любить — повседневное, обыденное состояние, а не какое-то чудо, к которому долго идут. Они привыкли любить всегда, причем желательно здесь и сейчас... Если бы не Лика, все было бы хорошо. Пар-

ня нужно было отвлечь. Да, это не совсем гуманно. Но Вашу подругу мы ни в коем случае не использовали: она сама приняла решение, знала ситуацию. Тем более, такие люди быстро отходят, находя новый предмет своей страсти. Так что перестаньте себя винить.

Теперь мой отъезд. Тут тоже нужны пояснения. Я уехал в Минск искать свою семью, потом в США, я через знакомых отслеживал ситуацию и имел все права гордиться Вами. Вы не знаете, но я приехал раньше срока и пристально наблюдал за Вами с трибуны. Надеюсь, Вы смирились с тем, что ящики в моем столе оказались заперты. Да, я знаю, что Вы пытались их открыть, но природная порядочность помешала Вам воспользоваться искусственными средствами. Ну, ладно, я предполагаю — уверен на 97%. Почему? Да потому что вы человек, как бы некоторые не считали, что Вы машина для считывания человеческих пороков (это распространённое заблуждение, которое касается практически любого психолога). Вспоминайте Курта Левина. Любой нормальный человек на Вашем месте поступил бы также.

Признаюсь честно, оригинальность Вашего метода работы с Магомедом приятно удивила меня, Ваше умение найти подход даже к человеку закрытому дорогого стоит применительно к нашей профессии. Но есть и одно упущение (а может быть, еще одно достоинство) — Вы всегда остаетесь человеком. Погружены в свои проблемы, заботы, хотите помочь окружающим...

Всем не поможешь. Даже большинству не поможешь. Помогите хотя бы одному человеку, этого будет достаточно. А потом уже можно браться за следующего. Если уж разговор пошел именно так, то берегите себя. Не расточайте силы понапрасну, работайте над собой и философским отношением к жизни. И, конечно, будьте счастливой. Не допускайте моих ошибок — богатство сознания иногда черевато бедностью отношений.

Дело Березина было для меня особо показательным. Наверняка история моей предыдущей ассистентки могла стать для вас уроком. Но, как известно, любовь зла. И не всегда злодеи — это амбаловидные сверху донизу татуированные мужчины. Вспоминайте нашего общего друга Эйнштейна. Все относительно. Злодей в одной и той же ситуации, но с разных точек зрения легко может утратить свои злодейские качества, и даже приобрести обратное. Я к тому, что Дмитрий мог стать для вас большим несчастьем. Как, справедливости ради, и большим счастьем. Но, к удивлению, Вы не поддались его чарам. Быть может, Ваше сердце уже забронировано другим посетителем. Я помню Ваши метания, прошу извинения, если где-то перегнул палку.

Надеюсь, Вы простите меня и за то, что предложил Вашу кандидатуру, когда нужно было спасти Березина. Да, именно я предложил Кротову отправить Вас, но не знал, какие кабальные условия он вам поставит. Был почти уверен,

что справитесь, но не предугадал, в какую ловушку попадете. Дамоклов меч висел над нами и раньше: Кротов хотел отдалить нас от дел еще до полуфинала Кубка, будто бы мы с Вами (только вдумайтесь!) разлагаем дисциплину в команде. Тогда удалось отговорить. Вторая попытка состоялась, когда Дмитрий травмировался — это тоже поставили нам в вину. Но я был вынужден сказать Кротову, что именно Вы — наше спасение, чтобы доработать до конца сезона и не бросить команду перед таким важным матчем. Теперь Вы все знаете.

Заметьте, после истории с Анной я зарекся брать к себе на работу молоденьких студенток (до этого выбирал мужчин с приличным опытом работы, хотя, откровенно говоря, они долго у нас не задерживались — виной всему мой характер, поверьте, я знаю, что работать со мной непросто). Но Вы вынудили меня дать вам шанс...

Однажды Вы спросили меня, что такое любовь. Я не дал вам ответа, потому что такой простой на вид вопрос на проверку оказывается значительно сложнее, чем кажется. До сих пор не знаю однозначного ответа. Мы заставили меня задуматься, и вот мои мысли. Любовь — это когда время идет, а ты видишь человека таким, каким он был еще тогда, когда чувства только зародились. Другими словами, любовь — это возможность остановить время. Новые морщинки на лице любимой женщины только украшают ее. Любовь — когда каждый день открываешь в чело-

веке что-то новое. Когда злишься, негодуешь, обижаешься, разочаровываешься и все равно возвращаешься...

Мне будет Вас очень не хватать. Знаю, по своей природной доброте и благородности Вы постараетесь найти меня и оказать мне всю возможную помощь. Прошу Вас, не надо! Мне хотелось бы навсегда остаться в Вашей памяти тем самым Учителем: серьезным, строгим, всезнающим, экспериментирующим со своей судьбой и судьбами других людей. Не срывайте с меня маску! Ведь за ней может скрываться обычный пожилой мужчина, почти старик, много повидавший, много переживший, отчасти разочаровавшийся в своей жизни. А я этого не хочу.

Обещайте мне одно: если поняли, что обеспечит вам долгосрочное счастье, не бойтесь обстоятельств, предрассудков, мнения толпы или даже самых близких... Верьте себе.

И еще, я никогда особенно не верил в Бога, но зато всегда верил в Человека. И особенно — в таких людей как Вы.

С уважением, Ваш благодарный учитель, Н.С.

Егор многое из того, о чем прочитал, не мог понять, но оценил искренность профессора и посмотрел на него по-новому.

Маша закрыла лицо руками, но слез не было.

– Насколько ему плохо?

– Очень.

– Мне жаль, но что могу сделать я? — обреченность и го-

товность смириться сквозили в каждом слове.

– Маша, ты ли это говоришь?! Да от одного вида твоего ему лучше станет! Если ли ты, конечно, как бы это лучше сказать, немного приведешь себя в порядок...

Маша коснулась рукой волос, но парень говорил далеко не про прическу.

– Мне все равно. Я и так в порядке.

Понимая, что дело не ладно, Егор решил сменить тактику, надеясь, что поездка прогонит хандру.

– Хорошо, пусть ты не поможешь, но хотя бы проститься... Или на это тоже нет времени?

– Проститься...

Мария задумалась.

– Все умирают. Даже звезды. Только звезды умирают долго и мучительно. И продолжают жить даже после смерти либо в виде сверхновой звезды, либо в форме черной дыры. Все зависит от «веса» звезды до смерти... Проститься нужно. Поедем завтра?

Егор напряженно слушал тираду про звезды и все больше убеждался в том, что девушку нужно увезти отсюда как можно скорее.

– Нет уж, лучше сейчас, полчаса тебе хватит?

Маша осознала, что дело не требует отлагательств.

– Да, вполне.

Ровно через полчаса автомобильные фары разрезали мрак летней ночи. Стрелки часов остановились на половине тре-

тього.

Маша отвернулась к окну и смотрела в него совершенно невидящим взглядом, Егор безуспешно пытался начать разговор.

– Что-то случилось? — допытывался он.

– Нет, все в порядке.

– И это ты называешь порядком?! Ты же никогда не опускала руки, никогда не сдавалась без боя, что произошло?

– Я поняла, что это бессмысленно, что все должно идти так, как идет, любое вмешательство бесполезно, — девушка все также продолжала смотреть в окно.

– Как это бесполезно? Что за бред?!

– Так получается, это никому не нужно.

– Мне нужно.

– Это тебе только кажется, — прошептала Маша снова и закрыла глаза.

Минуту спустя Егор чуть слышно проговорил: «Ты мне нужна». Если бы Маша посмотрела на безымянный палец футболиста, то поняла бы, что там чего-то не хватает.

Парень замедлил ход, остановился на широком мосту. Повернулся к девушке, дотронулся руками до кончиков волос, потом коснулся их губами, поднялся чуть выше к вискам, скулам... Маша не сопротивлялась и не открывала глаз.

– Так не пойдет! — решительно заявил Егор.

Он отодвинулся от девушки, вышел из машины, потом приказал ей:

– Пойдем!

– Я не хочу.

– Пойдем, пойдем, будет прелюбопытнейшее зрелище!

Один известный (а я надеюсь, это так) футболист будет прыгать с моста. Он давно хотел это сделать. И даже заявил, что если человек сочтет это необходимым, то всегда подвернется нужный мост. Может быть, это он? По-моему, не плох!

Маша через открытую дверь автомобиля увидела, как парень идею к ограждению.

– Плохая шутка, — равнодушно зевнула девушка, но краем глаза продолжала следить за футболистом. А тот даже не обернулся, а шел дальше.

Нехотя, Маша выбралась из машины и пошла вслед за ним.

– Хватит ломать комедию!

– Это не комедия, — это жизнь! Хотя... второе совсем не исключает первое.

– Совсем с ума сошел?! — у Егора, и правда, вид был человека нездорового: глаза горят бешеным блеском, губы скривились в злой усмешке.

– А что? Ты же сама говорила, что жизнь идет, как идет, и не стоит вмешиваться? Вот я и иду, и прыгну с моста. Тебе же все равно, так же должно быть. Я же этого давно хотел! И, если бы не ты, вполне возможно уже сделал бы! Ничего, скажешь себе потом, что такова моя судьба, — Егор говорил, а сам перебирался через ограду, — что я сам так решил, —

перекинул одну ногу, — что нужно будет прийти со мной проститься, — перекинул вторую, — что все в итоге бывает к лучшему, — пошатнулся на самом краю.

— Чего ты хочешь? — чуть слышно произнесла Маша.

— Ты что-то сказала? — намеренно переспросил он.

— Ты не прыгнешь!

— Посмотрим, — подмигнул ей Егор и занес ногу вперед.

— Чего ты хочешь? — прокричала девушка на бегу.

— Скажи, чтобы я остановился.

— Стой, так пойдет? — заторопилась девушка.

— Нет, больше души, побольше, — потребовал Егор все в той же насмешливой манере.

— Стой!

— Теплее, но без чувств, не верю, наверно, пора прощаться.

Егор оторвал руки от ограждения, балансируя на узком краю.

— Да остановись же ты, наконец!

В последнюю фразу было вложено столько, что Егор отвлекся, обернулся, забыв на мгновение о своем шатком положении, что могло стоить ему жизни. Но Маша подбежала к нему сзади, схватила за одежду и невероятно спокойным и уверенным голосом приказала: «Держись!» Парень отдышался. Только тогда последовала следующая команда: «Осторожно поворачивайся!»

Егор вернулся на мост, присев на корточки и опустив го-

лову.

– Что это было? Я, конечно же, знала, что ты балбес, но не настолько же, что на тебя нашло?! Ты будешь мне отвечать или нет? Ты что, плачешь?

Маша аккуратно присела рядом с ним, отвела его руки, заставила распрямиться. Тут она обомлела: Егор улыбался.

– Ты злишься на меня?! Давай, скажи хоть что-нибудь!

– Дурак, полоумный, сумасшедший... Еще добавить?!

Маша кричала, а слезы градом лились у нее из глаз, чтобы скрыть это, она старалась отвернуться либо закрыть лицо руками.

– Ты вернулась!

До девушки стало доходить, что здесь не все так просто.

– Подожди... Ты не думал сброситься с моста?

– Нет.

– Это ты сделал для меня?

Егор кивнул.

– Чудовище! — прошипела Маша и бросилась к машине. Футболист догнал ее, за что получил несколько увесистых ударов в бок. — Ты хоть понимаешь, что я чуть не поседела? Чуть от страха не умерла? Ты это понимаешь? — к словам примешивались слезы. Их становилось все больше и больше. Они буквально обрушились на Егора, а он только улыбался и гладил девушку по волосам.

– Сама виновата. Твои приемчики. Может, я и хватил лишнего, но что ты предлагаешь делать?!

– Зачем это? Так нельзя, не понимаешь что ли?!

– Ты так и не поняла, зачем все это? — Егор отстранил Машу. — Мне пойти под машину броситься, чтобы до тебя дошло? Профессору реально очень плохо, ему нужна помощь, а не жалость и готовность смириться!

Маша отвернулась и пошла в противоположную сторону, ее плечи продолжали вздрагивать, она пыталась глубоко и ровно дышать.

Ночные пейзажи раннего лета прекрасны: одинокие фонари отражались в воде, где-то высоко сияли всезнающие немые звезды, проезжающие машины нарушали тишину, придавая жизни этому спокойному краю...

– Пойдем, скоро будет светать, а еще много дел, — осторожно напомнил Егор, подойдя к ассистентке психолога сзади и дотронувшись до ее плеча.

– Да, пойдем. Только ты впереди, а я следом.

Вернувшись в машину, Маша первым делом посмотрелась в зеркало.

– Ну, у меня и вид, не смотри на меня, — сказала девушка и при этом у нее непроизвольно приподнялись уголки губ.

– Ого, ты улыбаешься?!

– Да, представь себе, такое со мной иногда случается.

– И даже подтруниваешь?!

– Я еще не начинала, а вы следите, пожалуйста, за дорогой, — указала с серьезной усмешкой Маша.

– И мы снова на вы?! Вот уж неудача! Неужели вернулся

психолог? Я говорил, что девушкой вы мне нравитесь больше?

— Кажется, что-то такое припоминаю... — девушка сделала вид, что очень задумалась. — Дай мне десять минут, — мягко и даже нежно произнесла она. — Можешь включить свою любимую музыку с колотушками.

Егор сделал погромче, и некоторое время в салоне автомобиля раздавались ритмические звуки в стиле рок. Девушка закрыла глаза, а Егор поглядывал на нее, думая о том, какой она будет, когда откроет глаза. Если не заснет окончательно.

Но Маша ровно через три песни разомкнула веки, потянулась, сделала потише и, вся выражая внимание, скомандовала:

— Рассказывай.

— Что рассказывать?

— По порядку все говори, как узнал про Николая Степановича, какие новости в клубе? Давно ли профессор в таком состоянии? Почему я узнаю об этом только сейчас?

— Как много вопросов... А ты не читала новости, не заходила в сети? Не общалась ни с кем из наших? Что же ты тогда делала?

— Об этом потом, рассказывай уже!

— Даже не знаю, с чего начать...

— По порядку, все, что было после матча.

— Ну, на следующий день, а точнее всю ночь мы праздنو-

вали, праздновали до утра. Были все, кроме тебя, даже профессор пришел. Правда, они с Димкой быстро ушли. А потом опять начались тренировки, подготовка. Я как-то зашел к Николаю Степановичу по делу, а он мне показал твои кактусы.

– Мои кактусы?!

– Да, у тебя весь стол в кактусах, разных таких, некоторые даже цветут, я сам удивился. Тебя нет, а кактусы есть.

– Может, кого-то уже взяли на мое место, оттуда и кактусы?

– Нет. Я спросил у профессора, он сказал, что это твои, и что ты в учебном отпуске. Кстати, если бы не кактусы, я бы не узнал, что случилось с психологом, но об этом после. Тебе еще интересно?

– Конечно, еще спрашиваешь!

– Через пару дней Димка дал интервью. Ты его, конечно, видела?

– Говорю же тебе, что нет!

– Рассказывать про интервью?

– Давай без предисловий! — поторапливала Маша.

– Он говорил, что у него тяжелая травма, что ему сказали, на карьере можно поставить крест, что психологическое состояние его было удручающим. И что ему помогли клубные психологи, особенно хорошо про тебя вспоминал, сказал, что отличный психолог, что без тебя не справился бы...

– Не похоже на него, он же так кичился всегда своей са-

моуверенностью, хотел быть неуязвимым в глазах других... Признайся, ты меня разыгрываешь?

– Если бы, мы сами поразились, такие вещи обычно не говорят, тем более, когда новый контракт еще не заключен. В таких случаях не принято на весь мир заявлять о своих проблемах. Но он сказал. Еще добавил, что сначала поедет в Германию на обследование, а потом на просмотр в какой-то зарубежный клуб. Вот такое интервью.

– Да уж, что на него нашло?

– Тебе видней. Честно?

– Да.

– Мы все подумали, что это из-за тебя, что ты с ним поедешь и все такое...

– Какой бред!

– Сама посуди! Сразу после твоей поездки ты берешь отпуск и исчезаешь из поля зрения, а Димка на всю страну рассказывает, какая ты хорошая и тоже уезжает. Об этом даже в газетах писали. Много было и в сети догадок. Что ты смеешься?

– Просто нас с Березиным все уже не первый год пытаются поженить, глупость какая! Неужели и ты поверил?

– Были сомнения, я же видел, какая ты приехала. Но поговорить толком не удалось, а шумиха была нешуточная. Вернемся к профессору. В это же время он куда-то исчез. Его не было несколько дней. Как уже говорил, я заходил в кабинет периодически поливать кактусы, где-то с неделю назад я

как раз был там. Вдруг позвонили. Сначала не хотел брать, но потом подумал, вдруг что-то важное. Звонили из клиники, врачи очень волновались за профессора, сказали, что он совсем плох, не хочет лечиться, что нужно найти людей, которым он доверяет, чтобы они поговорили. Я тогда сразу понял, что дело серьезное и решил съездить немедленно.

Тут же в коридоре столкнулся с Протасовым, это наш новый заведующий музеем клуба.

– Женей?

– Да, а что?

– Ничего, продолжай.

– Он спросил, какие новости. Я рассказал про состояние профессора. Одним словом, мы поехали к нему вместе. Кстати, Женька или кто-то из его ребят постоянно дежурят у профессора на всякий случай. Николай Степанович отказывается проходить курс лечения, принимать таблетки. Как будто не хочет бороться. Твердит, прямо как ты недавно, что стоит смириться, что все так должно быть...

Прости, это было грубо с мостом, но ты бы видела профессора... Ладно, бог с ним, но когда ты заговорила этими же словами... Что надо сдать, что все бесполезно... Я не мог этого слушать. Простишь?

– Дай подумать, — последовала колючая улыбка. — Пожалуй, прощу. Но если ты еще раз задумаешь сброситься с моста, зови, я сама тебе в этом помогу.

– Понял, — усмехнулся Егор.

Маша только сейчас осознала, что Егор, несмотря на внешнюю колкость и ироничность, похож на солнышко. Не только по виду, типичной русской наружностью, но и каким-то душевным светом, душевной ясностью. Как будто он всегда чувствует что хорошо, что плохо. И даже когда ошибается, не стыдится признать свои ошибки. Одно из лучших человеческих качеств.

Вообще людей условно можно разделить на два типа — люди, похожие на солнце, и люди — черные дыры. Последние забирают улыбку, радость, время, деньги, счастье... А с первыми становится лучше, даже когда всего этого уже или еще нет.

— Так вот, мы стали искать его родственников, никто о них ничего не знал...

— Почему мне не позвонили?

— Мы звонили, можешь посмотреть, но телефон был отключен постоянно, в сети тебя не было.

— У меня была другая симка. Почему тогда сейчас разыскали, а не сразу?

— Мы подумали, что ты в Германии с Березиным, раз не выходишь на связь. Поэтому и стали искать другие пути. Я попросил Костю отыскать на профессора какую-нибудь информацию. Он же в этом профи.

— Костя не уехал? — чуть не подскочила на стуле Маша, настолько она была удивлена этой новостью.

— Он ездил. Посмотрел, принял решение пойти не туда,

куда хотел отец. А на программирование, там годовичные курсы, сказал, что крутые.

– А мне ничего не говорил...

Егор только пожал плечами.

– Может, он поверил в эту историю с Березиным...

Маша подумала, что Костя решил смириться, что теперь у него в году появится еще один день, когда можно вспомнить еще одну девушку, за которую он тоже не стал бороться... Что напоминанием о ней будут красные нити, повязанные ими друг другу на запястья на крыше многоэтажки еще до всей этой истории с Березиным.

– Хороши дела, ничего не скажешь! А меня кто-нибудь спросил?! И вообще, чтобы ты знал, он ничего подобного не предлагал, — Маша кривила душой, что очень не любила, — ладно, было дело, что-то подобное говорил. Но это было в шутку или от радости, что стало лучше, не больше! Как только состояние нормализовалось более-менее, моя помощь оказалась не нужной. Мы плохо расстались, но об этом не хочется говорить... Продолжай.

– Костя сказал, что ты написала ему фамилии родственников профессора, у него была уже информация, просто он не смог ее тебе передать. Оказывается, живы его бывшая жена и внук. Костя разыскал их адрес. Он сказал, что знает этого парня, связался с ним, но парень не поверил всей этой истории, нужно было срочно представить ему доказательства, потому что дедушкой он считал другого человека.

– Как все запутано, но я так и не поняла, почему ты приехал именно ко мне.

– Потому что Костя считает, что ты сможешь его убедить.

– Почему именно я?

– Вы из одного города, учились в одном университете. И, по словам Кости, были знакомы. У меня где-то записана его фамилия... — Егор попытался на ходу порыскать в бардачке.

– Ничего, потом найдешь! Скажи лучше, почему ты решил приехать, если все думали, что я в Германии?

Егор лишь усмехнулся.

– Мне почему-то не верилось в эту историю с Димкой. Хотя кто-то в сети писал, как видел тебя у трапа самолета, куда он садился. Я еще, как только узнал обо всем этом, позвонил Полине. Она сказала, что ты в отъезде. Решил для себя, что точно, уехала. Но становилось только хуже, мне стало все равно, где ты, лишь бы заставить тебя действовать. Позавчера позвонил твоей подруге снова, чтобы узнать адрес и как-то связаться. Вот тогда и выяснилось, что ты дома. Но возникла новая сложность: никто не знал твоего точного адреса. Спрашивал у всех. Но помог мне только...

– Женя.

– Именно.

– И теперь мы едем к внуку профессора?

– Да.

– Неправильный ответ. Мы едем ко мне домой, ты отдыхаешь. А потом поедem к этому парню.

– Это будет удобно?

– Вполне. Нам ехать осталось минут тридцать.

Тут Маша внезапно порывисто и заразительно рассмеялась.

– Что? — заинтриговался Егор.

– Да так, вспомнилась наша предыдущая поездка. Давно это было, получается.

– Да, много воды утекло, — согласился парень.

– Мы даже успели поменяться местами... — намекнула девушка.

– Отчасти, к счастью, за рулем все еще я.

– А что бы ты сделал, если бы я решила сбежать?

– То есть? — голубые глаза широко раскрылись.

– Вдруг я тут с тобой специально соглашаюсь, а на самом деле, как мы только остановимся на светофоре, выбегу из машины, и ищи меня потом, — лукаво и одновременно серьезно выдала Маша.

– Я заблокирую дверь, — включился в игру Егор.

– А если я разобью окно и буду звать на помощь?

– Может, кляп тебе уже сейчас сделать?

Девушка не выдержала и снова рассмеялась.

– Вот-вот, все возвращается.

Все и правда возвращается. Может быть, не в том виде и не в то время... Но человеку всегда дается больше одного шанса.

– Ты сказал, — как-то тихо и неуверенно произнесла де-

вушка эти слова, что резко контрастировало с ее предыдущими фразами, — что я тебе нужна... Это правда?

Долю секунды длилось смущение, прежде чем Егор в привычной полусмешливой манере ответил:

– Надо же было что-то сказать!

– Значит, это так, просто пришлось к слову?

Тень разочарования легла на молодое, усталое, живое и уже ставшее родным лицо.

– Это правда.

– Приятно быть кому-то нужной.

– Кому угодно?

– Некоторым особенно.

Минуту молчали, смутившись, и делали вид, что каждый усердно занят своим делом: рассматриванием дороги и созерцанием летней природы в окно автомобиля соответственно.

– Егор, ты женат...

Его имя в ее устах звучало бережно и как-то по-домашнему.

– Был... Но давай не будем об этом. Я же не спрашиваю, что случилось у тебя там с Димкой такого, что ты три недели больше походила на приведение, чем на человека.

– Ладно, не будем.

– Прости, что сказал так грубо.

– Ничего, ты прав.

– Ты мне и правда сейчас нужна, нужен человек, который

просто будет рядом.

Маша почувствовала, что это призыв о помощи, а помогать у нее получалось лучше всего, это было у нее в крови. Она не знала, что лечить нужно раны, нанесенные ее же рукой. Вообще она много чего не знала: что Егор все последние недели, когда Маша исчезла, не находил себе места, что специально не поехал, как другие ребята, в отпуск в теплые края, что за «ее» кактусами ухаживали лучше, чем только можно было представить, и один экземпляр даже перекочевал в опустевшую квартиру голкипера. Не знала она и того, сколько всего сделал Егор для профессора, что, опоздай он на пару часов, психолог без раздумий воспользовался своим фирменным спичечным коробком. Именно футболист своим участием помог преодолеть серьезный кризис в болезни, поднял на уши врачей, работников клуба, болельщиков...

Маша не знала, что понравилась Егору в тот самый день, когда они познакомились. Тогда ему показалась, что девушка — одна из многочисленных тайных и явных поклонниц Березина, потому что она смотрела на него, полуулыбаясь и полуоценивая, поэтому и решил предупредить ее о возможных последствиях. Лишь потом, лучше узнав девушку, голкипер понял, что это была скрытая усмешка, а никак не признак бесконечной любви...

Егор тяжело переживал дружбу девушки с его братом. Он видел, как Костя меняется на глазах, как расцветает Маша, когда говорит о нем. Тут еще и Димка с его футболками,

сердцами и приглашениями на свидания. Даже Женька, фанат, мог быть рядом с ней, когда Егору приходилось держать дистанцию. Кто бы знал, чего это ему стоило! Он всегда был рядом и всегда был готов прийти на помощь. Такая преданность просто не могла не дать шанс себя проявить.

— Ты никуда не поедешь в отпуск? А как же Карибы, Гавайи, Испания, Италия, Франция и другие прекраснейшие уголки?

— Думаю, они переживут мое отсутствие. Хочу остаться в городе, посмотреть, как ты получишь диплом. Если ты и без диплома вела себя так... — он, шутя, делал вид, что подыскивает нужное слово. — То что будет потом?

— Балбес, вот ты кто, тоже мне, образец поведения!

— И, конечно же, ты уже знаешь, с кем пойдешь на выпускной?

— Если честно, еще пару часов назад вообще не думала, что пойду на него... Мне не с кем идти. И вообще видеть никого не хочется.

— Ну и зря, такое не каждый день бывает.

— А ты бы пошел со мной как... друг?

— Если бы ты о-очень попросила, очень-очень... Я бы подумал. Хотя тебя вряд ли бы можно было принять за мою... подругу.

— Это еще почему? — демонстративно нахмурилась Маша.

— Ты слишком... низкая, — деловито рассудил Егор, за что

получил колючую улыбку и кулаком в плечо.

– Одним словом, я знаю, каким будет твой положительный ответ.

Оба засмеялись. Что-то внутри Маши заскрипело, зашелевилось и пошло, то, что однажды остановилось. Внутри у нас много часов: одни из них отсчитывают минуты счастья, другие — горя, третьи — сомнения, а четвертые — спокойствия. Никто, кроме нас, а иногда даже мы сами не знаем, какие именно часы идут в такт с нашим сердцем.

Егор украдкой смотрел на Машу и думал. Сила, решил он, заключается в возможности преодолевать слабости, которых у каждого хватает. А слабость — это неумение понять или правильно использовать свои сильные стороны. Их, как он успел заменить, у любого человека немало. И еще: даже самые сильные люди порой бывают такими слабыми, беззащитными...

– Ты говорила про то, как умирают звезды... Ты это к чему?

– Да так. Когда уходят яркие личности, после них остается след. Они как будто и не умирают вовсе...

Несколько минут в салоне царила тишина, только негромко играла музыка, еще мерцали фонари, а за окнами проносилась жизнь, расцветал рассвет. В этот самый момент Маша почувствовала, как сильно она любит жить...

– Вспомнил!

– Что ты вспомнил? Как тебя зовут? Поздравляю!

– Нет же, фамилию того парня, знакомого твоего.

– Ну и?

– Она простая такая, на «К»... Керимов, по-моему.

«Не может быть! — подумала Маша. — Неужели это он?»»

Любовь и прочие эксперименты

Больница. Белые халаты мелькают, передвигаясь из стороны в сторону, где-то плачет женщина о том, кого уже не вернуть. Кто-то несет горячий кофе, чтобы выдержать еще одну вахту, возможно, последнюю. Кто-то наоборот, впервые за долгое время сегодня заснет спокойно...

— Странно видеть его так близко... Боже мой, больше тридцати лет прошло! — Нина Александровна, бывшая жена профессора, сидела вместе с Машей на скамье перед входом в палату. На ее прямые, не подвластные времени плечи был накинут все тот же пресловутый белый халат, которых и так вокруг было предостаточно.

Это была уже не молодая женщина, с морщинками вокруг наблюдательных, острых глаз — приметой жизнелюбивого человека. Вообще по морщинам можно читать человеческую судьбу. Глубокие борозды на лбу — свидетельство эмоциональности, пылкости, а иногда — отпечаток бед и горестей, который уже нельзя стереть. Да и забыть тоже.

— Профессор всегда говорит, какое время всемогущее.

— Говорить он мастак, это еще с юности пошло. Слышали бы вы, какие дифирамбы он мне пел, когда был в вашем возрасте! — Нина Александровна улыбнулась и сцепила руки в замок так крепко, что, казалось, может сломать свои

длинные тонкие пальцы.

— Как так получилось, что вы расстались? — осторожно поинтересовалась Маша.

— Молодые были, глупые. Да и сейчас такими же остались. Это большое заблуждение, что с возрастом мы мудреем. Просто на смену одним глупостям приходят другие. Он был всегда большой мечтатель, жил в своем мире, его занимало буквально все, сколько книг он перечитал, уму непостижимо! А еще у него никогда слова не расходились с делом. Именно поэтому я и выбрала его, будь он неладен!

Простите мои слова, накипело, смотрю на него и ничего поделать не могу... Как будто и не было этих тридцати с лишним лет.

По глупости ушла от него, да еще и сына забрала: ревновала к работе, считала, что недостаточно любит, мало о любви говорит, а это, может, и не надо вовсе...

Не подумайте, что я жалею — судьба она штука такая, что на роду написано, от того трудно уйти.

Вот даже наша с вами встреча... Я помню тот случай, как будто он был только вчера: Дима вернулся с прогулки раньше обычно, побитый такой, но не жаловался, ничего, обмолвился только, что упал, а соседки видели, что за девушку заступился. Кто бы тогда подумал, что эта самая девушка приведет меня обратно к Коле...

А судьба-то подстраховалась... Еще до того, как вы поступались ко мне в дом, я решила навестить того самого психолога.

лога, что спас мою внучку, Катеньку. Лена позвонила, сказала, что ему недолго осталось, посмотреть надо, помочь, если что... У меня в этом деле опыт большой: не одного пришлось выходить, да и похоронить тоже. Мы все чувствовали себя в долгу перед ним.

– Стойте, Валерий Михайлович...

– Именно. Это муж моей дочери.

– Как тесен мир!

– Дорогая, поживите с мое и вы поймете, что это не самое удивительное.

– Вы действительно не знали, кто спас Катю?

– Нет, не знала. Признаюсь честно, первое время я следила за успехами Коли, Николая Степановича, как для вас привычной. Даже когда уже за границей жила, замуж вышла, все равно старалась через общих знакомых новости узнавать. А как сына похоронила, как отрезало. Его виноватым считала, хотя он тут не причем был.

– А почему вы были против того, чтобы Николай Степанович виделся с сыном?

– Зачем раны беречь? Разошлись, так разошлись. Это теперь я понимаю, что большее ему хотела сделать, показать, как много он теряет. А что в итоге?!

– Вы были счастливы там, в Америке?

– По-своему, да. У меня был дом, семья, муж, который во мне души не чаял. Но их мужчины, между нами говоря, нашим не ровня. Слабые они, будто пластилиновые — лепи,

что хочешь. Но нам тогда как-то устраиваться надо было... А вообще, каждому свое. Нужно жить в той стране, где родился. Иначе, зачем все это?

Мужчину трудно воспитать. А я целых двух подняла — сына и внука. Андрей был более мягким, в отца пошел научным складом, только языками увлекался, ничего вокруг себя из-за них не замечал. А вот Дима характером пошел в деда — сильный, уверенный, целеустремленный, да еще и однолюб к тому же.

Когда мы еще в браке были, злые языки постоянно судачили, что у Коли романы на стороне, особенно студенток ему приписывали. А он, как получается, больше не женился...

Волнуюсь за внука, как бы у него с невестой та же история не вышла, как и у нас с Колей, девушка его с характером — на первый взгляд — божий одуванчик, а на проверку — своего не уступит. Как бы не довели они друг друга, как мы когда-то.

А вы знаете, я эти мелочи потом только ценить стала, я же за ним как за каменной стеной была, тяжестей не таскала, бытовые проблемы, конфликты — все это он разрешал. А мне все мало было...

Из-под накрашенных ресниц показались сверкающие капельки, которые тут же были снесены уверенным движением руки.

– За Николая Степановича не волнуйтесь. Я его больше не отпущу, мне приходилось видеть и делать всякое. Если

есть хоть один шанс из тысячи, чтобы ему помочь, я его найду. А если шансов нет совсем, то последние его дни будут окружены таким вниманием и заботой, каких не было даже в пору нашей супружеской жизни.

Смотря на эту сильную, стойкую, любящую женщину, девушка нисколько не сомневалась в ее словах. Такая сделает даже невозможное.

Маша зашла к профессору и тихо притворила за собой дверь. Она впервые увидела за маской все сильного и всезнающего мужчины обычного уставшего больного человека, много перенесшего на своем пути. Ее смутили даже не его бледность, бритая голова и обилие всяких трубочек, емкостей, аппаратуры. Ее поразил тот контраст, который был между образом профессора у нее в голове и тем человеком, что был рядом. Казалось, что между их последними встречами прошли годы, а не дни. Это еще раз напомнило, что все мы люди, мы можем ошибаться и, как ни печально, каждому из нас отмерен свой путь.

– Вы все-таки пришли, — чуть улыбнулся профессор, заметив ее в дверях, — я же вас просил не приходить.

– Вы же знаете, что я бы все равно пришла. А вы ничего... — Маша тщетно искала, что бы похвалить, подчеркнуть, чем бы подбодрить, — цветы у вас красивые.

– И не говорите, ваши друзья умереть спокойно не дадут. Я наедине был в последние дни считанные минуты: то фанаты ваши, то футболисты, то коллеги. Особенно Полина меня

поразила, моя палата превратилась в какую-то оранжерею, сами можете посмотреть.

Маша согласилась: женская рука придала палате почти домашний вид благодаря цветам, книгам, дискам (Полина справедливо полагала, что в больнице такой интеллектуал, как профессор, может раньше умереть от скуки, нежели от какой-то болезни).

– Можно вас попросить об услуге?

– Конечно, еще спрашиваете!

– У меня в верхнем ящике бумаги всякие, там еще спички тоже. Выбросите их, пожалуйста.

– Спички? Вы же не курите!

– Все мы люди,— философски заметил профессор, — выбросите их поскорее, пока Нина не видит.

– Хорошо.

Покончив с этой процедурой, Маша снова под села к своему бывшему начальнику.

– Я вам должен сказать, не хотел говорить раньше, думал, не к чему уже, но вы можете чем-то помочь, что-то исправить...

– Что-то случилось?

– Можно сказать и так. Помните, мы с вами снимали Брезину установку?

– Да, помню, их было две.

– Как бы мы не сняли обе...

– Подождите, как же так! Вы же сказали, что сняли только

одну, вторую!

– Я в этом не уверен. Мне тяжело это говорить, но это правда.

– То есть, врачи могут оказаться правы, и Березин не сможет больше играть?

– Да, такое возможно.

– Почему не сказали раньше?!

– Я решил, что если вы не приедете, значит, не готовы это услышать и узнать. Но вы тут, поэтому я вам сказал, как равной.

– И что мне теперь делать? Он же теперь не наш клиент!

Лицо девушки выражало недоумение. Ей было тяжело представить, что даже в таком положении, в котором оказался профессор, он думает о своих экспериментах, других работах, чужих людях. Хотя ему стоило бы уделить время себе и своей семье.

– Не смотрите на меня так. Как на умалишенного. Вы бы все поняли, скажу больше, однажды поймете обязательно. Если будете правильно смотреть. Рассказать вам одну притчу?

– Расскажите.

– Шел пастух и увидел мудреца. Тот сидел среди камней, досок, осколков, строительного мусора... «Почему ты выбрал именно это место для отдыха, ведь оно так неудобно...» — поинтересовался пеший. «Вы не можете видеть того, что вижу я», — изрек мудрец. Пастух ушел и затаил обиду: он

посчитал, что старец намекает на его глупость.

Проходил мимо солдат. Он также удивился, что мудрец решил остановиться передохнуть именно здесь. На что получил ответ: «Вы не можете видеть того, что вижу я». «Как это так? Ведь и у меня есть глаза!» — недоумевал солдат, но спорить не стал и пошел дальше.

Проезжал мимо король. Из любопытства он остановился перед старцем и задал тот же вопрос, что и предыдущие путники. «Вы не можете видеть того, что вижу я», — услышал он в ответ. Король разгневался, приказал арестовать мудреца и заточить его в темницу, еле-еле королеве удалось убедить мужа оставить старца в покое.

Проходил мимо мальчишка. «Почему ты решил отдохнуть именно здесь?» — все так же поинтересовался он. На что получил ответ: «Ты не можешь видеть того, что вижу я».

«А что мне сделать, чтобы увидеть то, что видишь ты?» — спросил мальчишка.

«Обернись».

Когда мальчик обернулся, то увидел впереди чудесный город с горящими куполами, цветущими садами, нарядными площадями и мерцающими крышами...

– Я это все к чему... Чтобы понять человека, нужно посмотреть на мир его глазами...

Не могу вас обязать ему помочь, но если он придет, не отказывайте в помощи. Пожалуйста.

– Я подумаю. Главное, выздоравливайте.

– Я подумаю, — усмехнулся психолог.

Профессор с детства обнаружил в себе талант понимать человеческую натуру. Но делал он это не так, как другие люди, он не умел чувствовать человека, но зато почти безошибочно мог просчитать, предупредить каждый его шаг. Делал он это за счет врожденной интуиции и приобретенного умения рассуждать, строить догадки и аргументированные доказательства.

Будучи человеком вовсе не эмоциональным, Николай Степанович никогда не мог себе объяснить, зачем человеку нужны чувства. Ведь это только биохимическая реакция, не более того. Но сколько от нее проблем! Сначала Николай вообще не верил, что чувства существуют. Он искренне полагал, что люди их выдумали, чтобы разнообразить свою жизнь, если не могут найти для себя Цели.

У профессора Цель была всегда, куда он себя помнил. Сначала — изучить мир вокруг себя, потом познать самого себя, а потом — людей и законы, по которым они существуют. Николай стал искать науку, которая помогла бы ему в этом нелегком вопросе. Являясь человеком высокоинтеллектуальным, он справедливо полагал, что не стоит начинать с нуля там, где уже есть проторенная дорога. После долгих поисков он остановился на психологии. Она, так же, как и профессор, ставила вопросы: кто такой человек? Что

связывает людей между собой? Почему они ведут себя так, а не иначе? Психология стала его целью, его призванием, его счастьем.

Он распланировал свою жизнь буквально по минутам: когда и что будет делать, когда совершит свое первое открытие и когда защитит докторскую диссертацию. Все было так точно и правильно размечено, так продумано, что, казалось, уже ничего не сможет нарушить сложившегося плана. Но пришла Она — незнакомка, так повлиявшая на его жизнь, та, кого он так и не смог понять по-настоящему — Любовь.

Пришла не под звуки барабанов и не под колокольный звон, а неожиданно возникла в библиотечной тишине, когда он, всегда такой сосредоточенный и одновременно рассеянный, как обычно, засиделся допоздна в библиотеке и непроизвольно задержал свой замутненный научными истинами взгляд на девушке за столом напротив.

Кто бы мог подумать, что все его стройные теории и планы разобьются о тонкие, белые, длинные пальцы студентки Нины, падут перед серьезностью ее глаз и затеряются в ее черных как смоль ресницах. Отбросив это наваждение, Николай уже тщетно пытался зазубрить очередное определение познавательных процессов. Сам того не желая, он почему-то встал сразу после того, как незнакомка покинула свое место и устремился за ней, проследив до самого ее дома.

Следующие дни он собирался в библиотеку особенно тщательно, надевал свои лучшие брюки (благо, выбор был

невелик) и мчался, будто за ним охотятся ведьмы. Наконец, долгожданная встреча случилась. Николай не мог объяснить себе, что с ним происходит и зачем он делает то, что делает, но и противиться этому не мог. Он врал себе, будто это эксперимент, что хороший психолог должен попробовать в этой жизни все, чтобы потом лучше выполнять свою работу, но все это было не более чем отговорки, так как даже психология на время перестала его интересовать.

Добиться внимания Нины оказалось непросто. Не имея опыта ухаживаний, происходя из другого круга, он испытывал много трудностей, но и это его не остановило. Тут на помощь пришла психология — он просто применял те модели общения, которые были так хорошо знакомы ему по книгам, все те уловки и тонкости, которые неоднократно описывались и в художественной литературе (в это время Николай занялся и художественным чтением). Но и этого оказалось мало. Нина искала необычного, нестандартного человека. По правде сказать, она его нашла. По мере более близкого знакомства, Николай стал раскрываться перед ней. Она увидела в нем глубокого, вдумчивого человека, способного на поступок, за это и полюбила. Николай не называл это чувство любовью, он не верил в чувства, но почему-то стал просыпаться среди ночи, носить у груди ее портрет и мечтать о том, что однажды, проснувшись, увидит рядом с собой на подушке ее каштановые волосы и пушистые ресницы.

Но для этого нужно было жениться — он пошел и на это.

Первое время молодой человек был очень счастлив, хоть и не мог полностью выразить всего этого счастья и признать-ся в нем. Время шло, и отставание в планах становилось все более катастрофическим. Он все откладывал на завтра, про-водя больше времени с семьей, но когда в семье все налади-лось, и каждый вечер дома его ждал сытный ужин, он снова повернулся к психологии, вернулся к науке. Так уж получа-лось, что любимое дело всегда захватывало его целиком. Ни-на это почувствовала, приняв за отчуждение. Она стала тре-бовать больше внимание к себе и ласки, доказательств люб-ви, а Николай считал, что внешнее выражение здесь совсем не обязательно, и не понимал претензий жены. Она станови-лась все более раздражительной и нетерпимой, нашла слабое место, на которое в других случаях никогда бы не обратила внимания — материальный вопрос, стала говорить, что их семья бедствует, что муж не зарабатывает для нее и сына. А Николай снова вместо собственной научной работы был вынужден писать диссертации другим, дабы успокоить рас-серчавшую супругу.

Он обычно ходил по дому с сосредоточенным лицом, и Нина принимала эту холодность на свой счет, между тем Николай в этот момент мог быть очень счастливым и искрен-не восхищаться своей женой или первым шагам сына. Он просто не умел выражать свои чувства, потому что считал, что их у него нет... Но с каждым днем было все тяжелее: скандалы, крики, истерики становились регулярными, а это

мешало работе. Именно поэтому, когда однажды придя домой, он нашел комнаты пустыми, психолог тотчас не бросился возвращать супругу и сына. Николай Степанович несколько дней приходил в себя, привыкал к тишине и собственным ощущениям, пытался понять, что произошло. И, как обычно, скорее не почувствовал, а вычислил, что это конец. Он не мог понять той пустоты, которая открылась в нем, той боли, которой не было объяснения... И тогда, отбросив все мысли, сомнения и доводы, бросился на поиски. Но время было упущено, а гордость Нины оставалась непоколебимой. В конце концов, психолог смирился.

Он погрузился в работу, защитился, стал преподавать, вести практику и позволил честно признаться себе (он себе никогда не врал), что Нина и Андрей были для него нечто большее, чем обычный эксперимент. А эксперименты он любил, двигался уверенно по своему плану, не сразу осознав несбыточность поставленной Цели.

Любовь еще не раз вставала у него на пути, разрушая выстроенные воздушные замки, когда он вел консультативную работу с клиентами, когда работал со студентами или просто наблюдал за окружающими. Не обращать на нее внимания больше не представлялось возможным, и он решил изучить ее и сделать своей союзницей. Профессор описал все ее физиологические, поведенческие и эмоциональные признаки, обернув их с пользой для себя и, как считал, для своих клиентов. Но так и не признал ее до конца, считал ее глу-

пой выдумкой людей. А любовь негласно спорила с ним, показывая, что иногда кроме нее помочь человеку не может ничего. Профессор поставил перед собой главный в жизни вопрос: «Что наибольшее для человека может сделать любовь?» «Может ли она спасти безнадежного?»

Нужно было найти испытуемых, благо их было рядом достаточно — футболисты, тренеры, студенты. Оценив интеллектуальные и личные качества Марии, психолог совершенно объективно и без всякой задней мысли взял ее к себе на работу, о чем ни разу не пожалел. Ему очень хотелось рассмотреть такой случай любви, который выходил бы из ряда вон. Если любовь такая непобедимая и всемогущая, может быть, она сведет таких разных людей, как Березин и Мария? Она серьезная, чрезмерно ответственная, рассудительная. Он — гуляка, не склонен к усложнению жизни, живет по собственным, одному ему понятным правилам. Что ж, любовь, если ты есть, сведи их!

Но любви не получалось, хоть профессор и предоставлял им возможность получше узнать друг друга. Возможно, у любви был на них свой собственный план. Но профессор не сдавался. Он специально внушил Кротову мысль, что только Маша поможет Березину, сам до конца не веря в успех операции. А девушка справилась. Профессор не мог найти объяснения этому явлению, так как оно не подходило под все изученное, и пришлось увидеть в этом необъяснимое, ту самую дополнительную переменную. Тут Любовь по-

вела в этой немой борьбе с рациональностью профессора. Да и сам профессор стал не тот, с каждым днем он все больше думал о потерянной семье и, возможно, потерянном счастье. Он стал снова просыпаться по ночам, ожидая увидеть рядом на подушке копну каштановых волос, стал заглядывать в комнату, где когда-то играл с сыном, оттого понял, что стареет. Психолог стал чаще ошибаться, потому что стал больше чувствовать, а лишние чувства часто приводят к ошибкам, чего нельзя допускать, когда призван помочь человеку.

А тут еще это известие о гибели сына... Николай Степанович не видел его много лет, но искренне верил, что с ним все хорошо, и что без такого отца сын значительно счастливее. После этого диагноз уже не был приговором, скорее — благополучным исходом. Похоже, и его, и Любовь переиграет смерть. Профессор привык контролировать свою жизнь, поэтому у него на этот случай была заготовлена капсула с ядом, хранившаяся среди бумаг в ящичке больничной тумбочки в коробке от спичек. Со дня на день он хотел прекратить эту борьбу длиною в жизнь.

Профессор не знал, что Любовь постучится к нему в дверь и будет в этой неравной и заведомо проигрышной битве на его стороне.

Увидев Нину и Диму, он снова захотел жить, жить столько, сколько удастся украсть у времени. Заметив в дверях женщину, с которой он когда-то связал свою жизнь, наш герой сначала обомлел и не поверил своим глазам. Перед

ним стоял совершенно другой человек, совсем не знакомый. Но прошло мгновение, и сквозь толщу времени стала просвечиваться та же серьезность, сдержанность Нины при внутреннем огне и бурях за холодным выражением глаз... Перед ним стояла та же девушка, которая когда-то пленила его единственным взмахом ресниц...

Психолог думал распрощаться с экспериментами, но так получилось, что созданная им и обстоятельствами паутина связала Машу и Березина значительно сильнее, чем казалось. Профессор снял Дмитрию все установки, как тот и просил. Он решил устроить еще одну проверку Любви, решающую, на кону стояла судьба человека. Меньшие ставки он не принимал.

Но профессор не знал, что в это самое время жизнь ставила над ним тот же самый эксперимент, где независимой переменной выступала Любовь, и только от нее зависело, как долго будет длиться это испытание...

Гореть

Шел дождь. Теплый, легкий, летний грибной дождь, налетевший внезапно. Все люди бросились прятаться под козырьки зданий, в магазины, аптеки. Больные, мирно прогуливающиеся до этого, проявляя не свойственную для выздоравливающих прыть, ринулись в укрытия даже прежде других, некоторые из них при этом позабыли свои жизненно важные для передвижения принадлежности.

Но Маша не спешила, она ловила капли кожей, чувствовала приятное прохладное покалывание, вдыхала удивительный воздух, бывающий таким терпким и свежим одновременно только во время дождя. Она закрыла глаза и несколько мгновений просто наслаждалась жизнью.

Подняв ресницы, она заметила, что навстречу идет человек, прихрамывая. До боли знакомая походка, яркие кеды, футболка с принтом, кожанка в клипсах, только хаер теперь не белый и волосы стали чуть короче. Парень и девушка замерли в метре друг от друга.

– Добрый день.

– Кому как.

– Для меня добрый. Я к профессору, мне сказали, что ему очень плохо и нужно приехать попрощаться.

– Вы опоздали.

- Как опоздал?! — в обычно насмешливых и уверенных глазах горели беспомощность и растерянность.
- Николай Степанович чувствует себя лучше.
- А, в этом смысле, — выдохнул он.
- А вы же должны быть за границей?
- Я был. Прошел обследование. Новые методы лечения. Есть перспективы.
- Поздравляю! Искренне за вас рада, — Маша протянула ему руку, влажную от дождя, всю в каплях, горячую.
- Да ладно, неужели? — усмехнулся он, очень медленно и нехотя выпуская руку.
- Кажется, в нашу последнюю встречу мы с вами простились.
- Это верно. Надеюсь, за это время мы друг друга простили.
- Прощание и прощение — совершенно разные слова, не стоит их путать.
- По мне, так люди слишком много внимания уделяют словам. Лучше бы они обращали внимание на поступки.
- Мне нужно идти, — заторопилась девушка, она буквально выдернула руку и пошла к воротам.
- Спасибо за напоминание! Я тогда выполнил обещание и на следующий день сразу позвонил врачу, — крикнул вдогонку футболист.

Маша остановилась.

- Смотрите, а то простудитесь, снова к врачу придется ид-

ти, — ответила она ему также издалека.

– Я лучше сразу к психологу, так вернее!

Они синхронно опустили головы и задумались. Причем, шли каждый в свою сторону. Дождь постепенно усиливался, превращаясь в ливень. Дима думал, что Маша сейчас уйдет, а Маша — что в последнем варианте письма к Диме не было ни слова о докторе. У девушки возникла неправдоподобная мысль...

Наконец, они также синхронно развернулись лицом к лицу и пошли в обратном направлении.

– Я тебе говорила, что ты балбес?

– Разве можно так разговаривать с одним из лучших бомбардиров чемпионата?!

– Только так и остается!

– Мы попрощались, а снова так мило беседуем. Я же говорил, сегодня добрый день!

– Лучше скажи, как ты узнал про то письмо? Я же его выбросила...

– Во-первых, ты слишком крепко спишь, а во-вторых, лучше нужно уничтожать улики.

«А ведь именно Димка напомнил мне, что значит гореть, он же как пылающая головешка носится со своим футболом, притом у него такая жажда жизни...» — подумала девушка. Маша рассмеялась и спрятала за ухо выбившуюся прядь, напроць промокшую.

– У меня сегодня нет зонтика...

– У меня есть куртка.

Парень ловко скинул свою кожанку и набросил ее на плечи девушке.

– Мир?

– Не слишком ли многого ты просишь — сразу целый мир, может быть, сначала ограничиться каким-нибудь небольшим государством?

– Это не мой масштаб...

Димка не сказал, что врачи запретили ему тренироваться и рекомендовали завершить карьеру, что еще одна подобная травма может навсегда оставить его в инвалидном кресле. Что такой исход особенно вероятен, если футболист приступит к тренировкам немедленно. А именно так он и планировал поступить. Попытаться, а там будь, что будет.

Он и сам до конца не понимал, что впереди у него самый трудный период в жизни. Только одному ему вряд ли удастся справиться, тут нужна помощь, а Березин ни за что не попросил бы о помощи ни у кого. Ни у кого, кроме нее. Девушки с фотографии, на которую Дмитрий смотрит украдкой наедине и с которой разговаривает, когда никого нет рядом.

Дождь постепенно прекратился, стало разясняться, но на небе все еще продолжали блуждать облака.

Маша подходила к воротам клиники, когда ее чуть не сбил парень в темной олимпийке и бейсболке, надвинутой на самые глаза. Он показался девушке знакомым, но ассистент-

ка психолога переваривала встречу с Березиным и не заострила внимания на незнакомце. А зря. Мгновение спустя слышались звуки борьбы. «Димка», — пронеслось в голове у Маши, и она устремилась назад.

Незнакомец, стоявший к девушке спиной, уцепился в Березина мертвой хваткой и собирался «размазать по асфальту», если верить словам нападавшего.

– Ты что, с ума сошел, руки убери!

– Пошел к черту, выродок! Я тебя убью! Но сначала в глаза твои поганые посмотрю!

Маша узнала нападавшего — это был Стрелок. Она вклинилась между своим другом и футболистом, оказавшись лицом к первому.

– Женя, не надо, прошу тебя! С него хватит, он уже получил по заслугам. Отпусти его руку, ему же больно!

– А мне, думаешь не больно? Он же предатель, понимаешь? Он же команду развалил, а сам свалил за бугор! И ты его еще защищаешь? Его?!

– А тебе какое дело? Куда хочу, туда и валю!

Маша взглядом приказала Диме замолчать.

– Не спорь с ним, это страшный человек, он правда может сделать то, о чем говорит.

– А мне плевать, бей! У меня перед командой долгов нет. Давай, заканчивай этот балаган! — футболист перестал сопротивляться.

Глаза у Стрелка были невидящими, она один раз уже име-

ла возможность наблюдать у него это состояние. Оно не сулило ничего хорошего. Раз, два, три. Попытка не пытка.

— Кажется, я тебя как следует не поздравила! — а сама положила руки на плечи Стрелку и стала сигнализировать Диме, чтобы тот воспользовался ситуацией и ретировался. Женья, и правда, ослабил хватку. Внутри него началась борьба. Сознание начало расширяться и проясняться.

— С чем?

— С новой должностью.

— А, короче, понял, — он сам того не желая, отпустил свою добычу.

Дмитрий осмотрел эту странную парочку, усмехнулся, отряхнулся, помотал головой и поковылял ко входу в клинику, куда пока так и не смог попасть.

— Выдохни. Слушай мой голос, — Маша смотрела в глаза Стрелку. — Все хорошо. Я здесь. Все так, как должно быть. Ты спокоен.

Стрелок опустил голову. Когда он ее поднял, то снова стал самим собой.

— Короче, страшный человек?

— А то! Посмотрел бы на себя со стороны. И когда ты прекратишь кидаться на людей?

— Чуть не пришел его, хоть оно того и стоило.

— Не говори глупости! Сам знаешь, он для команды сделал больше, чем все остальные, вместе взятые, сколько болельщиков появилось у команды благодаря ему, сколько побед

мы одержали. И хватит про предательство и тому подобное. Когда же ты поймешь, что футбол — это просто игра, бизнес, если хочешь, но не жизнь. Дойдет до тебя, наконец?!

Стрелок слушал эту тираду, а сам думал о своем и, в итоге, не выдержал:

– Когда-то ты другое говорила. С Березиным приехала, поэтому его защищаешь?

– Никуда я с ним не ездила! Ты же сам давал Егору адрес, я была дома!

– Точно? — не поверил Стрелок.

– Можешь у Егора спросить.

– Короче, не делай больше так.

– Как — так?

– Не пропадай.

– А ведь я и правда чуть не пропала. Но не будем об этом.

– Ладно, — как обычно без лишних вопросов согласился Стрелок. — А ведь мы теперь соседи, мне комнату дали в другом крыле на базе, готовить материалы для музея.

– Что ж, это ненадолго, но приятное соседство. Женя, я хотела сказать...

Маша хотела сказать, что благодарна Жене за все, что он сделал для нее и профессора, за то, что был рядом, когда нужно, что можно было на него положиться, но слова застряли в горле.

Стрелок посмотрел на нее своими мутного цвета глазами и выразился, как всегда коротко:

– Я знаю.

На самом деле именно новоиспеченный руководитель музея спас Машу от нападков жены Бегового. Он в своем фирменном стиле собрал ребят, фанатов разных команд, знакомых по околофутбольным разборкам, а потом организовал «встречу», где доходчиво объяснил, что Машу лучше оставить в покое. Но девушка об этом не узнает. Женя был из тех, кто не любит разбрасываться словами и хвалиться подвигами даже перед девушками. Особенно перед девушками.

Актальный зал. Добротный такой, представитель отжившей, но памятной и по-своему прекрасной эпохи. Много народа, море цветов, улыбок и даже слез. Выпускались представители юридического факультета. Серьезные такие, повзрослевшие и, если учесть преобладание ребят, возмужавшие. Слова напутствия говорили и ректор, и декан, и делегаты от администрации. Выпуск хвалили. В первом ряду стоял парень в темно-синем костюме, подчеркивающим шоколад глаз. Он тоже улыбался, от чего на щеках проступали ямочки. Ему, как и многим другим не верилось, что студенческие годы подходят к концу, что впереди другая жизнь, что группа, успевшая стать родной, будет разброшена по белому свету, а сам он тоже отправится покорять этот самый пресловутый «свет». Но была и радость. Радость от предвкушения нового, от желания не становиться, а быть, от желания приносить пользу.

Стоя на сцене, продолжая внимать выступающим, он нашёл глазами родителей. Отец был счастлив, это было видно по лицу. Его сын не подвел — стал одним из лучших на курсе, активно помогал в работе спортивной школы и даже в нескольких тонких юридических операциях, в которых раньше ему приходилось искать помощника на стороне.

Мама еле сдерживала слезы. Она понимала, что скоро еще один сын уедет от нее, дом опустеет, а внуков ждать не придется, ведь старший сын развелся, едва успев жениться. Не сказать, чтобы Лидия Ивановна была в восторге от невестки, но лучше такая, чем никакой. Она искренне опасалась за личную жизнь сына: у Егора спорт всегда был на первом месте, а все остальное постольку поскольку. А тут еще и младший в другую страну едет... А вдруг там и останется?

Костя по маминому лицу читал все ее чувства, он всегда был чувствительнее, чем казался, иногда видел то, что внешне совершенно не было видно. Но, как всегда бывает в таких случаях, порой видел то, чего на самом деле нет, и сам знал за собой эту слабость.

Многих в зале он видел впервые. Из-за того, что на курсе большинство составляли парни, в зале был цветник из девушек на любой вкус. Были тут и блондинки, и брюнетки, и рыжие. А каких только платьев и причесок не встретишь! Любой модный показ только позавидовал бы такому великолепию. Но той единственной девушки, которую он хотел бы

увидеть, там не могло быть. Принять решение не звонить, не писать, не пересматривать ежечасно фотографии было непросто, но самое трудное было запретить себе думать, особенно человеку, привыкшему к размышлениям по поводу и без. Даже там, за границей, он каждый день вспоминал ее, мучился, веря в ее отъезд с Березиным и одновременно сомневаясь в каждой своей мысли.

Костя искренне полагал, что Маша — уникальная, волшебная, невероятная девушка, достойная самого лучшего, а что может быть лучше счастья? Раз ему не суждено сделать ее счастливой, пусть это сделает кто-нибудь другой, более достойный. Несколько раз ему казалось, что Маша где-то здесь, среди гостей. Но каждый раз он убеждался, что это всего лишь игра воображения.

Внезапно его взгляд упал на русые локоны. Девушка знакомым движением отвела прядь и подняла глаза. В первые секунды они растерянно и удивленно переглядывались. Костя даже несколько раз моргнул, но видение не исчезло. Маша тоже не знала, как себя вести, ведь ее не приглашали. Наконец, она взяла себя в руки и робко улыбнулась. Ей ответили. Костя заметил, что у девушки в руках букет, да и сама девушка своим длинным платьем в сочетании с чистотой внешности напоминала цветок. Она усиленно о чем-то сигнализировала, показывала себе на запястье, а потом на него. Едва различив красную нить, парень догадался, чего ему желает Маша. «Я знаю», — одними губами прошептал Костя.

Несмотря ни на что, в это мгновение он был действительно счастлив.

* * *

Димка сидел за столом в буфете университета, который сегодня посетил в последний раз в ранге студента. День не задался с самого утра: сначала проспал, еще и с Вероникой поссорился, отчего пришлось идти на мероприятие одному. В зале царила предпраздничная суета, все носились, прихорашивались, поздравляли друг друга. Парень не понимал, зачем это надо: ведь в группе все давно уже были сами по себе: у многих уже были свои семьи, кто-то работал, одним словом, забот хватало. Большинство уже несколько месяцев мечтало, когда же наступит этот знаменательный день, а теперь слезы льют, что он все-таки настал. Страшная непоследовательность.

Он машинально растянул узел галстука, настолько стянувшего шею, что, казалось, невозможно было продохнуть, продолжал помешивать ложечкой растворимый кофе с молоком, потом отложил столовый прибор, поднял голову и увидел, но почему-то будто зачарованно, как девушка напротив делает то же самое.

– Димка, я конечно все понимаю, но не пригородный же лес... Хотя бы не в середине марта, когда вокруг такая слякоть, что ног не вытянешь!

– Ну вот, не получится из тебя хороший психолог, — парень всегда использовал этот трюк, когда у него не хватало

аргументов, потому что знал, как трепетно Маша относится к своей будущей профессии.

– Из меня не получится хороший психолог, потому что я не горю желанием копаться в мусоре в пригородном лесу в весеннюю распутицу? Сногсшибательная логика!

– Нет, не из-за этого. Просто ты не умеешь гореть.

– Да ладно!

– Правда. Если сам не горишь, то невозможно зажечь других. А тебе работать с людьми.

Такие разговоры, которые люди позволяют себе в восемнадцать, уже не повторяются ни в двадцать пять, ни в тридцать, никогда потом. В это время решаются глобальные проблемы, преодолеваются мировые кризисы и катастрофы, причем такими способами, что любые аналитики и фантасты искусаили бы себе локти от зависти, если бы им довелось услышать подобные варианты развития событий.

– Ты, очевидно, за верховые пожары? Ну, те, которые быстро распространяются и сжигают все на своем пути?

– Отчего же, не только. Я не прочь подпалить и высохшую траву, и горы мусора в нашем пригородном лесу, — пошутил Димка.

– А мне ближе торфяные пожары, такие, которых не видно, но они практически непобедимы и могут продолжаться очень долго. Что толку быстро сгореть?

– А если не гореть внешне, то как узнать, что внутри есть пламя?

Маша задумалась.

– Должны быть свои признаки. И вообще, тебе хорошо говорить: у тебя и волонтерство, и спорт, и общественная работа... Зачем тебе я? Позови Веронику.

– Она не пойдет.

– Вот, здравомыслящий человек! Ей, значит, можно не гореть?

– Она другая.

– А нам, простым смертным, значит, нельзя лишний денек отдохнуть?

– Хватит уже, скажи лучше, пойдешь или нет. Ну, пойдём!

Маша несколько мгновений молчала, снова окуная ложечку в почти остывший кофе.

– Я скажу своим, может, кто еще отзовется. Наверно, ты прав. Я не такая, не умею гореть так, как ты... За себя скажу, что приду, а как другие — не знаю.

– Спасибо.

Димка улыбнулся и в знак благодарности протянул к девушке руку, ее ладонь лежала на столе, но Маша, уловив это движение, отвела пальцы и пошутила:

– Это моя шоколадка, делиться не буду.

На следующее утро она и ее одногруппницы пополнили ряды волонтеров. Погода стояла, мягко говоря, неважная, но Маша пребывала в хорошем настроении, подбадривала девчат, ни разу, ни словом, ни жестом не выразила своего недовольства. Завязалась интересная беседа. В итоге тот тру-

довой день запомнился как веселый, насыщенный, как для Димки, так и для его ребят-одногоруппников....

Димка протер глаза. Это был снова он настоящий, один, за тем же столом, теперь уже в совершенно опустевшем буфете. За считанные минуты он вспомнил, сколько всего пережил, перепробовал и перечувствовал, пока учился в университете. Димка одним глотком допил кофе, вернул на место галстук и поспешил в зал. Ведь там остались люди, которые были ему дороги. Правда, он понял это только сейчас. И не только это.

Письмо

Мария Александровна! Хочу Вас уведомить о том, что мы вынуждены Вас уволить с должности ассистента психолога вследствие окончания действия контракта, который мы решили не продлевать.

Благодарим Вас за ответственную работу, своевременное и надлежащее выполнение всех своих профессиональных обязанностей. Мы искренне признательны Вам за все то, что Вы сделали для нашего клуба.

Посоветовавшись, мы решили предложить Вам должность психолога в клубе, которую ранее занимал Н. С. Елисеев, так как считаем Вас наиболее подходящей кандидатурой, учитывая Ваш опыт работы и отношение к Вам внутри коллектива.

С уважением, Ю. Ю. Кротов

P.S. У Вас три дня на раздумья, заметьте, это значи-

тельно больше, чем я даю обычно, но все равно поторопитесь!

Эпилог

Ну, вот я все вспомнила. И что? Что со всем этим делать? Конечно, хорошего было намного больше, чем плохого, я бесконечно благодарна профессору.... Но впереди столько вопросов, трудностей... Кто ты, девушка на фотографии футболиста Березина? Справишься ли ты? Может, хватит играть с чужими судьбами, смотреть в кривые зеркала и бороться с чудовищами!?

А ведь я ни разу по-настоящему не пожалела о своем выборе. Это тоже чего-то стоит... Похоже, пора двигаться вперед. Сколько у меня процентов возможного успеха? По самым оптимистичным подсчетам, не больше пятидесяти. Это даже к лучшему, будет интрига.

И все-таки Березин... Передо мной за последние месяцы мелькало столько лиц и историй, но лишь его я не смогла разгадать, он как будто не делится на части, не раскладывается на ноты... Что же творится в твоей голове, футболист Дмитрий Березин?

Однажды мы еще встретимся. И я от тебя не отстану, пока не узнаю, к чему были все эти кактусы, бутерброды, а самое главное, фотография с вроде бы ничем не примечательной девушкой. Со мной.